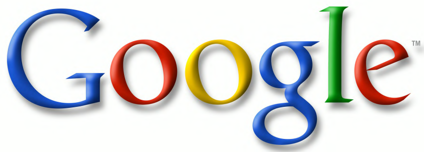
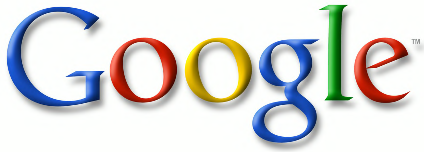

VE
RI
TAS

ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ
изданіе М. В. Клюкина.

М. А. Литвиновъ.

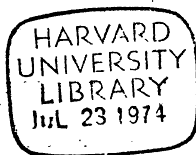
ИСТОРІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ.

№. 5—6—7.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собствен. домъ.
1897.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUL 23 1974

Императоръ Александръ II.

Дозволено Цензурою, Москва, 18 Сентября 1896 г.

ТИП. ВИЛЬДЕ КИСЛОВКА, МОСКВА.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Дозволено Цензурою, Москва, 18 Сентября 1896 г.

ТИП. ВИЛЬДЕ КИСЛОВКА, МОСКВА.

Я. И. Ростовцевъ.

Дозволено Цензурою, Москва, 18 Сентября 1896 г.

ТИП. ВИЛЬДЕ КИСЛОВКА, МОСКВА.

Глава I.

Оглавленіе. — Корни крѣпостного режима глубоко затаены въ народной жизни. — Культура пастушеско-кочевыхъ народовъ. — Родовой бытъ. Семейная и территоріальная община.

Когда возникло крѣпостное право? Вотъ вопросъ, который интересуетъ каждаго, и на который послѣдовало столько самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ.

Да и что такое крѣпостное право? Дѣйствительно, представлялъ-ли собой что-либо постоянное этотъ институтъ, постоянно мѣнявшійся, не только по формѣ, но и по содержанію, не только по своимъ обычнымъ, но и правовымъ нормамъ? Ясно, что опредѣленіе такого понятія должно быть очень общаго характера, если мы не хотимъ сузиться, принять во вниманіе только одну какую нибудь эпоху и, основываясь на ея изученіи, дѣлать опредѣленіе спеціальнаго характера. И такъ, что же такое крѣпостное право, крѣпостная зависимость? Слово „крѣпостной", „крѣпкій" отчасти указываетъ на сущность дѣла, а именно, что одинъ человѣкъ крѣпокъ т. е. зависитъ отъ другого, причемъ надо до бавить, что зависимость эта была экономическая и юридическая, освященная обычаемъ или закономъ.

Наша цѣль—найти элементы, изъ которыхъ сложился крѣпостной порядокъ, прослѣдить развитіе ихъ отъ самаго зарожденія,—т. е. съ того момента, когда появилось неравенство. А такъ какъ неравенство между людьми возникло въ доисторическія времена, то слѣдуетъ отнести корни крѣпостного режима къ самой глубокой древности. Къ сожалѣнію, исторія представляетъ слишкомъ мало данныхъ, по которымъ можно судить о жизни первобытнаго человѣчества, и потому мы не можемъ отвѣтить, какъ возникло неравенство. Приходится строить различныя гипотезы, догадки, чтобы хотя немного удовлетворить пытливые запросы нашего ума. Мы обойдемъ этотъ неясный для насъ періодъ и начнемъ изложеніе съ того времени, когда человѣчество, пройдя первичную фазу своего развитія, такъ называемое дикое состояніе, каменный, бронзовый и др. вѣка, стало вести пастушеско-кочевой образъ жизни.

Мы имѣемъ много указаній на то, что у пастушеско-кочевыхъ народовъ культура была родовая, и что, по мѣрѣ того, какъ разлагался родовой бытъ, кочевой образъ жизни смѣнялся осѣдлымъ, охота и скотоводство вытѣснялись земледѣліемъ, которое, естественно, привязывало человѣка къ извѣстной мѣстности; или вѣрнѣе: родовой бытъ сталъ разлагаться потому, что новая земледѣльческая культура стала требовать иной организаціи, болѣе приспособленной къ новому порядку вещей. Естественно, что между старымъ и новымъ укладами жизни должна была происходить борьба, и процессъ разложенія долженъ былъ тѣмъ болѣе подвигаться впередъ, чѣмъ болѣе этому разложенію способ-

ствовали общія условія. Процессъ этотъ могъ закончиться въ однихъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позднѣе, въ однихъ мѣстахъ онъ могъ давать одни результаты, въ другихъ—другіе. Во всякомъ случаѣ родовой бытъ стремился приспособиться къ новому порядку вещей и пріобрѣталъ такого рода свойства, которыхъ онъ раньше не имѣлъ. На его развалинахъ выростала семейная община, „задруга", зародышъ территоріальной общины.

Сохранились свидѣтельства, ясно указывающія на то, что исторія застала славянъ въ періодъ господства родового быта. Одинъ древній лѣтописецъ оставилъ намъ очень цѣнную замѣтку о бытѣ восточныхъ славянъ: „каждый жилъ со своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ" [1]).

Понятіе „родъ" не равнозначащее понятію „семья"; да семьи, въ современномъ смыслѣ этого слова, и не существовало въ то отдаленное время, когда былъ только родъ, т. е. совокупность всѣхъ степеней родства, а такъ какъ другихъ, болѣе развитыхъ формъ общественности не было, то понятіе „родъ" было равнозначащимъ понятію „народъ", а „родственникъ"—понятію „соотечественникъ". Родъ дѣлился на особыя линіи, которыя назывались племенами. Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ (старецъ, владыка, князь). Каковы были отношенія между членами рода (родственниками) и родовымъ главой? Безспорно, здѣсь было извѣстное раздѣленіе труда. Родоначальникъ хранилъ родовую кассу, давалъ судъ и расправу, распоряжался общественными работами, вносилъ

---

[1]) Полн. собр. р. лѣт., I, 4.

подати и т. д. Права патріарха или родоначальника у различныхъ народовъ были различны: такъ, у римлянъ и германцевъ отецъ семьи имѣлъ право продать своихъ дѣтей въ рабство и даже казнить ихъ. Не знаемъ, было ли когда нибудь такое право у родоначальниковъ славянскихъ, такъ какъ лѣтописцы ничего не говорятъ намъ объ этомъ; во всякомъ случаѣ въ правахъ ихъ было много сходства.

Въ основѣ первобытной славянской общины лежала семья. Славянская община есть семейная община, или, лучше сказать, расширенная патріархальная семья, задруга. Въ этой общинѣ семья владѣетъ землей сообща, а глава ея, старецъ, или родоначальникъ, имѣетъ отеческую власть надъ всѣми членами семьи. Очень можетъ быть, что въ родоначальники попадали не только старшіе въ родѣ, но и счастливые на полѣ битвы, люди сильные и съ независимымъ нравомъ. Эти сильные люди въ родѣ могли предъявлять извѣстныя права, желанія. Они могли присваивать общее имущество въ свою пользу, или, вообще говоря, они могли дѣлаться крупными собственниками, настолько крупными, что вся община могла находиться у нихъ сначала въ номинальной зависимости, а потомъ экономической и политической.

Но процессъ могъ итти иначе. Задруга могла превратиться въ территоріальную общину съ выборной властью, въ хозяйственную и самоуправляющуюся единицу.

Итакъ, первый процессъ даетъ въ результатѣ зависимыхъ людей, даетъ начало неравенству, откуда только одинъ шагъ до типа половника и бездомнаго пролетарія,

рабочаго и холопа. Второй же процессъ можетъ породить нѣсколько иной результатъ, а именно общину, какъ независимую и самоуправляющуюся хозяйственную единицу. Мы привели только два случая, въ дѣйствительности же процессъ могъ совершаться съ тѣми или другими варьяціями, смотря по условіямъ мѣстности, богатству страны, климатическимъ, политическимъ и другимъ условіямъ. Много разнообразія должны были вносить частыя войны и набѣги дикихъ кочевниковъ, причемъ хозяйственная жизнь мѣстности должна была измѣняться на время, если не на всегда, и принимать чуждыя ей, иногда самыя нежелательныя формы. Какъ бы тамъ ни было, а дифференціація началась очень рано, и все общество мало-по-малу начало дѣлиться на двѣ части: на меньшую — соотвѣтствующую развитію тѣхъ принциповъ, которые совмѣщалъ въ себѣ первобытный патріархъ, и на большую — въ которую главнымъ образомъ вошелъ элементъ труда, т. е. крестьянская масса. Какъ та, такъ и другая часть немедленно должны были подвергнуться дальнѣйшей дифференціаціи. Вмѣстѣ съ приливомъ населенія и развитіемъ нѣкоторой культурности должны были слагаться извѣстные мѣстные отношенія и обычаи. Такимъ образомъ создавалось обычное право, которое могло получить ту или другую степень гражданства, сдѣлавшись выразителемъ интересовъ какого-либо сильнаго класса, и въ концѣ-концовъ пріобрѣсти законодательную и государственную санкцію.

Первый историческій періодъ развитія крѣпостныхъ отношеній характеризуется тѣмъ, что отношенія между землевладѣльцемъ и мелкимъ собственникомъ, между хо-

зяиномъ и рабочимъ не были закрѣплены никакимъ писанымъ закономъ. Это было время господства обычнаго права или неписанаго закона. Но даже и послѣ появленія писаныхъ законовъ, санкціонируемыхъ государственной властью, обычное право и частныя гражданскія отношенія не переставали оказывать своего вліянія на развитіе какъ мѣстной жизни, такъ и новыхъ законовъ. И дѣйствительно, очень часто мы видимъ, что мѣстная жизнь вырабатываетъ извѣстныя юридическія понятія, которыя развиваются, укрѣпляются и живутъ иногда нѣсколько десятковъ и даже сотенъ лѣтъ, пока, наконецъ, не наступитъ извѣстный благопріятный политическій моментъ, и государственная власть не признаетъ совершившагося факта и не утвердитъ въ законодательномъ порядкѣ то, что уже давно признано и выработано мѣстной жизнью. Мы не утверждаемъ однако, что обычное право должно было всегда господствовать: мы часто видимъ,—возьмемъ, напримѣръ, время Петра Великаго,—что государственная власть сама вводитъ нѣкоторыя измѣненія въ существующій порядокъ вещей и сама создаетъ новыя юридическія нормы и понятія, которыя могутъ быть и чуждыми данному обществу и данному времени. Дѣло состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, на чью сторону становится государственная власть, т. е. равнодѣйствующая всѣхъ политическихъ силъ даннаго времени,—на сторону трудового начала, или же на сторону крупной собственности и капитала.

Глава II.

Оглавленіе.—Древне-русское законодательство.—Договоры кіевскихъ князей съ греками.

Первый интересный для насъ законодательный памятникъ есть договоръ Олега съ греками, относящійся къ началу X столѣтія (911); въ немъ мы можемъ усмотрѣть ясные слѣды разложившагося родового быта. Такъ, убійца, по древнимъ русскимъ понятіямъ, подвергался смерти на мѣстѣ преступленія родственниками убитаго. Въ случаѣ бѣгства убійцы, одна изъ статей договора ограничивала родовую месть, допустивъ „выкупъ“, или денежное вознагражденіе родственниковъ убитаго; вся собственность убійцы переходила къ этимъ послѣднимъ, а собственность невинной жены убійцы оставалась неприкосновенной. „Ежели же убійца, убѣжавъ, не оставитъ имѣнія, то искъ не прекращается до тѣхъ поръ, пока его не отыщутъ“. Очевидно, жизнь человѣческая слишкомъ мало цѣнилась, потому что хозяйственный укладъ еще не представлялъ собой ничего устойчиваго, и хозяева не особенно нуждались въ рабочихъ рукахъ.—Но скоро само собой чувство кровавой мести должно было уступить чувству болѣе практичному, и рабство должно было замѣстить собой смертную казнь.

Если земледѣльческая культура была еще слабо развита въ славянскихъ земляхъ, если спросъ на рабо-

чія руки тамъ былъ незначителенъ, то онъ былъ силенъ въ западныхъ, болѣе культурныхъ странахъ. Греческіе и арабскіе писатели говорятъ, что русскіе славяне торговали невольниками въ Греціи, въ западной Европѣ, напримѣръ, въ Ахенѣ, и въ Камской Болгаріи. Одна изъ статей договора также ясно говоритъ объ этомъ. Челядинцами, или невольниками были плѣнники, которые продавались, какъ товаръ. И торговля людскимъ товаромъ была настолько развита, что русскіе славяне не только продавали своихъ плѣнниковъ, но и скупали челядинцевъ и невольниковъ, гдѣ только было возможно. Права хозяина надъ челядинцемъ были неограниченныя и охранялись закономъ; хозяинъ имѣлъ право разыскивать свою бѣглую собственность и разсчитывать при этомъ на содѣйствіе закона.

Договоръ Игоря съ греками (945 г.) немногимъ отличается отъ Олеговаго договора, такъ какъ онъ повторяетъ почти всѣ старыя статьи. При Игорѣ родовая месть еще болѣе была ограничена, и вмѣсто нея налагалась уже съ одной стороны „вира въ пользу княжей казны на содержаніе оружія и коней", а съ другой извѣстное вознагражденіе родственниковъ убитаго.

Глава III.

Оглавленіе. — Русская Правда. — Уставъ Владиміра Мономаха.

Слѣдующій памятникъ, представляющій для насъ большой интересъ, это „Русская Правда“ Ярослава Мудраго, сына Владиміра Святого.

Русская Правда есть, собственно говоря, сборникъ древнихъ законовъ. Историки признаютъ, что только первыя семнадцать статей этого сборника относятся ко времени Ярослава, а остальныя составлены при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава.

По „Русской Правдѣ“ за убійство, за увѣчье и за побои полагалась кровавая месть, если же мести не было, тогда платилась князю „вира“. За убійство свободнаго человѣка виноватый долженъ былъ заплатить 40 гривенъ [1]), а за княжескаго 80 гривенъ. За укрывательство чужого раба полагалась пеня въ три гривны; та-

---

[1]) Гривна была высшая монетная единица. Нужно различать гривну серебра и гривну кунъ. Гривна серебра была большая, состоявшая изъ серебряныхъ кусковъ, вѣсомъ отъ 43 до 49 золотниковъ, и малая — отъ 32 до 35 золотниковъ въ кускѣ серебра. Гривна серебра равнялась семи гривнамъ кунъ; слѣд. гривна кунъ составляла отъ 5 до 7 золотниковъ серебра. Позднѣе гривна *рубилась* на части; каждая изъ *отрубленныхъ* частей наз. *рублемъ*.

кое же наказаніе полагалось при простой кражѣ. Укрывателю чужого раба давалось три дня срока, чтобы объявить о бѣглецѣ куда слѣдуетъ или чтобы вывести его на торгъ; если же онъ этого не дѣлалъ, то считался воромъ и платилъ въ наказаніе три гривны. Въ случаѣ запирательства виновнаго, дѣло рѣшалось судомъ изъ выборныхъ лицъ.

Чтобы судить, насколько развились понятія о собственности и насколько вошли въ обычай и нравы неравенство людей и неравноправность ихъ передъ закономъ, достаточно сказать, что въ „Русской Правдѣ" рабъ, ударившій свободнаго человѣка, могъ быть убитъ этимъ послѣднимъ, причемъ законъ за убійство въ этомъ случаѣ не наказывалъ. Если же владѣлецъ провинившагося раба укрывалъ его, то долженъ былъ заплатить штрафъ въ 12 гривенъ, и, несмотря на это, рабъ рисковалъ быть убитымъ совершенно безнаказанно лицомъ, которому было нанесено оскорбленіе.

Русская Правда сыновей Ярослава совершенно отмѣняетъ древне-родовое право мести и замѣняетъ его денежнымъ вознагражденіемъ.

Въ XII в. прибавляется новый законъ: за воровство свободный человѣкъ платитъ пеню, равную стоимости краденаго, а за раба, укравшаго что-либо, платитъ его господинъ вдвое болѣе стоимости украденаго.

Законодательство о холопствѣ появляется при внукахъ Ярослава [1]). Свободный человѣкъ становится полнымъ

---

[1]) См. Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русск. законодательства. М. 1879 г. стр. 264.

холопомъ при покупкѣ его на торгу и при „свидѣтеляхъ“. Если свободный человѣкъ при продажѣ молчитъ, то это молчаніе принимается за согласіе на продажу его въ холопы. Вступившій въ бракъ съ рабой дѣлается тоже рабомъ, если онъ до своего вступленія въ бракъ не условился объ этомъ предметѣ съ ея господиномъ; въ противномъ случаѣ законъ охраняетъ не только его собственную свободу, но даетъ свободу и бывшей рабынѣ, его женѣ. Если кто нанимается на должность тіуна или ключника (нѣчто вродѣ эконома или прикащика), то долженъ договариваться съ новымъ хозяиномъ о своей свободѣ, въ противномъ случаѣ господинъ можетъ обратить его въ раба.

Не поражаетъ ли насъ эта странная казуистика, это, если можно такъ выразиться, попустительство закона? Законъ какъ бы пассивно относится къ беззащитности темнаго люда и тѣмъ какъ бы обрекаетъ его на неволю. Трудно въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобы въ это время простой человѣкъ зналъ въ совершенствѣ всѣ юридическія тонкости, написанныя, очевидно, въ угоду землевладѣльческому классу. Правда, законъ ограждаетъ права свободныхъ отъ насилія въ томъ случаѣ, если они сдѣлались должниками или не выполнили обязательствъ; онъ не дозволяетъ обращать рабочихъ въ холопство даже тогда, когда, сдѣлавши заемъ, они отказываются отъ работы; законъ обязываетъ ихъ только возвратить то, что взято; но развѣ не могло и здѣсь быть значительныхъ злоупотребленій!

О бѣглыхъ холопахъ Русская Правда говоритъ слѣдующее: если кто накормитъ бѣглаго холопа или ука-

жетъ ему дорогу, зная о его побѣгѣ, онъ подвергается штрафу за холопа въ 5 гривенъ, за холопку въ 6 гривенъ.

Еслибы холопъ, назвавши себя свободнымъ, сдѣлалъ заемъ, то господинъ долженъ выплатить взятое холопомъ или отдать его въ полную собственность. Долги, сдѣланные холопомъ, какъ таковымъ, не возвращаются господиномъ. Если при поимкѣ бѣглаго холопа окажется у него собственность, пріобрѣтенная послѣ бѣгства, то эта собственность принадлежитъ господину.

Русская Правда, слѣдовательно, признаетъ холопа домашнимъ животнымъ господина или вещью его. Если рабъ переходитъ во владѣніе другого господина, то жена и дѣти не слѣдуютъ за нимъ.

Продажа рабовъ служила источникомъ дохода и для княжеской казны: такъ, при покупкѣ раба законъ взималъ въ пользу князя 30 кунъ, а при отпускѣ его на свободу—9 кунъ. Рабъ, отпущенный на волю, назывался изгоемъ; онъ находился подъ покровительствомъ церкви до тѣхъ поръ, пока не причислялся къ какой-нибудь общинѣ.

Ко времени Владиміра Мономаха (умеръ въ 1125 г.) сельское населеніе дѣлилось на четыре болѣе или менѣе значительныхъ класса или группы:

1) Собственно рабъ, челядинецъ, холопъ. Этотъ классъ состоялъ изъ людей, взятыхъ на войнѣ, или тѣхъ, которые добровольно продавали себя, изъ несостоятельныхъ должниковъ и изъ нѣкоторыхъ преступниковъ.

2) Батракъ (наймитъ), человѣкъ, продававшій свой

трудъ. Эта категорія не имѣла опредѣленнаго мѣстопребыванія и не была связана ни съ общиной, ни съ землевладѣльцемъ.

3) Крестьянинъ, жившій на чужой землѣ, „ролейный закупъ", съ обязанностью платить за землю работой или съ правомъ за обработку чужой земли получать условную плату хлѣбомъ или другими произведеніями,—члены сельской общины, имѣвшіе опредѣленное мѣстожительство, въ отличіе отъ батраковъ. „Ролейные (пахатные) закупы явились первоначально чѣмъ то въ родѣ наймитовъ, но какъ плата, получавшаяся ими за наемъ, состояла въ пользованіи участками господской земли, на которыхъ они при помощи землевладѣльца могли имѣть хозяйство, то мало по малу ролейные закупы получили свои особыя черты, которыя отличали ихъ отъ простыхъ наемныхъ работниковъ или батраковъ" [1]).

4) Крестьянинъ, владѣвшій землей по праву собственности.

Уставъ Мономаха узаконяваетъ кредитъ подъ залогъ личности свободнаго человѣка. Заложенное лицо называлось денежнымъ закупомъ. Денежный закупъ не дѣлался холопомъ послѣ залога своей личности, но сохранялъ личную свободу; его нельзя было продавать, онъ не могъ только уклониться отъ платежа долга. Послѣ побѣга денежный закупъ превращался въ холопа (обѣльный холопъ). Если денежный закупъ уходилъ для добыванія

1) Бѣляевъ.—Крестьяне на Руси.—Стр. 24.

денегъ на сторонѣ, чтобы выкупить свою личность, то это не ставилось ему въ вину; если же, кромѣ того, онъ уходилъ съ жалобой на притѣсненія, то судъ, признавая закупа равной стороной, производилъ дознаніе и взыскивалъ въ случаѣ надобности съ хозяина.

Въ отношеніи къ ролейному закупу законодательство Владиміра Мономаха еще точнѣе опредѣляетъ не только его права и обязанности, но и права и обязанности господина. Такъ, господинъ, обманувшій закупа, не давъ ему участка земли, какъ это слѣдовало по договору, платилъ за „обиду“ 60 кунъ. Господинъ, заложившій закупа безъ его вѣдома (очевидно, произволъ былъ вполнѣ возможенъ даже при точныхъ законахъ), долженъ былъ заплатить за обиду 3 гривны. Но это еще не все. Господинъ, продавшій закупа въ полное рабство, не только терялъ право на закупа, но за обиду платилъ 12 гривенъ штрафа. Эти двѣ послѣднихъ статьи для насъ очень важны, такъ какъ изъ нихъ ясно видно, что простая матеріальная зависимость какъ бы обусловливала и юридическую зависимость. Если такъ легко было продать человѣка и поплатиться только пеней, то спрашивается, при безгласности и невѣжествѣ арендаторскаго класса (ролейныхъ закуповъ), сколько такихъ дѣлъ могло доходить до суда, гдѣ во всякомъ случаѣ вліяніе богатаго владѣльца должно было много значить. Господинъ, прибившій закупа, долженъ былъ ему платить 60 кунъ, какъ и свободному. Закупъ, обокравшій господина, обращался въ его холопа. Съ другой стороны, если за какое либо, хотя и незначительное, преступленіе на закупа налагался денежный штрафъ, то господинъ могъ про-

дать закупа въ холопство, уплатить изъ полученныхъ денегъ, что слѣдуетъ, а остатокъ взять себѣ. Операція, нельзя сказать, чтобы невыгодная!

Итакъ, рабъ, холопъ, былъ вещью, собственностью господина, который имѣлъ надъ нимъ самыя неограниченныя права. Онъ могъ его продать, подарить, отпустить на волю и т. д.

Наймитъ и собственно крестьянинъ были, наоборотъ, людьми свободными, пользующимися всѣми правами свободнаго человѣка и нисколько не связанными съ землей, на которой они сидѣли. Крестьяне были въ то же время членами общины; внѣ общины были только батраки, гулящіе люди, неролейные закупы, или кабальные холопы. Община такимъ образомъ какъ бы предохраняла личность крестьянина отъ притязаній и насилій богатыхъ и властныхъ, даже если крестьянинъ жилъ на ихъ землѣ.

Русская земля состояла изъ крупныхъ и мелкихъ общинъ, т. е. городовъ и селеній, находившихся въ той или иной связи между собой. Мелкія общины (селенія) „тянули" къ крупнымъ (городамъ). Селенія и починки (мелкія селенія) находились между собой въ извѣстной связи и составляли волости, т. е. тѣ административные центры, которые сносились между собой и съ городомъ. Точно такъ же, какъ городъ имѣлъ свое выборное самоуправленіе, сельское общество имѣло свой „міръ".

На сѣверѣ выработалась нѣсколько другая бытовая форма общественности, а именно погостъ, — это также былъ своего рода административный центръ, завѣдовав-

шій важнѣйшими функціями мѣстной жизни (судъ, защита противъ нападенія враговъ).

Въ волости, въ погостѣ могли быть черныя и бѣлыя земли. Черныя земли принадлежали государству. На нихъ могли селиться всѣ, подъ условіемъ исполненія извѣстныхъ государственныхъ повинностей. Въ частную собственность владѣльцевъ эти земли переходить не могли. Бѣлыя, или владѣльческія земли дѣлились на два вида: на городскія, которыя иногда давались, какъ жалованье, за службу или просто въ аренду, и на собственно владѣльческія, представлявшія собственность бояръ, купцовъ и др. Городскія земли дѣлились на тяглыя и нетяглыя; къ нетяглымъ, т. е. къ необложеннымъ податью, относились церковныя земли и тѣ, которыя давались, какъ жалованье, за службу.

Общество того времени состояло изъ бояръ, купцовъ и черныхъ людей, т. е. горожанъ, ремесленниковъ и сельчанъ или смердовъ.

Для болѣе правильнаго сбора податей и распредѣленія повинностей, городскіе и сельскіе жители были раздѣлены на сотни, особыя податныя группы, находившіяся въ вѣдѣніи сотниковъ.

Глава IV.

Оглавленіе. — Черныя, бѣлыя и помѣстныя земли. — Крестьянскія вотчинныя земли и община.

Черной землей называлась земля, принадлежавшая князю, какъ представителю государственной власти, въ отличіе отъ бѣлой, которая принадлежала частному собственнику, или вотчиннику. Русскіе князья съ давнихъ временъ начали широко пользоваться правомъ раздачи земель въ частное или помѣстное владѣніе. Въ лѣтописи въ первый разъ появляется указаніе на раздачу земли во время Владиміра Святого. Князь давалъ эту землю своимъ дружинникамъ въ частное пользованіе на время ихъ службы или на цѣлую жизнь, но при этомъ имъ не давалось права распоряжаться этой землей по своему усмотрѣнію.

„Помѣстье давалось для службы, а вотчина за службу". Первое давалось изъ общинныхъ земель и городовъ, а второе изъ владѣній князя. Въ первый періодъ нашей исторіи, когда земля мало цѣнилась, и когда служба у князя представляла вѣрный и значительный доходъ, раздача земель не должна была принимать широкихъ размѣровъ. Но позднѣе, при извѣстномъ прогрессѣ земледѣльческой культуры и при усиленіи могущества князей, раздача земель приняла широкіе размѣры. Дружина такимъ образомъ перестала быть бродячей и прикрѣплялась не только къ землѣ, но и къ князю, на ограниченномъ помѣстномъ правѣ, т. е. подъ условіемъ службы. Завоеваніе и присоединеніе къ Москвѣ

въ XVI в. крупныхъ земель вызвало помѣстную систему къ лихорадочной жизни и дало ей полное развитіе при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ.

Подъ вліяніемъ монгольскаго завоеванія Руси складываются новыя воззрѣнія, какъ на власть князя, такъ и на его фиктивную собственность; подъ именемъ „черной земли“ стали разумѣть не только княжескія земли, на правѣ полной собственности, но и всѣ земли, населенныя „черными“ людьми. И, какъ ханъ считался верховнымъ собственникомъ завоеванной татарами территоріи, такъ и московскіе князья съ усиленіемъ своего матеріальнаго могущества стали считаться собственниками государственной земли. Эволюція новыхъ понятій происходила медленно. Сначала московскіе князья считали себя верховными владѣтелями только покоренныхъ и разгромленныхъ ими земель (Новгородъ, Псковъ): фактически они это показали, экспропріировавъ множество новгородскихъ и псковскихъ вотчинныхъ собственниковъ. А затѣмъ понятіе это распространилось мало-по-малу и на всѣхъ другихъ вотчинниковъ московскаго царства. Земля, ранѣе принадлежавшая общинамъ, стала фактически принадлежать великому князю и называться землею великаго князя.

Черные люди [1]) были обложены податями и должны

---

[1]) Слово *„черный“* обозначаетъ *„прочій, не принадлежащій къ извѣстному разряду лицъ“*, а также „общій“ и „неопредѣленный“. Черными людьми назывались съ одной стороны люди, жившіе на княжеской землѣ или состоявшіе въ частной собственности кого-либо, а съ другой - непривилегированное сословіе, если сравнивать ихъ съ боярами и служилыми людьми, и привилегированные, если сравнивать ихъ съ холопами.

были платить, во 1-хъ, общій государственный налогъ, во 2-хъ, налогъ въ пользу князя (тягло). Отсюда и черные люди получаютъ названіе тяглыхъ и данныхъ людей.

Больше всего черныхъ земель находилось на сѣверѣ, въ новгородской землѣ, въ землѣ будущихъ „черносошныхъ“ крестьянъ. Какъ извѣстно, черносошные крестьяне впослѣдствіи получили названіе государственныхъ крестьянъ.

Что касается вотчиннаго владѣнія, то оно сдѣлалось въ силу чисто экономическихъ причинъ привилегіей богатаго класса бояръ и купцовъ.

Крестьянская вотчинная собственность, „куда его (рабочаго человѣка) рука или топоръ ходили“, была сравнительно рѣдкой; въ большинствѣ же случаевъ крестьяне владѣли землей на общинномъ правѣ, т. е. сообща. Да и врядъ ли на долго могъ удержать за собой мелкій собственникъ обработанный имъ самимъ клочекъ земли отъ притязаній сильныхъ и богатыхъ людей. Естественно, что мелкіе крестьянскіе вотчинники должны были соединяться и составлять крупныя общины, такъ какъ только община могла защитить ихъ отъ насилія.

Глава V.

Оглавленіе. — Эксплоатація зоологическихъ богатствъ. — Исторія хозяйства: подсѣчная и трехпольная культура. — Вліяніе трехпольной системы на характеръ землепользованія.

Пастушеско-кочевыя племена, занявъ страну съ непочатыми богатствами, естественно, начинаютъ съ того, что расхищаютъ ихъ: вылавливается рыба, въ изобиліи наполняющая рѣки, убивается пушной звѣрь, населяющій лѣса, и этотъ промыселъ много вѣковъ служитъ важнымъ подспорьемъ для жизни цѣлыхъ селеній рыболововъ, бобровниковъ, бортниковъ (пчеловодовъ). Но по мѣрѣ истребленія зоологическихъ богатствъ края, рождалась необходимость снискивать себѣ пропитаніе другимъ путемъ, именно земледѣліемъ. Издавна уже существовало у русскихъ славянъ подсѣчное хозяйство [1]), которое съ увеличеніемъ населенія стало переходить къ болѣе интенсивной, трехпольной культурѣ. Подсѣчное хищническое хозяйство не привязывало человѣка къ данной мѣстности: послѣ истощенія почвы онъ могъ избирать по произволу другое мѣсто и тамъ вновь начинать свою экстенсивную культуру.

---

[1]) При подсѣчномъ хозяйствѣ лѣсъ выжигался и распахивался. На расчищенномъ отъ *деревьевъ* мѣстѣ возникали *деревни*, починки. Понятно, что дѣвственная почва должна была давать большой урожай, не смотря на несовершенство земледѣльческихъ орудій. По словамъ Герберштейна, землю пахали не желѣзомъ, а деревомъ. Собираясь пахать, обыкновенно употребляли деревянные колья, которыми рыли землю вмѣсто сошника.

Трехпольная система предполагаетъ уже осѣдлаго рабочаго человѣка, удобряющаго и болѣе или менѣе правильно обрабатывающаго свою землю, такъ какъ въ противномъ случаѣ должны происходить неурожаи. Кромѣ того трехпольное хозяйство требуетъ свободныхъ и постоянныхъ рабочихъ рукъ; и вотъ, хроническій недостатокъ этихъ рукъ въ новый московскій періодъ составлялъ вѣчную злобу дня для крупныхъ и мелкихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ владѣльцевъ.

Понятно, что трехпольная система не сразу начала функціонировать, такъ какъ эволюціонный процессъ шелъ медленнымъ шагомъ. Сначала земледѣльческое хозяйство заключалось въ небольшихъ участкахъ пахатной земли, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ обширными пастбищами; съ уменьшеніемъ земли, удобной для обработки, пахатныя земли стали дѣлиться на участки (отъ 2 до 5), но посѣвы производились безсистемно; безсистемное хозяйство переходитъ въ трехпольное съ паромъ, причемъ посѣвы сначала также производились безъ системы, и только долгій опытъ привелъ къ правильному трехпольному и плодоперемѣнному хозяйству. Въ XV в. впервые встрѣчается указаніе на трехпольное хозяйство (паренина), а въ XVI в. господство его несомнѣнное.

При подсѣчномъ хозяйствѣ обыкновенно селились однимъ или нѣсколькими дворами (хутора и мелкія починки); при трехпольномъ, наоборотъ, возникали многодворныя деревенскія общины и крупныя частновладѣльческія хозяйства.

Земледѣльческое населеніе, представлявшее собой производительную силу и податную массу, было разсѣяно на очень обширной территоріи. И князь, и

господа, боясь уменьшенія богатства почвы, источника своихъ доходовъ, употребляли всѣ усилія, чтобы удержать въ своихъ помѣстьяхъ возможно большее число земледѣльцевъ. Съ своей стороны общины, отвѣтственныя за уплату подати, всѣми средствами удерживали пахаря и дозволяли членамъ ассоціаціи удаляться только въ томъ случаѣ, если они замѣщали себя кѣмъ нибудь. Помѣщики выходили изъ затруднительнаго положенія, снабжая крестьянъ на выгодныхъ для себя условіяхъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, хлѣбомъ и средствами для уплаты податей; крестьянинъ не могъ покинуть господина, не расплатившись со своими долгами, уплата которыхъ была гарантирована драконовыми законами. „Земля, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи русскаго общества, представляла сырой безплодный матерьялъ, не могущій прокормить своего владѣльца, если онъ не употребитъ на нее труда и капитала. Дикую землю прежде всего нужно было расчистить, а потомъ воздѣлать и обсѣять, чтобы она дала плодъ; а для воздѣлыванія нужны рабочій скотъ и орудія, а для засѣянія готовыя сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, а всего этого нельзя пріобрѣсти, не имѣвши скопленнаго капитала. Кромѣ того, при большемъ развитіи русскаго общества, для удовлетворенія общественныхъ потребностей, обработанная земля облагалась податью, на уплату которой нуженъ былъ также капиталъ, а капитала-то у бѣдняковъ и не было. Посему, и при обиліи земли и при свободѣ занимать ее сколько угодно, бѣдняки волей неволей должны были садиться на чужой землѣ, у богатыхъ

собственниковъ“ [1]). Но и достаточные крестьяне селились на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, если эти земли манили ихъ своими выгодами, напр., если частнымъ собственникамъ принадлежали хорошія огородныя и рыбныя угодья. Богатый и сильный землевладѣлецъ привлекалъ къ себѣ крестьянина тѣмъ, что могъ ему оказать покровительство, избавить его отъ притѣсненій и дать ему различныя льготы. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые монастыри и бояре получали льготы отъ правительства для вольнопоселенцевъ, то намъ понятенъ будетъ тотъ фактъ, что даже горожане считали для себя не безвыгоднымъ селиться на ихъ земляхъ.

Глава VI.

Оглавленіе. Значеніе войны. Эпидеміи, голодъ и пожары.

Ничто такъ не содѣйствовало установленію рабства и крѣпостныхъ отношеній, какъ война.

Мы, жители болѣе цивилизованнаго вѣка, не имѣемъ никакого представленія о томъ, что такое была война въ IX, X, XI и даже XIII и XIV вѣкахъ, и какъ къ ней относились наши предки. Воевать и обогащаться было въ то время почти синонимами. Чтобы обогатиться, достаточно было побѣдить, такъ какъ побѣдитель могъ брать въ побѣжденной странѣ безъ зазрѣнія совѣсти все, что ему было угодно: людей, скотъ и всякую дви-

---

[1]) Бѣляевъ.—Крестьяне на Руси. Стр. 20.

жимость. Понятно, что такого рода легкій способъ наживы дѣлалъ войну очень популярной въ массѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ войнѣ принималъ участіе весь народъ, какъ бояре, такъ и купцы, какъ мѣщане, такъ и крестьяне. Вѣче рѣшало каждый разъ—принимать ли народу участіе въ войнѣ, и нерѣдко случалось, что вѣче въ полномъ составѣ обращалось въ ополченіе, а горожане въ защитниковъ стѣнъ родного города. Обыкновенно же на войну шли охотники—добровольцы, любители легкой наживы, которыхъ было не мало во всѣхъ слояхъ общества.

При вступленіи войска въ непріятельскую землю начинался грабежъ мирныхъ жителей, которые, можетъ быть, и не думали никогда сопротивляться или воевать. Лѣтописецъ, при описаніи похода Андрея Боголюбскаго († 1175 г.) на Новгородъ, говоритъ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, что села были сожжены, люди убиты, жены, дѣти и имущество взяты, скотъ угнанъ. Въ 1401 г., пишетъ лѣтописецъ, Двинская земля была завоевана къ самому Петрову дню, христіане убиты, а имущество ихъ увезено. Сами князья были заинтересованы въ томъ, чтобы побольше награбить, хотя бы и у своихъ соотечественниковъ, такъ какъ имъ нужно было содержать постоянное войско или служилыхъ людей, такъ же какъ и призываемое иногда на помощь иностранное войско. „Оже пойдемъ къ Новугородку“, думаютъ южные князья, „а тамо уже татарове извоевали все, пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту“. Это замѣчательное соображеніе — „пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту“ — явно указываетъ, что князья смотрѣли на войну, какъ на

промыселъ: не пойдемъ туда, гдѣ уже все ограблено, пойдемъ туда, гдѣ никто не грабилъ, и гдѣ добра непочатый край лежитъ. Если русскіе князья сами поступали такъ немилосердно, то какъ же должны были опустошать русскія земли иноплеменники—половцы и татары! Дѣйствительно, послѣ этихъ послѣднихъ камень на камнѣ не оставался. Тяжелѣе всего приходилось мелкимъ собственникамъ и крестьянамъ, которые, ускользнувъ отъ непріятельскихъ рукъ, съ большимъ трудомъ могли возстановить разоренное и пошатнувшееся хозяйство. Естественно, что богатые собственники легче могли оправиться, и разоренные бѣдняки должны были итти къ нимъ въ услуженіе и попадать такимъ образомъ въ ту или другую зависимость. Плѣнники же обращались въ рабство и поселялись въ области завоевателя, на княжескихъ или частныхъ земляхъ. Такъ, напримѣръ, Изяславъ Мстиславовичъ вмѣстѣ съ новгородцами разгромилъ суздальскую землю и взялъ въ плѣнъ 7000 человѣкъ. Въ другомъ случаѣ новгородцы, отразивъ войско Андрея Боголюбскаго, захватили такъ много плѣнниковъ, что пять плѣнниковъ продавали за полъгривны. По договорнымъ грамотамъ русскіе князья плѣнныхъ обмѣнивали, иностранныхъ же плѣнныхъ всегда обращали въ рабство.

Южная часть Россіи, благодаря богатству природы, легче могла оправиться отъ опустошенія, чѣмъ сѣверная, которая оправлялась съ большимъ трудомъ.

Новгородъ и Псковъ никогда не испытывали такихъ страшныхъ и частыхъ нашествій, какъ Кіевъ, оттого то эти сѣверные города и успѣли рано сложиться въ

богатыя и промышленныя государства съ развитой мѣстной жизнью. Но общій порядокъ вещей не могъ не отразиться и на этихъ земляхъ. Мы знаемъ, что много новгородскихъ земель обрабатывалось рабами и полусвободными людьми. И пока рознь классовъ не была сильна, пока положеніе черныхъ людей и сельчанъ было сносное, Новгородъ былъ великъ и силенъ своимъ земскимъ единствомъ; но какъ только тяжелое положеніе податной массы вызвало недовольство, участь вѣчевого города была рѣшена. Новгородская земля войсками Ивана III была безпрепятственно опустошена по всѣмъ правиламъ военнаго искусства того времени.

Частыя опустошенія, производимыя непріятельскими войсками, сопровождались и всякими эпидемическими болѣзнями, что указываетъ на плохое санитарное и гигіеническое положеніе народа. Такъ, мы знаемъ, что страшная эпидемія свирѣпствовала въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIV столѣтія.

Кромѣ того періодическія засухи, какъ, напримѣръ, въ 1365, 1371 и 1373 г., вызывали голодъ и пожары. Всѣ эти внѣшнія тяжелыя условія способствовали разоренію главнымъ образомъ низшаго класса народа и ставили его въ болѣе тяжелую экономическую зависимость отъ крупныхъ собственниковъ и кулаковъ, которые всегда въ годины народныхъ бѣдствій сколачиваютъ себѣ состояніе.

Глава VII.

Оглавленіе. Монгольское иго. — Русская правда въ XIII и XIV вѣкахъ.—Номоканонъ.

Татары смотрѣли на Русь, какъ на доходную статью, и облагали ее податями по своему усмотрѣнію. Обыкновенно они брали десятину съ имущества; у кого было три сына, у того брали одного, забирали также и дѣвушекъ. Кромѣ постоянной дани (ордынское серебро), они налагали и чрезвычайную (запросъ). Тяжелѣе всего, какъ и всегда, приходилось низшему классу населенія. Татары переписывали всѣхъ и зорко слѣдили, чтобы „численные люди“ взносили свои десятины. Позднѣе сами князья собирали подати для Орды, и эта подать значительно превосходила татарскую дань, такъ какъ князья, покупая великокняжеское достоинство, дѣлали баснословно дорогіе подарки хану.

Неудивительно, что они были заинтересованы въ томъ, чтобы плательщиковъ податей было больше, а потому и старались препятствовать обращенію численныхъ людей въ рабовъ, такъ какъ послѣдніе не платили подати, а также обращенію тяглыхъ земель, т. е. обложенныхъ податью, въ нетяглыя [1]). Владѣлецъ тяглой земли могъ продать ее только тяглецу. Если бѣломѣстецъ или нетяглый покупалъ землю, то онъ долженъ былъ или самъ

---

[1]) „А численныхъ людей блюсти, а земель ихъ не покупати“.

записаться въ число тяглыхъ людей, или же внести за нее такую сумму, проценты съ которой оплачивали бы всѣ подати, лежавшія на купленной землѣ.

По примѣру татаръ, вся земля была переписана для раскладки повинностей и сбора податей. Главной мѣрой при этой раскладкѣ была соха, представлявшая собой идеальную единицу обложенія.

Правительство стремилось ввести единообразіе въ сборъ податей, или, лучше сказать, оно желало обложить не землю, а тотъ доходъ, который приноситъ извѣстный участокъ земли, опредѣленный различными практическими соображеніями; другими словами, оно вводило подоходный поземельный налогъ. А для того, чтобы обложить всѣхъ по степени доходности земли, надо было уравнять плательщиковъ податей, или, какъ тогда выражались, „одобрить землю". Пояснимъ это на примѣрѣ.

Предположимъ, что 500 десятинъ хорошей земли приносятъ въ годъ дохода 1000 рублей; примемъ эти 500 дес. за единицу обложенія и назовемъ ее „сохой"; при 10% обложеніи наша казна получитъ съ нея 100 руб. въ годъ. Если же мы будемъ брать тѣ же 100 руб. съ участка въ 500 десятинъ земли плохого качества, приносящей только 500 руб. годового дохода, то, очевидно, мы поступимъ несправедливо, и для того, чтобы уравнять финансовое положеніе плательщиковъ въ первомъ и во второмъ случаѣ, надо сдѣлать „наддачу", т. е. прибавить къ 500 десятинамъ плохой земли еще 500 и этимъ уравнять платежную способность участковъ. Изъ этого ясно видно, что соха не была какой либо опредѣленной мѣрой поверхности: величина ея зависѣла какъ

отъ качества земли, такъ и отъ того или другого отношенія земли къ промысламъ; съ другой стороны величина сохи зависѣла и отъ различныхъ государственныхъ соображеній, напримѣръ: черныя земли были обложены больше всѣхъ; черныхъ земель шло въ соху: хорошаго качества 500 четвертей [1]), средняго 600 и плохого 700; затѣмъ слѣдовали дворцовыя и монастырскія земли, отъ 600 до 800 четей въ сохѣ, и, наконецъ, менѣе всего были обложены помѣстныя и вотчинныя земли (отъ 800 до 1000 четей въ сохѣ). Дѣло въ томъ, что монастырскіе и дворцовые крестьяне, кромѣ государственныхъ повинностей, несли еще повинности въ пользу дворца и монастыря; черносошные же крестьяне были освобождены отъ этихъ повинностей. Очевидно, такого рода обложеніе предполагало, что спеціальныя повинности вотчинныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ значительно превышали такія же повинности дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ.

Позднѣе понятіе „соха“ было обобщено и получило значеніе мѣры „поземельнаго капитала и промысловъ“.

Единицей мѣры поверхности служилъ участокъ земли, на которомъ засѣвалась приблизительно четверть ржи, почему онъ и назывался четвертью или четью. Луга измѣрялись особенной мѣрой—копнами, а лѣса—десятинами и верстами.

---

[1]) Четверть или четь равнялась вначалѣ $1/2$ десятины, затѣмъ въ XVII в.—1600 кв. саженямъ. Десятина въ XVII в., какъ и теперь, равнялась 2400 кв. с.

Крестьяне выбирали изъ своей среды особыхъ лицъ, которыя распредѣляли землю сообразно съ хозяйственной силой каждаго двора.

Соха раздѣлялась на болѣе мелкіе участки (выти), и въ каждой выти полагалось отъ 12 до 14 четей земли. На одно крестьянское хозяйство могло приходиться по одной и даже по двѣ выти, а на другое ½ выти.

Чиновники, которымъ былъ порученъ надзоръ за сборомъ податей, по своему усмотрѣнію смѣняли выборныхъ лицъ и притѣсняли народъ, производя неправильныя раскладки и требуя различные добавочные сборы въ свою пользу, какъ-то — „конскій кормъ“, „харчи“, „дворовые расходы“ и многіе другіе. Во время неправильныхъ поборовъ случалось, что населеніе возставало и даже убивало слишкомъ алчныхъ сборщиковъ податей. Подобныя возстанія были особенно часты тогда, когда сборъ податей производился татарскими чиновниками (баскаками).

Законодательство въ этотъ періодъ развивалось крайне медленно, и „Русская Правда“ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала тому тягостному положенію вещей, которое создалось подъ владычествомъ татаръ. Хотя время и сдѣлало свои добавленія къ Русской Правдѣ, создало нѣкоторые новые законы, но въ нихъ по прежнему не было никакого понятія о нравственной несправедливости, о правахъ личности: въ нихъ, какъ и въ Русской Правдѣ, все поглощалось мыслью о капиталѣ и имущественныхъ отношеніяхъ. Капиталъ есть та фикція, которую ограждаетъ законъ, и личность имѣетъ значеніе настолько, насколько велика ея матерьяльная обезпечен-

ность. Неисправный должникъ продастся въ рабство, задолжавшій наймитъ теряетъ личную свободу—до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ долга: если же онъ, съ цѣлью уклониться отъ возвращенія долга, убѣжитъ, то при поимкѣ обращается въ полнаго (обѣльнаго) холопа. Только татарское иго и могло поддержать это несправедливое законодательство, соблюдающее главнымъ образомъ выгоды аристократіи страны, значеніе которой опредѣлялось капиталомъ.

Неудивительно послѣ этого, если неприкосновенность и безопасность капитала имѣли больше значенія, чѣмъ неприкосновенность и безопасность личности. Человѣкъ въ эту эпоху разбоя и грабежа представлялъ слишкомъ ненадежную собственность. Во-первыхъ, непріятель всегда могъ его угнать, какъ животное, а во-вторыхъ, самъ рабъ представлялъ подвижную собственность, которая могла при случаѣ и убѣжать; цѣнность же вещи или товара, если считать, что вещь или товаръ есть „кристаллизованный трудъ“, отъ этого должна была только увеличиваться.

Въ это же время получаетъ дальнѣйшее развитіе и пытка, которая впервые нашла свое выраженіе въ „правдѣ“, т. е. въ разслѣдованіи дѣла. Правота отвѣтчика испытывалась тогда желѣзомъ и водой. При обвиненіи въ воровствѣ, производилось испытаніе желѣзомъ въ томъ случаѣ, если украденная вещь сто ила не меньше полъ-гривны золота, — и водой, если она стоила меньше. По мнѣнію С. М. Соловьева, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, желѣзо примѣнялось только въ тяжкихъ случаяхъ. Такъ, въ Богеміи виновный долженъ былъ простоять на раскаленномъ желѣзѣ извѣ-

стное время или держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока не произнесетъ извѣстной присяги. „Подвергавшійся испытанію водой долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если онъ при этомъ не робѣлъ, то выигрывалъ дѣло [1]). Такимъ образомъ пытка при своемъ возникновеніи имѣла болѣе невинный характеръ, чѣмъ тотъ, который она получила впослѣдствіи, и, повидимому, кромѣ „батоговъ“ древняя Русь не знала другихъ орудій наказанія, а кнутъ явился значительно позднѣе: до 1497 г. ни въ одномъ русскомъ законодательномъ памятникѣ не говорится о наказаніи кнутомъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что кнутъ имѣетъ татарское происхожденіе, что онъ употреблялся татарами, какъ орудіе наказанія, и что онъ долго не получалъ правъ гражданства въ русскомъ законодательствѣ.

Хотя Русская Правда въ XIII и XIV вѣкахъ нѣсколько отличается отъ Правды Ярослава, но эти отличія не представляются намъ существенными.

Такъ, сдѣлано было добавленіе, что деньги, о которыхъ идетъ тяжба, представляютъ мертвый капиталъ, т. е. не приносятъ процентовъ. Этотъ законъ былъ очень важенъ для нуждающагося населенія, которое во время сборовъ дани должно было дѣлать займы во что бы то ни стало, иначе грозило ему рабство. Законъ заботился и объ установленіи таксы для вольнонаемнаго труда, что указываетъ съ одной стороны на появившееся большое количество рабочихъ рукъ (изъ

---

1) Соловьевъ — Ист. Россіи съ древнѣйшихъ временъ 1874 г. Т. I, стр. 239.

обѣднѣвшихъ хозяевъ) и съ другой — на эксплоатацію со стороны капиталистовъ и кулаковъ. Статья эта носитъ названіе „сиротьяго вырядка“ [1]). Она стремится установить какъ бы минимумъ, ниже котораго нельзя было давать за извѣстное время работы [2]).

Интересны также нѣкоторыя статьи одного церковнаго памятника, который оказалъ извѣстное вліяніе на развитіе законодательства въ Россіи. Мы хотимъ сказать о Кормчей книгѣ или Номоканонѣ. Въ ней легко можно замѣтить слѣды греческаго вліянія, хотя многія статьи и были продиктованы русской дѣйствительностью. Такъ, одна статья говоритъ „объ уравненіи брака рабовъ съ браками свободныхъ“, т. е., чтобы „браки между рабами совершались по тѣмъ же церковнымъ правиламъ, какъ и браки между свободными“. Въ другомъ мѣстѣ запрещается брать свидѣтельскія показанія отъ еретиковъ (греческое вліяніе) и рабовъ, и только за недостаткомъ свидѣтелей, въ видѣ исключенія, позволяется считать показанія боярскаго тіуна и закупа дѣйствительными. Далѣе, одно изъ правилъ запрещаетъ продавать рабовъ христіанскаго вѣроисповѣданія иновѣрцамъ [3]). За грабежъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній виновные наказываются пеней, превышающей въ 4 раза стоимость награбленнаго, а тѣ, которые про-

---

[1]) Сирота — бѣднякъ, безхозяйный и беземельный человѣкъ; вырядокъ—такса для вольнонаемнаго труда.

[2]) А жонка съ дчерью, тѣмъ страды на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами.

[3]) Правило Іоанна, митрополита русскаго, нарѣченнаго пророкомъ; правило церковное къ Іакову Черноризцу.

тивятся этому, подвергаются сожженію, а домы и имущество передаются въ церковное владѣніе [1]).

Глава VIII.

Оглавленіе. Двинская и Бѣлозерская Уставныя Грамоты.

Двинская Уставная Грамота 1398 года была дана великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ во время присоединенія Двинской области къ Москвѣ. Хотя дѣйствіе грамоты и распространялось только на извѣстныя области и продолжалось только три мѣсяца [2]), но нужно сказать, что эта грамота представляетъ собой дальнѣйшее развитіе Русской Правды и служитъ намъ какъ бы указателемъ, по которому мы можемъ судить, насколько и въ какую сторону подвинулись понятія русскаго человѣка въ XIV в.

Община должна была сама отыскивать убійцу, въ противномъ случаѣ она платила 10 рублей пени. Убійство раба не считалось преступленіемъ, рабъ по прежнему оставался безгласной собственностью. Дѣла, касающіяся воровства, рѣшались по Двинской грамотѣ такъ же, какъ и по Русской Правдѣ, съ однимъ важнымъ отличіемъ, а именно: по Двинской грамотѣ штрафъ по-

---

[1]) Слово святыхъ отецъ 665 о обидящихъ церкви святыя.

[2]) Новгородцы взяли Орлецъ, главный городъ Двинской области, и присоединили эту область къ Новгороду. Послѣ завоеванія Двинской области Москвой (1471 г.), грамота не была возстановлена.

лагался только за первую кражу, за вторую кражу преступникъ продавался въ холопство, за третью онъ подвергался смертной казни. Съ этого же времени начали клеймить преступниковъ послѣ первой и второй кражи [1]. Тотъ, кто выпускалъ вора, обвинялся въ самоуправствѣ и присуждался къ 4 рублямъ штрафа [2].

Въ Бѣлозерской уставной грамотѣ главнымъ образомъ устанавливаются отношенія мѣстныхъ жителей къ московскому намѣстнику; они должны были платить кормы и поборы въ два срока, на Рождество и на Петровъ день. Намѣстникъ получалъ 10 алтынъ и двѣ деньги въ годъ, половину этой суммы тіунъ, а доводчикъ (судно-полицейскій чиновникъ, ихъ было нѣсколько) 6 денегъ съ сохи. На судѣ намѣстника или его тіуна должны непремѣнно присутствовать представители общины, „сотскіе или добрые люди“ [3].

Бѣлозерская грамота опредѣляетъ также пошлины при выдачѣ дѣвицы замужъ.

---

[1]) А татя всякаго пятнити.

[2]) Рубль въ то время цѣнился приблизительно въ 100 разъ больше, чѣмъ теперь, если судить по цѣнамъ хлѣба.

[3]) Латкинъ. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права 1890 г. Стр. 9.

Глава IX.

Оглавленіе. Псковская судная грамота (1467). Новгородская судная грамота (1456).

Псковская грамота состоитъ собственно изъ двухъ княжескихъ грамотъ и изъ статей, дополнявшихъ, а иногда даже измѣнявшихъ первоначальныя положенія [1]). Дополнялись эти грамоты на такомъ же основаніи, какъ и Русская Правда, т. е. народные обычаи (пошлины), народное обычное право мало по малу получали правительственную санкцію. Короче сказать, Псковская судная грамота есть обще-русская Правда, дополненная и измѣненная, сообразно съ воззрѣніями мѣстнаго общества на тотъ или другой вопросъ, воззрѣніями, проявлявшимися главнымъ образомъ при судебныхъ рѣшеніяхъ, когда населеніе высказывало свои взгляды на „право и не право", въ каждомъ особенномъ случаѣ.

Псковская грамота дозволяетъ судобный поединокъ или „поле". Выходить на поединокъ могли не только мужчины, но и женщины, причемъ каждая изъ сторонъ должна была предварительно присягнуть. По желанію всякій могъ нанимать вмѣсто себя бойца. Побѣдитель, какъ доказавшій свою правоту передъ судомъ Божьимъ, считался правымъ. Здѣсь высказался во всей полнотѣ принципъ—„сила есть право".

---

[1]) „И изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ".

За воровство виновный платилъ 9 гривенъ штрафа въ пользу князя, а за грабежъ—70 гривенъ. Церковные воры, конокрады, зажигатели и государственные измѣнники подвергались смертной казни. За вторую кражу (рецидивъ) пеня увеличивалась, а за третью виновный подвергался смертной казни. Былъ еще одинъ родъ наказанія, а именно—выдача головой"; оно состояло, по всей вѣроятности, въ томъ, что виновный отдавался потерпѣвшему въ холопство до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ суммы, присужденной судомъ.

Псковская грамота есть первый законодательный актъ, въ которомъ встрѣчается понятіе о давности. Всякій, владѣвшій вещью впродолженіе 4-хъ или 5 лѣтъ, дѣлался полнымъ собственникомъ ея, и прежній хозяинъ этой вещи не имѣлъ права предъявлять на нее искъ. Давность не признавалась только за землями обработанными. Между тѣмъ, по московскому закону, изданному въ первыхъ годахъ XV столѣтія, давность равнялась 15—20 лѣтамъ и относилась ко всѣмъ землямъ безразлично.

По Псковской грамотѣ земельные и многіе другіе споры въ большинствѣ случаевъ рѣшались поединкомъ.

Псковская грамота признаетъ уже помѣстное и вотчинное владѣніе и запрещаетъ продавать помѣстныя земли. Она признаетъ ролейныхъ закуповъ Русской Правды, которые называются здѣсь „изорниками" или „исполовниками" [1]), такъ какъ они платили землевладѣльцу за арендуемую ими землю половину урожая.

---

1) Къ исполовникамъ относились также огородники и хочетники или рыболовы.

Изорники, или арендаторы оставались на занятыхъ ими земляхъ пожизненно или столько времени, сколько хотѣли; этимъ они отличались отъ рабочихъ, нанимаемыхъ на срокъ. Землевладѣлецъ могъ по желанію выселить своихъ жильцовъ (изорниковъ), требовалось только, чтобы отказъ для обѣихъ сторонъ былъ совершенъ въ извѣстное время, а именно, по окончаніи земледѣльческихъ работъ [1]). Если же крестьянинъ уходилъ не въ срокъ, то онъ долженъ былъ уплатить землевладѣльцу не только всѣ убытки, которые понесъ послѣдній отъ несвоевременнаго и самовольнаго ухода исполовника, но и всѣ свои долги. Какъ мы уже говорили, ролейный закупъ, когда садился на землю, получалъ отъ землевладѣльца подмогу или „покруту", т. е. деньги и землевладѣльческій инвентарь. Еслибы крестьянинъ сталъ отрицать свой долгъ, то землевладѣльцу достаточно было бы представить четырехъ свидѣтелей или присягнуть, чтобы искъ былъ утвержденъ. Въ случаѣ побѣга ролейнаго закупа (изорника), имущество его переходило въ собственность хозяина, который могъ это имущество продать и вырученными деньгами покрыть долгъ. Если же вырученныхъ денегъ было недостаточно, то хозяинъ имѣлъ право разыскивать своего должника.

Отсюда ясно видно, какъ тяжело было уйти на законномъ основаніи изорнику, который былъ прикованъ къ землѣ всевозможными обязательствами. Послѣ смерти крестьянина имущество переходило къ его родственни-

---

[1]) „О Филипповомъ заговѣньѣ" т. е. 14 ноября.

камъ, которые также должны были принять на себя всѣ обязательства умершаго.

Наемъ рабочихъ производился на извѣстный срокъ; наймитъ, подрядившійся на годъ и прослужившій больше года, не имѣлъ права требовать болѣе годичной платы; въ случаѣ же преждевременнаго ухода, онъ получалъ только ту часть платы, которая приходилась ему за прожитое время. Въ случаѣ спора дѣло рѣшалось на основаніи „порядной записи“, если же она отсутствовала, хозяинъ, въ знакъ своей правоты, долженъ былъ цѣловать крестъ.

Новгородская грамота (1456 г.) признавала истцомъ или отвѣтчикомъ всякаго, даже полнаго холопа; полные холопы не допускались только быть свидѣтелями.

При объявленіи о бѣгствѣ холопа, обвинитель-хозяинъ долженъ былъ присягнуть по судной грамотѣ въ томъ, что обвиненіе его имѣетъ законныя основанія, послѣ чего судъ бралъ на себя всѣ хлопоты, чтобы найти бѣглаго и вызвать его на судъ. Владѣльцы и областные начальники не имѣли права укрывать бѣглыхъ холоповъ или перевозить ихъ тайкомъ изъ одного имѣнія въ другое, или переводить ихъ изъ волости въ волость; въ противномъ случаѣ они уплачивали убытки истцу и кромѣ того особый штрафъ.

Глава X.

Оглавленіе. -Возвышеніе Москвы.

Исторія Москвы начинается непрерывной борьбой московскихъ князей съ богатой и властной земельной аристократіей. Нарождавшаяся центральная русская власть не могла найти удобной почвы для своего развитія въ такихъ искони аристократическихъ боярскихъ городахъ, какъ Суздаль или Ростовъ, она должна была пріютиться въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ сопротивленія было меньше, и гдѣ бы она могла окрѣпнуть, чтобы опрокинуть затѣмъ все, что ни встрѣтится ей на пути: земскую боярскую силу, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, удѣльныхъ князей и, наконецъ, внѣшнихъ враговъ.

Ростовъ и Суздаль, построенные новгородскими выходцами, находились въ зависимости отъ Новгорода, другими словами, въ нихъ распоряжались новгородскіе бояре. Правда, въ городахъ власть бояръ отчасти ограничивалась вѣчемъ, но за то въ деревняхъ и селахъ бояринъ былъ полновластнымъ владыкою. Мало-по-малу край этотъ обособился, связь между нимъ и Новгородомъ ослабла, и онъ попалъ подъ власть мѣстныхъ земскихъ бояръ—крупныхъ землевладѣльцевъ.

Но вотъ, рядомъ съ этими старыми городами, выростаютъ княжескіе города, и намѣстники властной рукой распоряжаются подвѣдомственными имъ землями. Власть бояръ, этихъ небольшихъ царьковъ, стала стѣсняться

и умаляться тѣмъ болѣе, что на сторонѣ новой нарождавшейся силы была симпатія народной массы. Дѣло въ томъ, что лица, обиженныя боярами, могли найти защиту у княжескихъ намѣстниковъ, которые всегда рады были вмѣшаться въ дѣла земельной аристократіи [1]), тѣмъ болѣе, что бояре презирали ихъ за ихъ незнатное происхожденіе. Съ другой стороны, нужно сказать, что князья шли на уступки, такъ, московскій князь, Всеволодъ Юрьевичъ, сумѣлъ слить интересы бояръ со своими; онъ оставилъ имъ нѣкоторыя старинныя права и соціальныя привилегіи, такъ что бояре, и, главнымъ образомъ, московскіе, стали выразителями интересовъ князя. Сынъ Калиты, Семенъ Ивановичъ, писалъ въ завѣщаніи къ своимъ наслѣдникамъ: „слушали бы есте отца нашего владыки (т. е. митрополита), такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ; и приказываю вамъ жити за одинъ, а лихихъ бо есте людей не слушали, и кто имѣетъ васъ сваживати". Да и дѣйствительно, чѣмъ по существу бояринъ отличался отъ князя? Вѣдь Московскій князь пріобрѣталъ землю на правѣ собственности, такъ что онъ былъ самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ въ краѣ. Такого рода близкія отношенія, часто стѣснявшія русскихъ князей, скоро стали не нравиться имъ, и они старались уменьшить значеніе бояръ.

---

[1]) При Юріи Долгорукомъ у земскихъ бояръ сложилась даже пословица: „не имѣй себѣ двора близь княжаго двора, не держи села близь княжа села; тіунъ бо его яко огнь трепетицей накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устрежешися, но отъ искры не можешь устеречься, чтобы не зажечь платья".

Самый сильный ударъ былъ нанесенъ боярамъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. А царю Борису Годунову уже было нетрудно бороться съ ними. Позднѣе, когда боярамъ удалось возвести на престолъ своего представителя, Шуйскаго, они были уже на столько деморализованы, разбиты на партіи, что не могли исполнить всѣхъ своихъ замысловъ. А междуцарствіе только полнѣе доказало ихъ несостоятельность.

Все сказанное должно намъ объяснить, почему судебники сохранили существенныя черты Русской Правды, которыя безъ особеннаго измѣненія вошли и въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, почему аристократическіе принципы XII вѣка могли найти благопріятную почву для своего процвѣтанія въ слѣдующіе — XV, XVI и XVII вѣка.

Каково же было положеніе крестьянской массы? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ документамъ, которые намъ оставили XV и XVI вѣка, а именно къ судебникамъ.

Глава XI.

Оглавленіе.—Княжескій судебникъ, или судебникъ 1497-го года.—Царскій судебникъ, или судебникъ 1550-го года.

Судебникъ Ивана III представляетъ собой Русскую Правду Владиміра Мономаха, подвергшуюся нѣкоторымъ измѣненіямъ, настолько не противорѣчащимъ основнымъ положеніямъ стариннаго законодательнаго памятника, что

во многихъ мѣстахъ Россіи на ряду съ судебникомъ продолжала функціонировать и Русская Правда.

Судебникъ строже относится къ несостоятельнымъ должникамъ. Хотя онъ и дѣлитъ должниковъ, подобно Русской Правдѣ, на виноватыхъ и несчастныхъ, но во всякомъ случаѣ онъ требуетъ доказательствъ, что должникъ дѣйствительно не по своей винѣ сдѣлался несостоятельнымъ. Для этого долженъ производиться тщательный опросъ свидѣтелей (обыскъ). Должникъ, признанный въ судебномъ порядкѣ несчастнымъ, долженъ внести весь долгъ, безъ причитающихся къ нему процентовъ, по частямъ въ извѣстный срокъ, въ противномъ же случаѣ онъ выдается головой своему кредитору.

Но болѣе всего интересны узаконенія судебника, опредѣляющія взаимныя отношенія землевладѣльцевъ и крестьянской массы. Судебникъ отличаетъ собственно крестьянъ отъ наемныхъ рабочихъ: крестьянинъ есть постоянный жилецъ на взятомъ имъ у землевладѣльца участкѣ земли; законъ назначаетъ крестьянину срокъ, когда онъ можетъ покинуть своего хозяина, а именно: недѣля послѣ и до осенняго Юрьева дня, при условіи, что онъ выполнитъ всѣ свои обязательства передъ землевладѣльцемъ. При переходѣ отъ одного землевладѣльца къ другому (отказѣ), крестьянинъ долженъ заплатить отъ 1 до 4 рублей [1]) за „пожилое“; законъ дозволяетъ внести эти деньги въ 4 срока.

Положеніе наемнаго рабочаго гораздо лучше по закону: такъ, если наймитъ уходитъ раньше срока, то онъ лишается только своей заработной платы.

---

[1]) Около 80 – 320 р. на наши деньги

Положеніе холоповъ по судебнику то же, что и по Русской Правдѣ. По прежнему всякій можетъ продать себя въ холопство, по прежнему человѣкъ, женившійся на рабѣ, дѣлается рабомъ [1]). Нѣсколько ограничивается право разыскивать бѣглыхъ холоповъ, а именно: для этого надо было заручиться согласіемъ намѣстника съ „боярскимъ судомъ", которыхъ было нѣсколько человѣкъ на всю Россію, и получить отъ него „бѣглую грамоту", или квитанцію, чекъ, если можно такъ выразиться, на полученіе разыскиваемой собственности.

Судебникъ Ивана IV развиваетъ законодательство о холопствѣ и нѣсколько ограничиваетъ возможность перехода въ холопство. Такъ, дѣти, родившіяся до перехода родителей въ холопство, были свободны, и родителямъ запрещалось продавать ихъ въ холопство; тіунъ могъ сдѣлаться холопомъ только подъ условіемъ составленія „полной" или „докладной грамоты" при свидѣтеляхъ; свидѣтели должны были всегда присутствовать при составленіи этой грамоты, которая скрѣплялась подписями московскихъ бояръ или новгородскаго и псковскаго намѣстниковъ.

Кромѣ полныхъ холоповъ судебникъ Ивана IV имѣетъ въ виду и кабальныхъ. Кабальныхъ холоповъ онъ раздѣляетъ на служилыхъ холоповъ и на холоповъ по заемной. Служилые холопы, это тѣ же закупы Русской Правды; они дѣлаются свободными только послѣ уплаты долга ихъ кредитору, служба же ихъ идетъ въ счетъ

---

[1]) По прежнему ключникъ или тіунъ становился рабомъ, исключеніе дѣлалось только для лицъ, живущихъ въ городѣ.

процентовъ. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ никто не могъ выплатить долга, потому что весь трудъ принадлежалъ землевладѣльцу, то служилые холопы дѣлались свободными только послѣ смерти своихъ владѣльцевъ. Положеніе холоповъ по заемной было менѣе тяжелымъ, такъ какъ они не обязывались служить своимъ кредиторамъ и потому имѣли больше шансовъ заработать деньги и выкупиться. Кабальная грамота должна быть скрѣплена боярской печатью, въ противномъ же случаѣ она считается недѣйствительной. Положеніе кабальныхъ холоповъ повидимому было значительно ухудшено указомъ 1597 г. въ царствованіе царя Ѳеодора. Всѣ кабальные холопы были записаны въ холопьи крѣпостныя книги; кабальный холопъ становился свободнымъ только послѣ смерти своего господина, однако господинъ не могъ распоряжаться имъ какъ своей полной собственностью, т. е. заложить или продать его. На самомъ же дѣлѣ указъ 1597 года узаконилъ только то, что давно существовало въ жизни. Этимъ же указомъ всѣ, прослужившіе не менѣе полугода у господъ, дѣлались ихъ вѣчными холопами. Эта мѣра вызвала большое недовольство въ народѣ и была впослѣдствіи отмѣнена.

Для крестьянскаго выхода судебникъ Ивана IV назначаетъ тотъ же срокъ, что и судебникъ Ивана III (Юрьевъ день); цѣна за пожилое повышается на 2 алтына противъ прежняго; за „свозъ“ назначается еще 2 алтына въ пользу землевладѣльца. Послѣ уплаты этихъ пошлинъ владѣлецъ уже не могъ удержать крестьянина, хотя бы крестьянинъ не выплатилъ ему своего частнаго долга.

Въ казну крестьянинъ долженъ платить подать только въ томъ случаѣ, если у него есть „рожь въ землѣ".

Въ холопство крестьянинъ могъ перейти въ любое время—законъ не ограничивалъ этотъ переходъ никакимъ срокомъ.

По обоимъ судебникамъ судъ для бояръ, купцовъ, служилыхъ людей и крестьянъ былъ одинаковъ. Судебники не признаютъ привилегированныхъ сословій или лицъ.

Оба судебника не измѣняютъ юридическихъ воззрѣній русскаго народа, они придерживаются главнымъ образомъ положеній Русской Правды; только княжескій судебникъ стремится во что бы то ни стало объединить судъ и управленіе, централизовать эти государственныя функціи. Въ своемъ стремленіи къ централизаціи онъ даже не всегда уважаетъ старый установившійся правовой порядокъ. Царскій же судебникъ относится съ большимъ вниманіемъ къ мѣстной жизни, къ мѣстнымъ обычаямъ и порядкамъ [1]). Но за то царскій судебникъ гораздо строже наказываетъ за нарушеніе statu quo.

Иванъ III и Иванъ IV въ своихъ судебникахъ узаконили исконныя права крестьянъ и нѣсколько расширили ихъ, облегчивъ переходъ. Судебники совершенно отдѣляютъ поземельные долги крестьянина землевладѣль-

---

[1]) По словамъ самого царя Ивана Васильевича, царскій судебникъ представляетъ „исправленіе прежняго судебника, приноровленное къ современнымъ потребностямъ общества и къ старымъ русскимъ узаконеніямъ, которыя были опущены при изданіи прежняго судебника". Бѣляевъ. — Лекціи по исторіи русск. законодательства. 1879 г. Стр. 525.

цу отъ другихъ частныхъ долговъ. Крестьянинъ, уплатившій землевладѣльцу поземельную пошлину, опредѣляемую закономъ, имѣлъ право переходить на новую землю; землевладѣлецъ не могъ задержать его на своей землѣ, даже еслибы крестьянинъ не возвратилъ той ссуды, которую получилъ раньше; въ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцу оставалось подавать искъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Къ сожалѣнію Иванъ III и Иванъ IV слишкомъ мало сдѣлали, чтобы облегчить тяжелое и зависимое положеніе крестьянъ, и во многихъ случаяхъ даже ухудшали его, въ особенности, когда дѣло касалось государственныхъ выгодъ: земли отдавались на оброкъ, переводились на государственное тягло, переходили въ руки служилыхъ людей въ помѣстное и вотчинное владѣніе. Такимъ образомъ на землю смотрѣли, какъ на главный источникъ доходовъ. Продолжительныя войны требовали огромныхъ средствъ; такъ, Ивану Грозному необходимо было содержать огромное для того времени войско.

Положеніе крестьянъ было крайне тяжелое. Подати и повинности были несоразмѣрны съ платежными средствами населенія, а между тѣмъ правительство строго слѣдило за правильнымъ поступленіемъ ихъ. Крестьянинъ волей неволей долженъ былъ мѣнять свое мѣстожительство и искать болѣе сносныхъ условій для существованія. Все это создало выгодное положеніе для крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ удавалось переманивать къ себѣ крестьянъ и обходить законъ. Помѣщики давали ложныя показанія составителямъ

писцовыхъ книгъ относительно количества обрабатываемой земли и числа крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ; это обстоятельство облегчало положеніе крестьянъ на частновладѣльческихъ земляхъ.

Съ другой стороны, чтобы освободиться отъ тягла, крестьянинъ могъ сдѣлаться батракомъ или холопомъ; писцовыя книги показываютъ, что на 100 крестьянскихъ дворовъ приходилось около 10 людскихъ и холопскихъ дворовъ. Такъ какъ крестьяне, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, должны были платить за ушедшихъ, то ихъ положеніе дѣлалось еще болѣе тягостнымъ, и общины все болѣе и болѣе пустѣли и разорялись. Иванъ Грозный строго преслѣдовалъ владѣльцевъ за обходъ закона и дѣлалъ розыски, но его розыски не давали положительныхъ результатовъ.

Глава XII.

Оглавленіе. Литературные памятники.—Свидѣтельства современниковъ о положеніи крестьянъ.

Чтобы представить себѣ живѣе положеніе крестьянъ, недостаточно ограничиться изученіемъ однихъ законодательныхъ памятниковъ, такъ какъ законодательство часто не вполнѣ отражаетъ на себѣ дѣйствительность, а иногда и противорѣчитъ ей; необходимо прибѣгнуть къ литературнымъ и другимъ живымъ свидѣтельствамъ.

Литературныхъ памятниковъ дошло до насъ очень

мало, однако они достаточно характеризуютъ понятія того времени.

Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ слѣдующее поученіе, написанное неизвѣстнымъ авторомъ, жившимъ въ XII вѣкѣ: „сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобы они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками“ [1]). Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ говоритъ слѣдующее: „больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротѣ, сами оправдывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, не приказывайте убивать“ [2]).

Св. Іосифъ Волоцкій пишетъ одному вельможѣ: „слухъ

[1]) Соловьевъ, Т. III, стр. 99, изд. 4. 1870 г.
[2]) Ibid., стр. 102.

ми, господине, приходитъ, что будто (деи) немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ тѣлесныхъ потребъ, пищею и одеждою не токмо доволни, но и гладомъ таютъ и наготою стражютъ, и сего ради азъ грѣшный дерзнулъ тебѣ воспомянути, моему господину, помянувъ твою вѣру къ Пречистой Богородицѣ и къ намъ нищимъ великое твое жалованіе и любовь о Христѣ... И ты, господине, зри о семъ, како Божественное Писаніе страшно претить и глаголеть: есть бѣда велика и страшна и мученіе безконечное, еже не пекутся, не имѣютъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, но токмо дѣломъ насилующе и ранами казняще, одѣянія же и пищи не дающе и гладомъ моряще, а душами ихъ не пекущеся еже о спасеніи, но гордящеся и желающе суетнаго и тщетнаго житія, прелести свѣта сего... и не имѣя воспоминанія, яко вси есми созданіе Господне, вси плоть едина и вси миромъ единымъ помазани, и вси въ руцѣ Господни, его же хощетъ, обнищеваетъ, и всѣмъ стати предъ единымъ Царемъ страшнымъ на судѣ его на обвименнѣмъ, яко сицевыи властелины имуть мучимы быти въ вѣки и преданы имуть быти въ муку вѣчную" [1]).

Сильвестръ въ своемъ Домостроѣ пишетъ: „А государи бы и государыни людей своихъ: мужей и женъ и робятъ и всякихъ слугъ жаловали, и кормили и поили и одѣвали, и въ теплѣ бы жили и въ благоденствѣ всегда... А если кто людей держитъ у себя не по силѣ

1) Чичеринъ.—Опыты по ист. русск. права, стр 166.

и не по состоянію, и не удовольствуетъ ихъ пищей, питьемъ и одеждою, то они по неволѣ начнутъ предаваться порокамъ. И тому безумному государю отъ Бога грѣхъ, а отъ людей посмѣяніе, и самъ онъ оскудѣетъ за скудость ума". Хорошаго слугу слѣдуетъ „пожаловати и добрымъ словомъ привѣчати, и ѣсти и пити подати и нужа его всякая исполнити, а чего безхитростно или недогадкою, или неразуміемъ не гораздо сдѣлалъ, или попортилъ что, — и въ томъ словомъ наказати, передъ всѣми—всѣ бы того береглися — и вины отдати. А въ другіе и въ третіе проступитъ, или лѣнится, и ино, по винѣ и по дѣлу смотря, по разсужденію наказати и побити... А государыня жонокъ и дѣвокъ, въ своемъ обиходѣ тако же сзираетъ и сличаетъ и наказуетъ тако же, какъ здѣ писано... Аще людемъ твоимъ лучитца съ кѣмъ брань гдѣ нибудь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, и ты и ударь, хотя и твой правъ: тѣмъ брань утолиши тако же убытокъ и вражда не будетъ".

Сильвестръ самъ себя ставитъ въ примѣръ: „работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ, и ины окупихъ изъ работы и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молятъ за ны Бога и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли". Сильвестръ съ негодованіемъ относился къ тѣмъ лицамъ, которыя, отпуская раба на свободу, берутъ деньги (изгойство); по мнѣнію Сильвестра этотъ человѣкъ продаетъ кровь неповинную и потому „всего есть горѣе изгойство взимати". Съ та-

кимъ же чувствомъ относится этотъ писатель къ несправедливому обложенію и увѣщаетъ своего сына „всякаго неправеднаго соб(и)ранія, и рôстовъ и корчмы и мыта [1]) и перевозовъ и мостовщины и всякаго лукавства не любити [2]). На томъ же основаніи Кириллъ Бѣлозерскій убѣждаетъ князя Андрея Можайскаго, чтобы онъ уничтожилъ корчмы и мыто, „понеже, господине, куны неправедныя“.

Въ высшей степени интересны также увѣщанія Вассіана, относящіяся къ лицамъ духовнымъ и монастырямъ: Господь повелѣваетъ — отдай нищимъ. А мы заразившись ненасытнымъ сребролюбіемъ.... оскорбляемъ братій нашихъ, живущихъ у насъ въ селахъ, обижаемъ ихъ несправедливыми поборами, налагаемъ на нихъ лихву на лихву, а милости къ нимъ ни въ чемъ не показываемъ. И если они не имѣютъ силъ отдать намъ лихвы, то мы безъ жалости лишаемъ ихъ имущества, отнимаемъ у нихъ коровку или лошадку, а самихъ съ женами и дѣтьми, какъ поганыхъ иновѣрцевъ, далеко прогоняемъ изъ своихъ предѣловъ, а иныхъ, предавъ княжеской власти, доводимъ до конечнаго разоренія [3]).

Передовые русскіе люди видѣли зло, и каждый изъ

---

1) Мыто—дорожная пошлина, взимавшаяся при переправѣ черезъ мосты. При сборѣ этой пошлины допускались большія злоупотребленія. Въ 1594 г. государство монополизировало сборъ этой пошлины, чтобы предотвратить злоупотребленія, и наконецъ въ 1654 г. она была окончательно отмѣнена.

2) Домострой, стр. 18.

3) Слово объ иноческомъ житіи и устроеніи церковномъ. Православ. Собесѣдникъ. 1863 г., стр. 110—112.

нихъ предлагалъ свои мѣры для исправленія его, но голоса ихъ были слабы и немногочисленны, а жизнь слишкомъ властно захватывала всѣхъ, диктовала свои суровые законы и выковывала дикіе нравы. Зло слишкомъ глубоко засѣло, и не палліативами было суждено лѣчить его. Нѣкоторые изъ мыслителей совѣтовали бить поменьше и обращаться почеловѣчнѣе съ людьми, — и только! Другіе, болѣе глубокіе, возмущались только противъ нѣкоторыхъ формъ, какіе принимала безсовѣстная эксплоатація темной массы. Принципы же, на которыхъ покоилось все зданіе, если и затрагивались, то крайне неумѣло и слабо.

Для насъ интересны также мнѣнія путешественниковъ, которые записывали все, что ихъ болѣе или менѣе поражало. Такъ Герберштейнъ, посѣтившій два раза московское государство въ 1516 и 1526 году, пишетъ, что поселяне работаютъ на своего господина 6 дней въ недѣлю, седьмой же день употребляютъ на собственную работу. Они имѣютъ нѣсколько своихъ полей и луговъ, которые даетъ имъ господинъ, и отъ которыхъ они кормятся. Впрочемъ, положеніе ихъ самое жалкое, потому что ихъ имущества подвержены грабежу „благородныхъ и воиновъ“, которые называютъ ихъ презрительно „черными людишками“ [1]). Нѣсколько странно описываетъ онъ бытъ поселянъ, работающихъ 6 дней въ недѣлю на господина. Здѣсь по всей вѣроятности онъ принялъ холоповъ за крестьянъ. Далѣе-же, очевидно онъ говоритъ о ролейныхъ закупахъ, или старожильцахъ.

[1]) Герберштейнъ. Записки о Московіи.

Другой путешественникъ, Даніилъ, принцъ изъ Бухова, пишетъ въ XVI столѣтіи слѣд.: положеніе крестьянъ самое жалкое: ихъ принуждаютъ платить по нѣсколько денегъ каждую недѣлю Великому Князю и своимъ господамъ: они имѣютъ скотъ, плоды и, кромѣ того, что нибудь изъ сельскихъ вещей; отказывая себѣ во всемъ, они продаютъ ихъ сосѣднимъ гражданамъ, а сами съ женами и дѣтьми довольствуются черным хлѣбомъ, живутъ очень бѣдно, одѣваются въ толстѣйшее сукно и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры [1]).

Не менѣе интересны жалобы крестьянъ на свое горемычное положеніе; они часто высказывали ихъ въ письмахъ къ своимъ помѣщикамъ: „Погибли мы", сѣтуютъ крестьяне, „сироты твои государевы, въ конецъ помираемъ голодомъ: ни пить, ни ѣсть намъ нечего, стали ощадны и скудны, а на твою работу государеву наряжаютъ, а работать (не можемъ) голодны". Изъ другого имѣнія деревенскій староста пишетъ помѣщику: „и крестьяне твои государевы мнѣ, холопу, отказываютъ, что они голодны; и клячи и коровенка испродали, и (на) хлѣбъ пріѣли, и яровые палини пахать не за чемъ, да и не на чемъ, и ѣсть нечего. А Микитинъ сынъ Ѳилка, (ушелъ отъ) отца и Кондратьевъ дворъ пустой... И сѣчь не убырывали и пенья не копывали, крестьяне разбрелися въ міръ" [2]). Послѣдніе два факта относятся уже къ XVII столѣтію; но врядъ ли въ XV или XVI столѣтіи положеніе дѣлъ было лучше.

---

[1]) Начало и возвышеніе Москвы. Даніила Принца изъ Бухова. Перев. Тихомирова.

[2]) Семевскій. Историч. и юридич. акты XVII и XVIII стол. 1870 г.

Глава XIII.

Оглавленіе. Общія соображенія о положеніи крестьянъ въ XIII — XVI вѣкахъ.

Сперанскій первый выразилъ мысль, что „въ состояніи людей, живущихъ на земляхъ общественныхъ, произошла важная перемѣна со времени введенія татарами народной переписи въ 1257 г.“. По примѣру татаръ, князья записали численныхъ людей въ „данскія книги“. Этимъ они какъ бы прикрѣпили тяглое населеніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ его застала перепись. Въ договорахъ между собой, князья уславливались: „а численныхъ людей блюсти, а земель ихъ не покупати; а письменныхъ—тяглыхъ моихъ людей къ себѣ не пріимати“, не принимать ни для поселенія на частныя земли, ни въ домовую услугу. Князья, какъ мы уже говорили, старались препятствовать обращенію численныхъ людей въ рабовъ, а также обращенію тяглыхъ земель въ нетяглыя. Они связывали плательщиковъ раскладкою дани, и отсюда, вѣроятно, уже беретъ начало обычай „земли въ пустѣ не покинуть“, или „посадить на свое мѣсто жильца“, который бы принялъ на себя всѣ обязательства покинувшаго землю.—Крестьянская община, связанная круговой порукой, зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы земли не оставалось „въ пустѣ“, такъ какъ за пустые участки она должна была платить. Съ другой стороны, крестьянинъ

находился въ полной зависимости отъ владѣльца земли. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ садился на землю безъ средствъ и безъ сельскохозяйственнаго инвентаря, а потому отъ хозяина онъ получалъ „покруту“ или „подмогу“. Если крестьянину надо было построить домъ, владѣлецъ позволялъ ему наготовить строевого матеріалу изъ собственнаго лѣса; если у крестьянина не было хлѣба, денегъ—все это (боярское серебро) ссужалъ ему хозяинъ, и пришлецъ дѣлался неоплатнымъ должникомъ. Цѣлыми поколѣніями могъ онъ жить на этой землѣ и увеличивать изъ года въ годъ свой долгъ. Это былъ крестьянинъ старожилецъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ типовъ крѣпостныхъ крестьянъ. Правда, сынъ тяглеца могѣ укрѣпиться не тамъ, гдѣ родился, а тамъ, гдѣ рядился въ тягло и обжился, „застарѣлъ въ немъ“ [1]), но это бывало въ исключительныхъ случаяхъ. Сила вещей заставляла сына тянуть отцовское тягло. Пожары, засухи, голодовки, обычные гости на Руси, — обычные враги старожильца. И неизбѣжно въ тяжелую минуту являлся благодѣтель въ видѣ землевладѣльца или монастыря, чтобы помочь старожильцу. Неудивительно, что послѣдній дѣлается вѣчнымъ должникомъ своего благодѣтеля землевладѣльца, у котораго, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, должно было складываться убѣжденіе, что старожилецъ привязанъ къ нему болѣе тѣсными узами, чѣмъ простыми долговыми обязательствами.

Чтобы привлечь крестьянъ на свою землю, землевладѣлецъ старался облегчить насколько возможно положеніе

1) Русская Мысль 1885 г. Октябрь. Ключевскій. Стр. 38.

пришельцевъ: въ первые годы послѣ поселенія землевладѣлецъ освобождалъ пришлыхъ крестьянъ отъ государственныхъ податей, отъ оброковъ и повинностей въ свою пользу, съ условіемъ, конечно, что впослѣдствіи крестьянинъ долженъ все выплатить. Болѣе дальновидные хозяева обезпечивали себя неустойкой (зарядомъ) въ два, три, а чаще всего въ 10 рублей, на случай, если крестьянинъ не выполнитъ всѣхъ взятыхъ на себя обязательствъ, записанныхъ въ „порядной грамотѣ". Да кромѣ того законъ обязывалъ его уплатить за пожилое отъ 1 до 4 рублей. Существовали и свадебныя пошлины: „случится у кого свадьба, выдастъ за волость дочь, и прикащику куница (и) десять денегъ, дастъ отводныя хлѣбъ да калачъ, а доводчику двѣ деньги; а женитъ сына, и прикащику алтынъ новоженой, да хлѣбъ, да калачъ, а доводчику двѣ же деньги" [1]). Это уже прямо указываетъ на существованіе своего рода крѣпостного режима; ограниченіе естественнаго права на брачный союзъ привело впослѣдстіи (въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.) къ отмѣнѣ этого права: помѣщикъ по своему усмотрѣнію женилъ крѣпостныхъ.

Изъ другихъ пошлинъ надо упомянуть слѣдующія: землевладѣльцы, исполнявшіе обязанности судьи, получали за это „судныя пошлины". Такъ какъ торговля въ предѣлахъ вотчины облагалась налогомъ, то крестьяне платили „продажныя пошлины".

Мы уже упоминали, что крестьянинъ, получивъ подмогу отъ землевладѣльца, обязывался за это отплатить

---

[1]) Чичеринъ.—Опыты по ист. русск. права, стр. 216.

деньгами или работой (барщина, издѣлье). Условія, на которыхъ крестьянинъ снималъ землю, заносились въ особый контрактъ, который назывался порядной грамотой. По дошедшимъ до насъ порядным грамотамъ мы видимъ, что въ одномъ случаѣ крестьянинъ только платилъ; въ другомъ случаѣ же обязывался не только платить оброкъ, но и работать на барщинѣ. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно вычислить, сколько платилъ крестьянинъ за обработываемую имъ землю. Пользуемся для этой цѣли примѣромъ, который приводится Ключевскимъ: Троице-Сергіевскій монастырь въ 1518 г. положилъ на крестьянъ одного своего села оброкъ по 3 рубля съ выти, а въ другой разъ за тотъ же арендуемый участокъ (выть) вмѣсто платы предложилъ вспахать по $2^1/_2$ десятины озимыхъ и яровыхъ". Если принять во вниманіе, что рубль тогда цѣнился разъ въ 60 больше, чѣмъ теперь, то получится довольно большая цифра—180 рублей [1]). Отсюда надо заключить, что крестьяне слишкомъ дорого платили въ XVI вѣкѣ за аренду земель, гораздо дороже, чѣмъ теперь въ тѣхъ же мѣстахъ.

Такимъ образомъ, при невозможности разсчитаться съ землевладѣльцемъ, земледѣльцу, обладающему правомъ „свободнаго" перехода, оставался одинъ исходъ — „свободный" побѣгъ.

Дѣйствительно, хотя судебникъ Ивана III и установилъ сумму, такъ сказать, налогъ въ пользу землевладѣльца, назвавъ его платой „за пожилое", чтобы устра-

[1]) См. Очерки русской культуры С. П. Милюкова. 1896, стр. 103—105. (Исторія денегъ и цѣнъ).

нить всякіе произвольные поборы, вродѣ „подворныхъ“ или „всякихъ пошлинъ“, но жизнь обошла этотъ законъ и назначила другія пошлины, чтобы затруднить крестьянскій выходъ. Тогда царскій судебникъ, съ цѣлью уничтожить новыя злоупотребленія, увеличилъ нѣсколько пошлину за пожилое и установилъ новую „за повозъ“. По всей вѣроятности и послѣ вторичнаго запрещенія житейская практика вновь нашла себѣ благовидный предлогъ, чтобы затруднить во что бы то ни стало выходъ.

Хотя законодательство судебника и облегчило участь бѣглыхъ холоповъ, обязывая землевладѣльцевъ добывать у намѣстниковъ, обладающихъ правомъ боярскаго суда, бѣглую грамоту, но оно ничего не говоритъ о бѣглыхъ закупахъ, старожильцахъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ распоряженіяхъ правительство заставляетъ возвращать вышедшихъ старожильцевъ на старыя мѣста. Такъ, въ уставной важской грамотѣ (1552 г.) предоставлено право посадскимъ и волостнымъ людямъ „въ пустыя деревни и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ *изъ монастырей выводить назадъ* безсрочно и безпошлинно и *сажать ихъ по старымъ деревнямъ*, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того“.

Въ жалованныхъ грамотахъ Строгановымъ 1564 и 1568 г. [1]) не только запрещено называть и принимать тяглыхъ и письменныхъ людей, но велѣно такихъ тяглецовъ, пріѣхавшихъ къ Строгановымъ, отсылать об-

---

[1]) Дьяконовъ. — Къ исторіи крестьянск. прикрѣпленія. Спб. 1893 г., стр. 18.

ратно на прежнія мѣста жительства по отпискамъ мѣстныхъ властей.

Тяглыя общины старались при всякомъ удобномъ случаѣ переманить жильцовъ отъ монастырей и приписать ихъ въ свое тягло [1]). Монастыри съ своей стороны домогались всѣми силами возстановить свои попранныя права, причемъ они ссылались не на Юрьевъ день, а на то, что ушедшіе или увезенные люди—ихъ монастырскіе старожильцы. Когда же монастыри переманивали къ себѣ чужихъ тяглецовъ, то они оправдывались тѣмъ, что каждый изъ бывшихъ тяглецовъ поставилъ вмѣсто себя новаго жильца.

Изъ грамоты 1577 года видно, что архимандритъ Спасскаго монастыря не допускалъ вывоза крестьянъ, такъ какъ „тѣ крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ старожильцы". Въ другой разъ власти Троице-Сергіевскаго монастыря жаловались, что государевъ ключникъ у нихъ взялъ ихъ Троицкаго неводчика Левку невѣдомо почему. Бояринъ Годуновъ приказалъ про Левку сыскать, и если при обыскѣ скажутъ, что тотъ неводчикъ Левка изстари Троицкій, то его назадъ отдать „къ Троецѣ" [2]).

Старожильцевъ знаетъ еще и Псковская судная грамота (старые изорники), слѣдовательно, старожильство старое явленіе на Руси. Для того, чтобы доказать, что тотъ или другой человѣкъ старожилецъ, достаточно было сослаться на какой либо документъ, утвержденный пра-

[1]) Ibid., стр. 21.
[2]) Ibid., стр. 24.

вительствомъ. При отсутствіи такого документа доказать „старину“ было очень трудно, необходимо было дѣлать тщательные обыски, собирать иногда противорѣчивыя показанія. Въ этомъ отношеніи писцовыя книги имѣли рѣшающее значеніе: тотъ, кто записанъ въ писцовую книгу, безъ всякаго сомнѣнія старожилецъ.

Старожилецъ облагался болѣе тяжелыми податями и повинностями; такъ, напримѣръ, „старый изорникъ“ долженъ былъ отбывать, кромѣ другихъ повинностей, еще подводную повинность. Льготы давались пришлымъ крестьянамъ, а не старожильцамъ; а если льготы распространялись и на старожильцевъ, то пришлые пользовались льготой болѣе продолжительное время. Ясно, что старожильцы находились въ большей зависимости отъ землевладѣльца, чѣмъ пришлые, и ясно также, что обязательства ихъ были болѣе тяжелыя и, вѣроятно, невыполнимыя.

По жалованной грамотѣ Кириллову монастырю (1397—1432 гг.) можайскій князь не велѣлъ ѣздить ловцамъ съ Городка на озеро, которое подъ монастыремъ, „опричь старожильцевъ, которые живутъ около озера“ [1]). Отсюда дѣлаютъ заключеніе, что старожильцы пользовались какой-то спеціальной привилегіей. Намъ думается, что это явленіе нисколько не противорѣчитъ обычаямъ того времени, а именно: можайскій князь заручился крѣпостью къ себѣ старожильцевъ, давъ имъ монополію на рыбную ловлю въ озерѣ. Это одинъ изъ видовъ „подмоги“ или „покруты“, которую землевладѣльцы давали своимъ жильцамъ.

---

[1]) Дьяконовъ н. с., стр. 32.

И такъ, все приводитъ насъ къ тому, что право „выхода“ для старожильцевъ стало ограничиваться гораздо раньше, чѣмъ для другихъ крестьянъ. До насъ дошло нѣсколько грамотъ, подтверждающихъ это, напримѣръ: уже великій князь Василій Васильевичъ далъ привилегію Троицкому игумену, закрѣпивъ крестьянъ—старожильцевъ: если кто заманитъ къ себѣ монастырскаго крестьянина-старожильца, то „я(зъ) князь великій тѣхъ крестьянъ не велѣлъ выпущати ни къ кому“.

Важская грамота и грамота Строгановымъ только подтверждаютъ это предположеніе: „А пріѣдетъ кто къ Григорію (или Якову Срогановымъ) изъ иныхъ городовъ нашего государства или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники или волостели или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отсылати опять въ тѣ же городы, изъ котораго города о которыхъ людехъ отпишутъ именно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не пріимати ихъ“. Приводимъ въ высшей степени интересный документъ, относящійся къ 1578 году, изъ котораго ясно видно, что принципъ старожильства не оспаривался правительствомъ, которое только стремилось выяснить, дѣйствительно-ли такіе-то и такіе крестьяне старожильцы.

„Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Ярославской уѣздъ нашего дворцоваго села прикащику Семейкѣ Губареву. Билъ намъ челомъ изъ Ярославля Спаскаго монастыря аньхимандритъ Ѳеодосей съ братьею… (онъ проситъ водворить на старое мѣсто жительство крестьянъ: Давыдка, да Петрушку, да Илейку

и др.). А сказываютъ давыдковскаго села крестьяне, что тѣ крестьяне... села Давыдкова старожильцы. А тѣ села и деревни за монастырь достались съ тѣми крестьянами... и какъ къ тебѣ наша грамота придетъ, и ты-бъ про тѣхъ крестьянъ (навелъ справки) у тутошныхъ и стороннихъ волостей игумновъ и поповъ и дьяконовъ по священству, а у старостъ и цѣловальниковъ по нашему крестному цѣлованію: тѣ крестьяне въ селѣ Давыдковѣ живали-ли, *и если живали, то какъ давно ушли, о срокѣ ли о Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безпошлинно.* Да кто что про тѣхъ крестьянъ въ обыску скажетъ, и ты бъ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написати на списокъ подлинно порознь земскому и церковному дьячку; а (чтобы) къ тому обыскному списку обыскные люди... руки свои приложили; а будетъ которые люди грамотѣ не умѣютъ, (то чтобы вмѣсто нихъ) руки приложили отцы ихъ духовные... да того обыску списокъ... прислали къ Москвѣ въ Дворцовой приказъ къ дьякамъ... и мы по обыску о тѣхъ крестьянѣхъ указъ учинимъ. Писано на Москвѣ лѣта 7086.

(На оборотѣ): Царь и великій князь. (По склейкамъ): дьякъ Семейка Карповъ.

Съ другой стороны, мы и не думаемъ, чтобы населеніе такъ же строго разграничивало понятія—дворовый и крестьянинъ-старожилецъ, работающій за долгъ, холопъ и ролейный закупъ, или изорникъ, какъ это дѣлаетъ законъ, да и самъ законъ не препятствовалъ переходу изъ крестьянства въ холопство. Если мы примемъ во вниманіе, что землевла-

дѣльцы постоянно стремились узаконить то, что имъ de facto принадлежало, то поймемъ, почему они не останавливались даже предъ явными злоупотребленіями, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они не пользовались льготами. А что злоупотребленія бывали возможны еще въ XII вѣкѣ, достаточно вспомнить слѣдующія постановленія Русской правды: господинъ, *заложившій закупа*, обязанъ былъ возвратить деньги и сверхъ того заплатить закупу три гривны за обиду. Если же закупъ былъ проданъ въ полное рабство, то господинъ платилъ 12 гривенъ за обиду. Извѣстно также, сколько злоупотребленій совершалось при тягловыхъ переписяхъ, когда въ крѣпостные списки заносились лица, которыя никогда не считали себя ни холопами, ни крѣпостными, ни даже старожильцами.

Вспомнимъ также, что по новгородской судной грамотѣ владѣльцу достаточно было заявить суду, что холопъ у него сбѣжалъ, и для подтвержденія своихъ словъ присягнуть, чтобы судъ, не производя обыска, взялъ на себя всѣ хлопоты по вызову отвѣтчика. При этомъ судъ угрожалъ областнымъ начальникамъ и землевладѣльцамъ, что если они будутъ укрывать бѣглыхъ холоповъ, то за это возмѣстятъ всѣ убытки обвинителю. Ясно, что вся суть дѣла состоитъ здѣсь въ заявленіи потерпѣвшаго землевладѣльца. Судъ не разбиралъ, кто былъ бѣглый, онъ вѣрилъ на слово обвинителю и разыскивалъ. Очень интересно добавленіе, которое онъ дѣлаетъ: никто изъ землевладѣльцевъ и лицъ, власть имѣющихъ, не имѣетъ права тайно провозить укрывающихся изъ одного имѣнія въ другое, изъ одной волости въ другую. Судебникъ

Иванъ III борется уже съ этимъ злоупотребленіемъ, обставляя розыскъ бѣглыхъ большими формальностями. Но жизнь знала, какъ обходить законъ; она придумывала новыя формулы и подводила ихъ подъ мертвую букву закона, развивавшагося, кстати сказать, крайне медленно и потому не поспѣвавшаго за жизнью. Жизнь понимала, что главный механизмъ всей политической системы—приказное чиновничество, а ржавые винты этого механизма—продажные чиновники. Вспомнимъ знаменитую народную сатиру: „шемякинъ судъ“ и убѣдимся, что посулы и взятки играли немаловажную роль въ древней русской жизни. Народный умъ тонко подмѣтилъ слабыя стороны судопроизводства и казуистику судьи, который, подъ видомъ внѣшней законности и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, предлагаетъ вопіющее беззаконіе. И дѣйствительно, вся соль этой сатиры заключается въ мотивированной резолюціи судьи.

Итакъ, жизнь старалась ввести новыя понятія въ отжившій законъ. Дѣйствительно, новыя понятія настолько дѣлаются обычными, что и сама власть идетъ на компромиссъ. Мы видѣли, что уже въ XIV и XV вѣкахъ взгляды правительства стали колебаться. Сначала оно снисходитъ на усиленныя просьбы монастырей, затѣмъ даетъ льготы отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ и въ концѣ концовъ санкціонируетъ въ законодательномъ порядкѣ новое привилегированное сословіе и новыхъ крѣпостныхъ, положеніе которыхъ скоро стало во многихъ отношеніяхъ походить на положеніе холоповъ. Но объ этомъ еще рѣчь впереди.

Положеніе крестянъ на государевыхъ земляхъ было

значительно лучше, чѣмъ на вотчинныхъ; на послѣднихъ крестьяне-старожильцы начали обособляться въ отдѣльное сословіе владѣльческихъ крестьянъ, съ извѣстными признаками, характеризующими эту категорію крестьянъ и въ послѣдующее время.

На вотчинныхъ земляхъ крестьяне подчинялись помѣщику въ отношеніи суда и управленія. Правда, что помѣщику были подсудны не всѣ дѣла, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ разрѣшать безчисленное множество спорныхъ вопросовъ, возникающихъ на каждомъ шагу въ деревнѣ и имѣющихъ важное значеніе въ крестьянскомъ быту.

Владѣльцы смотрѣли на право суда, какъ на важную привилегію, дарованную княземъ. Дѣйствительно, такъ какъ въ то время судъ имѣлъ личный, а не государственный характеръ, то на него смотрѣли, какъ на собственность, принадлежавшую по праву болѣе сильному, какъ на дѣло, приносящее извѣстный доходъ. Князья считали себя въ правѣ распоряжаться этого рода собственностью по своему усмотрѣнію. Они жаловали эту доходную статью монастырямъ и разнымъ привилегированнымъ лицамъ и сословіямъ. Землевладѣлецъ, получивъ право судить своихъ крестьянъ, смотрѣлъ на это дѣло, какъ на самую доходную статью. Вмѣстѣ съ помѣщикомъ раздѣлялъ право суда и намѣстникъ, которому подсудны были только самыя важныя преступленія, приносившія больше всего дохода.

Когда вотчинникъ, или землевладѣлецъ не жилъ въ своей вотчинѣ, то онъ поручалъ заботиться о крестьянахъ избраннымъ лицамъ; монастыри же назначали для

этого особыхъ прикащиковъ, тіуновъ, посельскихъ старцевъ и ключниковъ. Всѣ эти чиновники получали значительное жалованье: въѣзжее, праздничное, осеннее. Для этого крестьяне облагались особыми податями по алтыну съ рубля (3%), часто же и 10% со всей исковой суммы. Иногда-же крестьяне должны были отбывать имъ особую повинность (барщину).

Въ 1531 г. инокъ, Филоѳей Ивановъ, подарилъ Волоколамскому монастырю свою вотчину подъ слѣдующимъ условіемъ: „а держати та земля моей старицѣ инокѣ Евпраксіѣ за собой до своего живота; а пахати та деревня крестьяномъ на меня на Евпраксію, а Осифова монастыря прикащику въ ту деревню ѣздити и вѣдати ихъ во всемъ и судити ихъ и пошлина ему своя на тѣхъ крестьянехъ имать, а за нихъ стряпати“.

На крестьянъ смотрѣли, какъ на неполноправныхъ членовъ общества, не могущихъ себя лично защитить и за себя постоять. Отъ землевладѣльцевъ, напр., зависѣло не доводить дѣла до суда. Такъ прекращенъ былъ искъ Спасскаго монастыря на крестьянъ князей Вяземскихъ, благодаря примиренію землевладѣльцевъ: „и я(зъ) князь Семёнъ и я(зъ) князь Тимоѳей Вяземскіе да я(зъ) архимандритъ Савватея съ братіею, *не пущая людей своихъ и крестьянъ передъ Якова* (судья Яковъ Наумовъ былъ назначенъ государемъ для разбора дѣла) *тягатись*, да во всёмъ въ томъ помирились“.

Мы увидимъ дальше, что реформа Петра поставила между крѣпостными крестьянами и государствомъ третье лицо — помѣщика. Государство не заботилось тогда о взаимныхъ отношеніяхъ между крѣпостными и ихъ вла-

дѣльцами, лишь бы послѣдніе исправно взносили подати. Отвѣтственность владѣльца за исправный взносъ податей восходитъ съ XV вѣка, если судить объ этомъ по дошедшимъ до насъ документамъ. Но, по всей вѣроятности, обыкновеніе это возникло значительно раньше, а именно послѣ того, какъ свободный земледѣлецъ поселился на чужой землѣ и обязался обрабатывать ее. Въ послужныхъ и ввозныхъ грамотахъ объ обязанностяхъ крестьянъ говорилось слѣдующее: и вы бы всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ тѣхъ деревняхъ живете, (землевладѣльца) слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему помѣщиковъ хлѣбный и денежный платили [1]).

Иногда же добавлялось: „а *онъ васъ вѣдаетъ* и *судитъ во всемъ* по сей нашей грамотѣ [2]).

Когда землевладѣлецъ хотѣлъ посильнѣе наказать крестьянина за совершенный имъ поступокъ, то ему достаточно было заявить объ этомъ властямъ. Обвиняемый въ случаѣ запирательства могъ быть подвергаемъ пыткѣ. По опредѣленію уставной книги разбойнаго приказа обвиняемый подвергался пыткѣ, если противъ него говорятъ: поличное, лихованный обыскъ или оговоръ. Но дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ достаточно было заявить, что они *подозрѣваютъ* кого-либо въ воровствѣ или разбоѣ. По всей вѣроятности это право было страшнымъ орудіемъ въ тѣхъ рукахъ, кто имъ пользовался, и врядъ ли оно не деморализовало и не обезличивало крестьянской массы.

---

[1]) Акты Истор., т. I. № 180, 243, 185, 186.

[2]) См. Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права. 204.

Изъ жалованныхъ грамотъ князей видно, что монастыри должны были вносить подати за своихъ крестьянъ: „А коли придетъ моя дань князя великаго, и игуменъ за нихъ (крестьянъ) самъ платитъ моя дань по силамъ [1]). Въ 1560 г. Михалицкій дѣвичій монастырь жаловался на то, что сосѣдніе помѣщики настолько „утѣсняютъ, обижаютъ“ ихъ крестьянъ, что невозможно „своихъ убытковъ на тѣхъ крестьянахъ взять“, потому что тѣ крестьяне отъ обидъ обнищали. Своими убытками монастырь считалъ тѣ деньги, которыя онъ внесъ за крестьянъ въ казну [2]) въ счетъ подати. Интересны также и частные договоры землевладѣльцевъ между собой. Такъ, нѣкто, Ѳедоръ Опочининъ съ своимъ сыномъ Мансуромъ за 100 р. получилъ пожизненную аренду с. Юрьева. „А какъ Ѳедоръ и сынъ его то с. Юрьево устроятъ и пустоши распашутъ и дворы изставятъ и крестьянъ назовутъ, и то с. Юрьево и пустоши государевы писцы въ сошномъ письмѣ опишутъ, и Ѳедору и сыну его то с. Юрьево и пустоши окупати, государскія всякія тягла давати [3]).

Въ XVI в. власть землевладѣльца становится уже настолько обширной, что она простирается на тѣхъ же

---

[1]) Дьяконовъ, н. с. стр. 38.

[2]) Монастырскія власти давали крестьянамъ подмогу, „да и тягли многіе во много лѣтъ измогаясь и займуя за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою и отъ того они сами одолжали же и впередъ имъ государевыхъ тяглей за тѣхъ своихъ крестьянъ платили и своихъ убытковъ на тѣхъ своихъ крестьянѣхъ взяти не мочно, потому что тѣ крестьяне отъ обидъ, да и они за нихъ платячи, обнищали“.

[3]) Ibid. стр. 39.

ролейныхъ закуповъ, личную свободу которыхъ старалась охранить Русская Правда; вспомнимъ, что Русская Правда карала землевладѣльца не только за продажу закупа, но и за залогъ его въ обезпеченіе взятыхъ денегъ. То, что преслѣдовалось закономъ въ XII в., стало законнымъ въ XVI в., когда крестьяне начали переходить изъ однихъ рукъ въ другія, какъ частная собственность, вмѣстѣ съ землевладѣльческимъ инвентаремъ. Такъ, въ 1596 г. патріархъ Іовъ повелѣлъ выдѣлить въ помѣстье тремъ дѣтямъ боярскимъ „и крестьянъ, и пашню паханую, и перелогъ, и лѣса, и всякое угодье всѣмъ сряду съ одного [1]). При раздѣлахъ родственниковъ крестьяне переходили вмѣстѣ съ необходимымъ земледѣльческимъ инвентаремъ, какъ безличная собственность. Такъ въ раздѣльной записи 1585 г. значилось между прочимъ слѣдующее: да мнѣ Никитѣ досталось въ Лизневѣ крестьянинъ Истомка, да бобылей Иванко Щетина... И мнѣ Никитѣ досталось на треть обжи крестьянинъ Михалко Бучневъ, а мнѣ Юрью достался крестьянинъ Серга Васильевъ, а мнѣ Ѳоимьѣ съ дѣтьми достались Бориско Варенцовъ да Васка Ивановъ [1]).

Каждая вотчина, каждый монастырь представлялъ собой нѣчто цѣльное, обособленное, какъ бы status in statu, съ своими особыми привилегіями и правами; общее между ними было то, что вотчины были какъ бы маленькія государства, гдѣ судъ и управленіе принадлежали вла-

---

[1]) Арх. мин. юст, Новгородской уѣздъ, № $\frac{19.}{8460}$ См. Дьяконовъ. стр. 40.

дѣльцу, гдѣ владѣлецъ самъ устанавливалъ различныя пошлины, гдѣ онъ давалъ доходныя мѣста особымъ чиновникамъ (прикащикамъ, тіунамъ, доводчикамъ и др.), которые зачастую злоупотребляли властью, дарованной имъ вотчинникомъ. Случалось, что эти маленькія государства вели между собой войну, что можно видѣть изъ многочисленныхъ жалобъ монастырей. Такъ, въ 1579 г. помѣщикъ Новокрещеновъ сдѣлалъ набѣгъ съ цѣлью грабежа со своими людьми на монастырскихъ крестьянъ села Хрепелова; крестьянъ „учали бить на смерть и стрѣлять изъ луковъ и изъ рушницъ, и колоть рогатинами, и саблями сѣчь, и топорками“ *). Всего награблено было на 160 р. (на современныя деньги приблизительно—10000 р.).

Нѣсколько лучше положеніе крестьянъ было на государевыхъ земляхъ. Хозяйство государево велось особыми чиновниками изъ боярскихъ дѣтей. Эти чиновники слѣдили, „чтобъ крестьяне пашню упахивали гораздо и мягко и не черезъ борозду и пахали бы землю лучшую... а лучше-бъ то, чтобы крестьянамъ велѣти пахати урокомъ, десятинами и десятины имъ разверстати и потому на нихъ и пытати [1]).

Правительство заботилось найти добросовѣстныхъ чиновниковъ, (прикащиковъ), которые должны были находиться въ вѣдомствѣ воеводъ. Воевода долженъ былъ выработать особую инструкцію (наказъ) для подчиненныхъ имъ прикащиковъ. Но „сверхъ наказу приказати ему (прикащику) накрѣпко, чтобъ онъ о Государевѣ

[1]) Царскій наказъ воеводамъ въ Вязьмѣ. А. И. І. № 116, 1622.

пашнѣ радѣлъ, пахати и сѣяти велѣлъ во время... чтобъ грудъ и не ораныхъ мѣстъ не было. А какъ Богъ дастъ хлѣбъ посѣетъ и онъ велѣлъ жать во время, и въ скирды и въ одонья велѣлъ складсти на высокихъ и холмоватыхъ мѣстахъ, чтобъ хлѣба... водой не подмочило, а у жнитва и у кладенья и у молотьбы велѣлъ съ прикащикомъ быти попамъ и старостамъ и цѣловальникамъ, выбравъ лучшихъ людей; а изъ соломы велѣти вымолачивать гораздо, и изъ ухоботья и изъ мякины высѣвати до чиста и того беречи на крѣпко, чтобъ... Государевымъ хлѣбомъ никто не корыствовался, и истери-бъ Государеву хлѣбу отнюдь нигдѣ не было" [1]).

Глава XIV.

Оглавленіе. Отливъ населенія на новыя земли. — Борьба землевладѣльцевъ за рабочія руки. — Правительственныя мѣропріятія конца XVI-го и начала XVII вѣковъ. — Царь Борисъ Годуновъ. — Лжедимитрій. — Царь Василій Шуйскій. — Служилое дворянство, какъ новая политическая сила, и царь Михаилъ Θеодоровичъ.

Въ концѣ царствованія Ивана IV частновладѣльческое и помѣщичье хозяйство начало переживать тяжелый кризисъ. Населеніе древней Россіи, искусственно загнанное кочевниками на сѣверъ, нашло себѣ выходъ на новыя земли, открывшіяся для колонизаціи послѣ

[1]) Наказъ сибирскому воеводѣ Василію Янову. 1622. Старинные акты Борисова. № 21.

покоренія Казанскаго царства, распаденія Нагайской орды и завоеванія Ермакомъ Тимоѳеевичемъ Сибири. Послышался русскій говоръ на рѣкахъ Камѣ, Чусовой, Бѣлой, Икѣ и Волгѣ вплоть до Астрахани. Возникли новые укрѣпленные города: Самара, Саратовъ, Царицынъ, Уфа... Но вмѣстѣ съ движеніемъ на юго-востокъ и на дальній востокъ, населеніе хлынуло и на югъ, гдѣ оно покрыло городами нынѣшнюю Орловскую губернію, основало Тулу, Курскъ, Кромъ, Воронежъ, Бѣлгородъ и др. менѣе значительные города. Путешественники, посѣтившіе въ это время Россію, единогласно констатируютъ значительную убыль населенія въ центральной и сѣверной части государства. Такъ Флетчеръ (1588), проѣхавшій изъ Вологды въ Москву, утверждаетъ, что „онъ встрѣтилъ много большихъ селъ, въ которыхъ цѣлы были избы, но не было ни одного крестьянина". Поссевинъ пишетъ, что во многихъ областяхъ государства на пространствѣ 300 миль путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного жителя, хотя и находитъ пустыя деревни. Такія же свидѣтельства мы находимъ и въ старыхъ памятникахъ, такъ, въ 1586 году царь подарилъ горицкому монастырю въ вотчинное владѣніе *село съ двадцатью пятью пустошами*, которыя прежде были населенными деревнями.

Неудивительно, что земля, которая и раньше цѣнилась лишь по степени своей населенности, начала падать въ цѣнѣ, и что рабочія руки неимовѣрно вздорожали. Владѣльцы и монастыри всѣми силами старались удерживать крестьянъ за собою или „называть" ихъ

изъ другихъ мѣстъ, предоставляя, конечно, пришельцамъ всевозможныя льготы.

Издавна многіе монастыри и землевладѣльцы, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, старались получить привилегіи (тарханы) отъ правительства. Русскіе князья давали эти льготы чаще всего монастырямъ; тотъ, кто получилъ льготу, т. е. сдѣлался тарханщикомъ, освобождался отъ государственнаго тягла; такимъ образомъ крестьяне весь оброкъ свой давали землевладѣльцу. За то вся тяжесть повинностей падала на непривилегированныя земли, гдѣ крестьяне должны были нести два тягла: государственное и вотчинное. Когда населеніе крѣпко сидѣло на своихъ мѣстахъ, привилегіи не давали себя знать, но съ тѣхъ поръ какъ началось массовое движеніе на новыя земли, значительная часть крестьянъ стала садиться на земли крупныхъ тарханщиковъ, что вызвало сильное недовольство въ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, разорявшихся тысячами. На необходимость отмѣны частныхъ привилегій обратилъ вниманіе соборъ 1584 года. Свою мысль онъ мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: „совѣтовались мы и утвердились, чтобъ впередъ тарханамъ не быть; земли митрополичьи, архіепископскія, владычни и монастырскія въ тарханахъ никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла“. Тарханы были отмѣнены, но черезъ три

мѣсяца опять возстановлены, „вслѣдствіе столкновенія съ интересами могущественнаго сословія“ [1]). Но случалось, что и земли духовенства терпѣли такъ же, какъ и другія мелкопомѣстныя земли, такъ въ 1578 году суздальскій епископъ жаловался, „что городовые прикащики притянули крестьянъ его къ городу съ посадскими и волостными людьми, и оттого имѣніе его запустѣло; въ четыре года изъ него вышло семьдесятъ шесть семей, а запустѣло шестьдесятъ вытей“ [2]).

Какъ мы уже говорили, большая часть крестьянъ фактически перестала пользоваться правомъ перехода; поэтому они или сами убѣгали, или же ихъ вывозили владѣльцы, нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ, заплативъ, понятно, за пожилое и разсчитавшись со всѣми долгами, сдѣланными крестьяниномъ.

Другими словами, при „вывозѣ“ происходила „замаскированная продажа“, такъ какъ землевладѣлецъ, уплатившій старому хозяину всѣ долги крестьянина, фактически становился его владѣльцемъ. Явленіе въ высшей степени интересное, если принять во вниманіе, что, начиная съ XVII-го вѣка, продажа крестьянъ безъ земли происходила гораздо откровеннѣе. Богатые землевладѣльцы разсылали своихъ прикащиковъ повсюду для совершенія подобнаго рода сдѣлокъ, говоря языкомъ того времени, для „отказыванія крестьянъ“. Мелкіе помѣщики и члены крестьянскихъ общинъ, связанные круговой порукой, предвидя разореніе, старались силою

1) С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 7, изд. 4, стр. 358.

2) Акты Историч., т. I, № 200. См. также Чичеринъ Н. С. стр. 210.

воспротивиться вывозу, но врядъ ли это имъ всегда удавалось, такъ какъ, благодаря преимуществамъ, какими располагали крупные владѣльцы и монастыри, крестьянамъ у нихъ жилось „вольготнѣе“, чѣмъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; у послѣднихъ сложилась даже поговорка: „крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу до гола“ [1]).

Въ концѣ XVI столѣтія землевладѣльцы подали правительству множество исковъ о возвращеніи бѣжавшихъ. Необходимо было разобрать безчисленное количество самыхъ запутанныхъ дѣлъ и установить, какъ „старину“ бѣжавшихъ, такъ и справедливость исковъ. Путаница получилась страшная.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій была перепись населенія, предпринятая въ 1592 году [2]).

Теперь, хотя владѣльцы и могли ссылаться на новые документы, чтобы доказать старину бѣжавшаго, но положеніе ихъ отъ этого не стало лучшимъ; необходимо было какое либо экстренное мѣропріятіе общаго характера. Съ этой цѣлью въ 1597 году правительствомъ временно былъ изданъ слѣдующій указъ [3]): „Царь и ве-

---

1) Такъ характеризуетъ Посошковъ отношенія мелкихъ владѣльцевъ къ крестьянамъ въ своемъ сочиненіи „о скудости и богатствѣ“, стр. 183.

2) Мнѣніе Энгельмана. Въ историческихъ документахъ, относящихся къ этому году, пока не найдено указаній на повсемѣстную перепись. Но за то достовѣрно извѣстно, что въ этомъ году перепись происходила въ различныхъ мѣстахъ Россіи въ обширныхъ монастырскихъ владѣніяхъ.

3) Акты археогр. эксп., Т. I, № 194, 224.

ликій князь Θедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дворянъ и изъ-за приказныхъ людей и изъ-за дѣтей боярскихъ и изъ-за всякихъ людей изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ, и изъ владычныхъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 году [1]) за пять лѣтъ; и *на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ* въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ-за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ, и митрополичьимъ, и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикамъ и служкамъ *давати судъ и сыскивати накрѣпко, всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ*. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали,.. на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они изъ-за нихъ выбѣжавъ живутъ... не бивали челомъ... и на тѣхъ... суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ не вывозити". Этотъ указъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, обобщая всѣ предшествовавшія частныя мѣропріятія, давалъ привилегіи цѣлой категоріи лицъ — владѣльческому классу. Отсюда видно, на сколько отличались взгляды правительства Θеодора, которое узаконивает

[1]) Т. е. 7106 годъ—(отъ сотворенія міра).

то, что до тѣхъ поръ являлоcь, какъ злоупотребленіе силы, какъ частная привилегія отдѣльныхъ лицъ и монастырей, отъ взглядовъ правительства Ивана IV, которое очень осторожно относилось къ праву вывозить на старыя мѣста „старыхъ ихъ тяглецовъ хрестьянъ".

De facto указъ 1597 года послужилъ на пользу, во 1-хъ, тѣмъ крестьянамъ, которые выбѣжали до 1592 года, и, во 2-хъ, крупнымъ собственникамъ, которые, пользуясь нѣсколько неяснымъ текстомъ указа, стали толковать его по своему, а именно, что разыскивать бѣглаго крестьянина вообще можно только въ теченіе пяти лѣтъ послѣ побѣга.

Дѣйствительно, крупные собственники привлекали на свои помѣстья, путемъ выгодныхъ предложеній, крестьянъ мелкихъ владѣльцевъ. Въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ имъ легко было укрывать впродолженіи 5 лѣтъ бѣглаго крестьянина, чтобы по истеченіи этого срока законъ призналъ его свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ. Мало по малу земли мелкихъ собственниковъ пустѣли, доходы уменьшались, и военный классъ, обѣднѣвшій, на пути къ разоренію, предвидѣлъ моментъ, когда онъ не будетъ въ состояніи вооружаться и являться на призывъ царя.

Указъ 1597 года требовалъ поправки, и съ этою цѣлью въ 1601 году былъ изданъ новый указъ, который запрещалъ перевозить крестьянъ въ имѣнія бояръ, большихъ дворянъ, приказныхъ людей, митрополитовъ, епископовъ, монастырей, патріарха, въ дворцовыя села и въ черныя волости. Право вывоза было дано дворянамъ, стрѣлецкимъ сотникамъ, казацкимъ головамъ,

подъячимъ всѣхъ приказовъ и т. п., но разрѣшено было вывозить не болѣе одного или двухъ человѣкъ за разъ, вывозить же трехъ или четырехъ одному помѣщику отъ другого запрещено. Срокъ вывоза оставленъ прежній, а именно—Юрьевъ день, да двѣ недѣли спустя.

Запрещая крестьянамъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, Борисъ Годуновъ спасалъ мелкихъ помѣщиковъ отъ нищеты и достаточно привязывалъ къ себѣ этотъ военный классъ, чтобы бороться съ боярами и утвердить свое владычество.

Указомъ отъ 24 ноября 1602 г. онъ какъ бы хотѣлъ вернуться къ старому порядку вещей, утвержденному судебниками Іоанна III и Іоанна IV, облегчивъ переходъ съ земель мелкаго владѣльца на земли другого мелкаго владѣльца. Въ этомъ указѣ было сказано, чтобы „крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки и въ крестьянской бы *возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было* и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ нѣкоторыхъ не дѣлали; *а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ-за себя не выпускати*, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ.“

Запрещеніе переходить съ мелкаго помѣстья въ крупное удержалось; не смотря на это запрещеніе, крупные землевладѣльцы (сильные люди) старались по прежнему переманивать къ себѣ крестьянъ. Чтобы привязать ихъ къ себѣ какъ можно прочнѣе, владѣльцы требовали отъ нихъ „ссудныя записи“, по которымъ крестьяне записывали себя за новымъ хозяиномъ на всегда и обязывались быть у него вѣчными должниками, т. е. ни-

когда не отдавать разъ взятаго долга. Заручившись такимъ документомъ, новый хозяинъ могъ и передъ судомъ защищать свои права на крестьянина-должника.

Въ 1597 г. приказано „всѣмъ господамъ привести въ Холопій приказъ списки именъ холоповъ, какъ служащихъ, такъ и бѣглыхъ, и крѣпости на нихъ, и *записывать въ книги* для большаго укрѣпленія. Кто далъ на себя кабалу съ 1-го іюня 1586 года, тому быть въ холопствѣ; *денегъ по этимъ служилымъ кабаламъ* у нихъ *не брать* и челобитья ихъ не слушать, а выдавать ихъ господамъ въ службу до смерти. Которые люди служатъ у кого добровольно, тѣхъ вольныхъ людей ставить въ Холопьемъ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да разспрашивать, какъ давно служатъ и кабалу не даютъ-ли? которые люди вольные послужили у кого недѣль пять-шесть, а кабалъ на себя давать не хотятъ, тѣхъ отпускать на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше, на тѣхъ служилые кабалы давать и челобитья ихъ не слушать, потому что господинъ *такого добровольнаго холопа кормилъ, одѣвалъ и обувалъ* [1]).

Въ 1601—1603 г. Россію посѣтило страшное общественное бѣдствіе. Все лѣто шли дожди и не давали хлѣбу созрѣвать, а на праздникъ Успенія Богородицы морозъ захватилъ весь хлѣбъ, рожь и овесъ. Новые посѣвы также погибли на корню, и тогда наступилъ голодъ. По свидѣтельству лѣтописца: „купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья женъ... Видали людей,

[1]) Акты истор., I, № 221.

которые, подобно скоту, зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту человѣческій калъ; мясо человѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ". Вмѣстѣ съ голодомъ пришла его родная сестра—холера. Въ это время положеніе холоповъ было по истинѣ ужасное. Господа выгоняли ихъ отъ себя; нѣкоторые давали при этомъ отпускную, другіе же, выгнавъ своихъ холоповъ, надѣялись по прекращеніи голода вытребовать ихъ обратно. Только въ 1603 году Борисъ издалъ указъ, которымъ онъ обязывалъ господъ давать отсылаемымъ холопамъ отпускную, въ противномъ же случаѣ всякій холопъ могъ получить отпускную въ холопьемъ приказѣ. Боязнь голодной смерти соединяла людей въ громадныя разбойничьи шайки, которыя наводили ужасъ на все состоятельное населеніе. Еще въ царствованіе Ивана IV разоряющійся землевладѣлецъ, чтобы прокормить себя, прибѣгалъ къ грабежу и разбою. Изъ губныхъ грамотъ видно, насколько сильно было распространено тогда это зло: „Били вы намъ челомъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнія ваши грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти, а многіе люди разбойниковъ у себя держали, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ" [1]). Интересенъ также наказъ князя Θеодора Оболенскаго своему сыну князю Димитрію: [2]) „Жилъ бы ты по отца

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. VII. Стр. 170.
[2]) Ibid.

своего наукѣ, смуты не затѣвалъ, людямъ отца своего и своимъ красть, разбивать и всякое лихо чинить не велѣлъ, отъ всякаго лиха унималъ-бы ихъ".

Теперь же разбои и грабежи сдѣлались повсемѣстными, такъ какъ голодные холопы, крестьяне и разорившіеся мелкіе землевладѣльцы наводнили собой Россію. И только урожай 1604 года нѣсколько поднялъ на ноги населеніе.

Событія быстро смѣняли одно другое.

Вскорѣ послѣ смерти Бориса, который былъ избранъ на царство, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ служилаго дворянства, московская боярская партія посадила на престолъ Лжедимитрія.

Сближеніе съ польскимъ укладомъ жизни во время Лжедимитрія I, а также вліятельное положеніе, занятое боярской партіей, послужило толчкомъ къ новому правительственному мѣропріятію: боярскимъ приговоромъ въ 1606 году постановлено было слѣдующее: если землевладѣлецъ будетъ бить челомъ на крестьянъ, сбѣжавшихъ съ его земли за годъ до бывшаго голода, то бѣглецовъ сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ. Если крестьяне бѣжали къ другимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ въ голодные годы, но съ имуществомъ, то ихъ также сыскивать и отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ; если же *окольные* люди *скажутъ*, что крестьянинъ бѣжалъ въ голодные годы, т. к. ему было нечѣмъ прокормиться, *такому крестьянину житъ за тѣмъ, кто кормилъ его*. Если крестьяне дали на себя служилыя кабалы, чтобы избавиться отъ голодной смерти, то они должны оставаться у своихъ новыхъ

владѣльцевъ; *такихъ крестьянъ изъ холопства въ крестьяне не отдавать*. „Если кабальный человѣкъ станетъ оттягиваться, будетъ говорить, что помѣщикъ взялъ его во дворъ съ пашни насильно, а ему прокормиться было нечѣмъ, въ такомъ случаѣ сыскивать по крѣпостямъ; если крѣпости будутъ записаны въ книгѣ, то холопъ укрѣпляется за господиномъ, потому что, если бы кабала была взята насильно, то крестьянинъ долженъ былъ бить челомъ у записки, т. е. крестьянинъ долженъ былъ жаловаться на насиліе при записи. Кабаламъ, которыя не записаны въ книги, вѣрить запрещено“. Такимъ образомъ законодательство какъ бы воспользовалось народнымъ бѣдствіемъ, чтобы закрѣпостить и отдать въ холопство большое число обѣднѣвшихъ и разорившихся крестьянъ. Въ концѣ концовъ приговоръ постановлялъ, что *на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ суда не давать*“.

Такъ какъ Лжедимитрій не оправдалъ всѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались боярами, то онъ былъ свергнутъ, а на престолъ вступилъ Василій Шуйскій, власть котораго была ограничена совѣтомъ бояръ. Но не смотря на первенствующее положеніе, которое занимали бояре при Василіи Шуйскомъ, они должны были волей неволей продолжать политику Бориса Годунова, такъ какъ имъ необходимо было во что бы то ни стало расположить къ себѣ военный классъ, защищавшій ихъ отъ полчищъ казаковъ и холоповъ, надъ которыми начальствовалъ Болотниковъ и Тушинскій воръ. Вотъ при какихъ условіяхъ былъ изданъ указъ 9 марта 1607 года: „которые крестьяне отъ сего числа предъ

симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны". Затѣмъ указъ даетъ очень короткій срокъ, впродолженіи котораго владѣльцы еще могутъ возстановить свои права на бѣглыхъ крестьянъ, бѣжавшихъ послѣ 7101 года; если же о тѣхъ крестьянахъ челобитья не будетъ, то ихъ послѣ назначеннаго срока не вывозить и „суда не давать", а записать ихъ въ книги, „за кѣмъ они нынѣ живутъ". Принимающій бѣглыхъ крестьянъ обязанъ платить 10 р. пени государю, а старому владѣльцу по три рубля за каждое лѣто; подговорщикъ же подвергался позорному наказанію кнутомъ."

Боярамъ удалось отстоять нѣкоторыя частныя привилегіи. Такъ, 7 марта 1607 года по указу царя Василія былъ отмѣненъ жестокій законъ о холопахъ, по которому холопъ, прослужившій около полугода и менѣе, прикрѣплялся окончательно. 12 сент. 1609 года этотъ указъ бояре „указали отставить".

Царь Василій былъ свергнутъ главнымъ образомъ провинціальными дворянами, утверждавшими, что возстали „за свою братію, за дворянъ и за дѣтей боярскихъ, которыхъ царь Василій съ потаковниками своими, большими боярами, въ воду сажаетъ и до смерти побиваетъ". Но вся эта распря верховъ была бы не столь важной по своимъ послѣдствіямъ, если бы и низъ общества не заволновался, и броженіе не приняло бы соціальнаго характера. Однимъ изъ представителей этого низа былъ Болотниковъ, бѣглый холопъ, который составилъ большую шайку изъ крестьянъ и холоповъ и началъ дѣйствовать какъ противъ бояръ, такъ и про-

тивъ дворянъ. Вся Россія раздѣлилась тогда на два враждебныхъ лагеря. Землевладѣльцы говорили, что „лучше уже служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей, или въ вѣчной работѣ у нихъ мучиться“... Холопы и крестьяне съ своей стороны сочувствовали Тушинскому вору и чаяли, первые—получить свободу, а вторые — освободиться отъ лежащихъ на нихъ повинностей: государственный порядокъ въ Московской Руси былъ основанъ на принудительной раскладкѣ государственныхъ повинностей между различными служебными разрядами или чинами московскаго общества, и тяжелѣе всего приходилось податной массѣ.

Во время этой неурядицы выдвигается на первый планъ новый классъ русскаго общества—служилые дворяне, какъ политическая сила, которая выходитъ побѣдительницей изъ борьбы и на долгое время опредѣляетъ, какъ мы увидимъ, ходъ русской государственной политики, начало которой было положено Борисомъ Годуновымъ. Эта новая сила, составляя самый вліятельный элементъ на земскомъ соборѣ, возводитъ на престолъ Михаила Ѳедоровича.

Съ этого времени служилые люди, благосостояніе которыхъ было окончательно подорвано, начинаютъ домогаться, чтобы была уничтожена давность для исковъ о бѣглыхъ. Поземельныя описи первой половины XVII в. ярко рисуютъ бѣдственное положеніе мелкаго служилаго люда и дворянства. Такъ, средній размѣръ помѣстья былъ въ 100 десятинъ; на каждое изъ этихъ помѣстій приходилось въ среднемъ два крестьянина и бобыль, изъ чего можно заключить, что населенность владѣльческихъ и

служилыхъ земель значительно уменьшилась. Точно также увеличилось и количество запустѣвшихъ деревень. Въ сельскомъ населеніи тоже произошли значительныя измѣненія: увеличилось количество безземельныхъ и малоземельныхъ, „немочныхъ“ и бобылей, и уменьшилось число крестьянъ хозяевъ.

Дворяне и дѣти боярскіе жаловались правительству, что „бѣгаютъ изъ за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и черныя волости и села, въ боярскія помѣстья и вотчины патріаршія и монастырскія... бѣглые люди, выживая съ этими помѣщиками и монастырями урочные годы, приходятъ и остальныхъ людей изъ за прежнихъ помѣщиковъ подговариваютъ, домы ихъ пожигаютъ...“

Правительство долго не рѣшалось осуществить завѣтную мечту мелкихъ служилыхъ людей, а именно, дать имъ право отыскивать своихъ бѣглецовъ безъ урочныхъ лѣтъ. Такъ, вначалѣ была назначена десятилѣтняя давность для разыскиванія бѣдныхъ только для нѣкоторыхъ монастырей, затѣмъ эта льгота въ 20-хъ годахъ была распространена только на черныя земли...

Въ 1641 году служилые люди вновь приносятъ челобитную, прося возвратить тѣхъ крестьянъ, которые выходятъ изъ за нихъ за сильныхъ людей. Правительство и на этотъ разъ не рѣшилось осуществить требуемую реформу, оно только повелѣло взять обратно на государеву службу служилыхъ людей, которые, имѣя помѣстья или вотчины, сдѣлались боярскими холопами, и запретило обращать служилыхъ людей въ холопы. Кромѣ этой привилегіи служилые люди получили новую, которая

еще болѣе обособляла это сословіе. (1630—1631 г.); они получили право за 40 и болѣе четвертей распаханной земли платить столько же, сколько черный крестьянинъ платилъ съ одной четверти.

Въ 1645 году служилые люди вновь подали челобитную, въ которой домогались права отыскивать бѣглыхъ безъ урочныхъ лѣтъ. И только при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича правительство рѣшило удовлетворить ихъ. Съ этою цѣлью оно повелѣло составить новые списки крестьянъ, которые числились за каждымъ изъ владѣльцевъ, а также списки тѣхъ, которые выбѣжали не болѣе какъ за 10 лѣтъ (19 окт. 1645). „И по тѣмъ переписнымъ книгамъ“, говорится въ указѣ, „крестьяне бобыли и ихъ дѣти, и братья, и племянники *будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ*“. Этотъ указъ былъ подтвержденъ Уложеніемъ, законодательнымъ памятникомъ 1649 года.

Глава XV.

Оглавленіе. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

Въ царствованіе Ивана IV по всѣмъ приказамъ были заведены новыя „законныя книги“, въ которыя заносились всѣ царскія повелѣнія и боярскіе приговоры. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ челобитенномъ приказѣ заведены были „статейные списки“, гдѣ записывались всѣ доклады царю, а также всѣ дѣла, требующія царскаго рѣшенія. Тутъ же помѣщались противъ каждой статьи

государевы отвѣты, затѣмъ все утвержденное заносилось въ „законныя книги“. Но такъ какъ всякихъ рѣшеній, иногда взаимнопротиворѣчащихъ, появилось слишкомъ много, то уже при Михаилѣ Өедоровичѣ явилась мысль составить новое Уложеніе; мысль эта была осуществлена только 16 іюля 1648 года, когда царь Алексѣй Михайловичъ съ патріархомъ, боярами и думными людьми рѣшилъ собрать всѣ статьи изъ правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ, а также постановленія всѣхъ прежнихъ государей Россійскихъ и боярскіе приговоры. Составленіе проекта Уложенія было поручено особой комиссіи боярской думы, состоявшей изъ 5 человѣкъ. Въ октябрѣ 1648 года царь утвердилъ этотъ проектъ, послѣ чего онъ былъ прочтенъ всѣмъ выборнымъ людямъ, чтобы „все то уложеніе было прочно и неподвижно“. Изъ этого краткаго очерка ясно видно, что Уложеніе составлено было высшимъ правящимъ классомъ. Разсмотримъ тѣ статьи, которыя касаются сельскаго населенія.

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича окончательно уничтожаетъ срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ на ихъ постоянное мѣстожительство. Оно предписываетъ отбирать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать тѣмъ владѣльцамъ, за которыми они или ихъ отцы записаны по писцовымъ книгамъ 1626 года или по переписнымъ книгамъ 1646 и 1647 годовъ. Это мѣропріятіе было связано съ интересами казны, которая неустанно заботилась о правильномъ взносѣ податей.

Уложеніе различало два рода крестьянъ—вотчинныхъ и помѣстныхъ. Такъ какъ вотчинные владѣльцы могли

распоряжаться своей землей, какъ они хотѣли, то и власть ихъ надъ крестьянами была бо̀льшая, чѣмъ власть помѣщиковъ, земля которыхъ принадлежала государству. Помѣщикъ, въ отличіе отъ вотчинника, не могъ отпустить крестьянина на волю или перевести его изъ одного помѣстья въ другое. Вотчинный владѣлецъ могъ продавать свою землю и вмѣстѣ съ нею крестьянъ. Крестьяне здѣсь неразрывно связаны съ землей, и владѣлецъ не могъ ни въ какомъ случаѣ оторвать крестьянина отъ земли, или продавать его, какъ вещь, такъ какъ крестьянинъ прикрѣплялся къ тому участку, на которомъ онъ записанъ въ писцовыхъ книгахъ. Но, если землевладѣлецъ мѣняетъ землю, населенную крестьянами, на пустую землю, то онъ могъ перевести своихъ крестьянъ на новопріобрѣтенную землю.

Уложеніе запрещаетъ принимать бѣглыхъ или свозить крестьянъ, подъ угрозой заплатить по 10 рублей за каждый годъ владѣнія чужимъ крестьяниномъ. Если бѣглый вступитъ въ бракъ у другого владѣльца, то возвращается со всѣмъ семействомъ. Каждый владѣлецъ, принимая къ себѣ крестьянина, долженъ убѣдиться, не бѣглый-ли онъ, и немедленно записать его за собой въ помѣстномъ приказѣ, а въ городахъ—у воеводъ; а если кто запишетъ бѣглаго, и найдутся владѣльцы записаннаго крестьянина, то виновный долженъ заплатить по 10 р. за годъ.

По Уложенію прикрѣпленный крестьянинъ пользовался всѣми правами другихъ сословій: правомъ общаго суда, правомъ вступать въ договоръ помимо владѣльца, правомъ собственности. Но, съ другой стороны, землевла-

дѣльцу предоставлено было судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбоя, убійства и др. важныхъ преступленій.

Землевладѣлецъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ за крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ, исключая тяжкихъ преступленій, точно также онъ отвѣчалъ и за исправный взносъ казенныхъ податей.

Уложеніе совершенно упустило изъ виду необходимость оградить личность крестьянина и опредѣлить взаимныя права и обязанности крѣпостного и господина. Очень скоро слабый покорился сильному. Владѣльцы наложили самовольно обязательства на крѣпостныхъ и подчинили ихъ своей юрисдикціи, санкціонируемой штрафами, тѣлесными наказаніями и пытками, какъ напр.—подвѣшиваніемъ за связанныя назадъ руки, такъ что онѣ выворачивались изъ суставовъ, битьемъ при этомъ кнутомъ и даже испытаніемъ огнемъ. Правда, Уложеніе не дозволяло убивать человѣка, но этого было слишкомъ мало, такъ какъ о наказаніи владѣльца за причиненіе смерти крѣпостному оно ничего не говоритъ.

Владѣльцы стали продавать крестьянъ безъ земли, что было противно законамъ Алексѣя Михайловича. Это злоупотребленіе, вначалѣ только терпимое администраціей, скоро было узаконено указомъ отъ 13-го октября 1675 г. Съ того дня, какъ законъ дозволилъ продавать человѣка безъ земли, крѣпостное состояніе стало чрезвычайно походить на рабство. Крестьянскіе побѣги послѣ новаго закона нисколько не уменьшились, несмотря на энергичную борьбу съ ними правительства; послѣднее иногда прямо не знало, что дѣлать, и колебалось; оно

то усиливало репрессивные законы (Указъ 1664-го г.), то вновь дѣлало послабленія (1681 г.). Въ 1698-мъ году былъ изданъ указъ, по которому отъ „принимателей бѣглыхъ людей и крестьянъ“ отбирались ихъ вотчины и помѣстья. Половина шла въ казну, другая половина отдавалась владѣльцу бѣглецовъ. Указъ 1704-го года угрожалъ даже смертной казнью. Но всѣ эти суровыя мѣры ни къ чему не приводили.

Хотя Уложеніе и не признавало личнаго прикрѣпленія крестьянъ, т. е. прикрѣпленія къ личности землевладѣльца, но, благодаря неполному, а также непослѣдовательному законодательству о поземельномъ прикрѣпленіи, оно подготовило почву для развитія личной крѣпости.

До Уложенія крестьяне были крѣпки къ лицу на основаніи частной крѣпости, частнаго договора; теперь же частной крѣпости недостаточно, такъ какъ каждый землевладѣлецъ обязанъ сдѣлать еще правительственную крѣпость, т. е. заносить каждаго крестьянина, живущаго на владѣльческой землѣ, въ помѣстный приказъ. Такимъ образомъ государство, имѣя въ виду собственный интересъ, прикрѣпляло крестьянина къ служилому сословію.

Русскій крестьянинъ выражалъ бѣгствомъ свой протестъ противъ нарушенія, во имя государственной пользы, его правъ, такъ что стѣснительный законъ способствовалъ только увеличенію казачьихъ ордъ.

Лишенный свободы передвиженія, крѣпостной сохранялъ всѣ другія гражданскія права. Онъ могъ прибѣгать къ суду наравнѣ съ другими классами русскаго общества, торговать и даже пріобрѣтать землю въ соб-

ственность, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ отсутствіе права владѣнія землей было характеристичной чертой крѣпостной зависимости. Крестьяне по прежнему жили общинами и выбирали своихъ старостъ и другихъ властей. Землевладѣлецъ имѣлъ дѣло не съ отдѣльнымъ лицомъ, а съ самостоятельной общиной, что, конечно, сдерживало его произволъ. Но личное прикрѣпленіе носило въ себѣ всѣ зародыши будущаго крѣпостного состоянія. Такъ, иски по суду переносились съ землевладѣльца, если онъ почему либо не могъ заплатить, на крестьянина. Если землевладѣлецъ убивалъ крестьянина, живущаго на чужой землѣ, то указъ отъ 1615 года наказывалъ его слѣдующимъ образомъ: „изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женой и дѣтьми и со всѣми животы и отдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, во крестьянство“. Фактически же крестьянинъ находился въ такой зависимости отъ помѣщика, что послѣдній могъ, хоть и противозаконно, переводить его въ дворовые, переселять на другую землю, мѣнять его и даже отрывать отъ семьи. Законъ мало по малу перестаетъ вмѣшиваться во взаимныя отношенія между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, онъ преслѣдуетъ только одну цѣль, а именно, чтобы крестьянинъ не переставалъ быть плательщикомъ податей. Юридическая зависимость крестьянина стала большею: на помѣщичьемъ дворѣ, какъ мы уже говорили, появляется тюрьма и, какъ принадлежность ея, кандалы и орудія пытки.

Глава XVI.

Оглавленіе. Увеличеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. — Недовольство и слѣдствія его.—Попытка реформы при царѣ Θеодорѣ.

Послѣ смутнаго времени московское правительство увидѣло себя въ безвыходномъ положеніи, благодаря отсутствію денежныхъ средствъ. Между тѣмъ недоимки росли съ каждымъ годомъ. Прямые же налоги были увеличены до послѣдней степени напряженности, превышавшую платежную силу населенія. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича правительству пришлось прибѣгнуть къ косвеннымъ налогамъ, между прочимъ къ соляному налогу и къ казенной продажѣ табаку. Если же прибавить сюда и многочисленныя злоупотребленія со стороны лицъ, даже самыхъ приближенныхъ къ Алексѣю Михайловичу, который по своему добросердечію и простотѣ душевной слишкомъ много довѣрялъ имъ, то намъ нѣсколько будетъ понятно то всеобщее недовольство, которое охватило русское общество конца XVII-го вѣка съ низу до верха. Вотъ какъ рисуетъ положеніе вещей одинъ изъ самыхъ умныхъ людей того времени, патріархъ Никонъ. Въ своемъ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу онъ говоритъ: „ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и неизвѣстно, кто не постится, ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого кто-бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хро-

мые, вдовы, чернецы и черницы всѣ данями обложены тяжкими; вездѣ плачъ и сокрушеніе; нѣтъ никого веселящагося въ дни сіи". Въ письмѣ къ восточнымъ патріархамъ Никонъ послѣ жалобъ на захваты со стороны царя церковныхъ имуществъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій царь отягчилъ данями сугубо, трегубо и больше и все безполезно".

Но тотъ же Никонъ вызвалъ своими церковными реформами недовольство, выразившееся въ формѣ раскола. Этотъ расколъ объявилъ Никона предшественникомъ антихриста. Нельзя сказать, чтобы подъ расколомъ скрывалась одна мертвая буква обрядности. Немыслимо объяснить быстрое распространеніе раскола недовольствомъ одною внѣшнею реформой, нужно волей неволей допустить, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали его появленію, и что расколъ представилъ собой ту религіозную форму, въ которую вылились нѣкоторыя симпатіи, антипатіи и стремленія извѣстныхъ общественныхъ группъ, экономическое, а также и соціальное благосостояніе которыхъ пошатнулось.

Неудачная финансовая политика, когда правительство Алексѣя Михайловича выпустило своего рода ассигнаціи, а именно, мѣдныя деньги съ курсомъ серебряныхъ, и потерпѣло банкротство, такъ какъ мѣдныя ассигнаціи совершенно упали въ цѣнѣ, — привела къ московскому бунту 1662 года. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было очень много волненій, изъ кото-

рыхъ самымъ крупнымъ должно счесть бунтъ Стеньки Разина, предводителя громадной разбойничьей шайки. Царская грамота, посланная астраханскимъ воеводамъ, такъ объясняетъ это движеніе: „во многіе донскіе городки *пришли* съ украйны *бѣглые боярскіе люди и крестьяне* съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой". „Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженіемъ", заботливо писалъ Алексѣй Михайловичъ: „на Дону собираются многіе казаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ".

Дѣйствительно, масса крестьянскаго населенія, желая увернуться отъ тяжести налоговъ и повинностей, искала спасенія въ бѣгствѣ на югъ, гдѣ Донъ давалъ пріютъ всякой голытьбѣ, и про который молва разносила самыя радужныя вѣсти... Мысль о легкой наживѣ кружила головы многимъ искателямъ приключеній.

Подобныя печальныя явленія русской дѣйствительности, въ свою очередь, заставляли правительство стремиться къ организаціи своихъ силъ, къ созданію централизованной администраціи. Такъ, около 1662 года былъ учрежденъ „Приказъ тайныхъ дѣлъ" съ его системой шпіонства и съ его „словомъ и дѣломъ", заслужившимъ въ исторіи такую печальную извѣстность. При невысокомъ уровнѣ нравственности въ то время это учрежденіе было слишкомъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ людей, часто злоупотреблявшихъ властью, дарованной имъ довѣрчивымъ и добрымъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

По свидѣтельству Коллинса, общество въ то время

было до такой степени опекаемо приказной администраціей, что знакомые, видя пьянаго, валяющагося на улицѣ во время сильнаго мороза, не осмѣливались подать помощь, опасаясь, чтобы онъ не умеръ на ихъ рукахъ, — потому что Земскій приказъ умѣетъ взять налогъ со всякаго мертваго тѣла.

Со вступленіемъ на престолъ Ѳеодора Алексѣевича правительство сдѣлало попытку реформы. Такъ, въ 1681 году оно отмѣнило указъ, по которому за каждаго возвращаемаго бѣглаго крестьянина брали съ принимателя четырехъ наддаточныхъ крестьянъ. Но эта отмѣна вызвала такое недовольство въ служиломъ сословіи, что указъ былъ возстановленъ въ 1682 году. Обстоятельство это указываетъ на то, что крѣпостной режимъ имѣлъ сильные корни въ обществѣ. И хотя передовые люди конца XVII вѣка и додумывались до необходимости освобожденія крестьянской массы изъ крѣпостной зависимости и дѣятельнаго развитія культурныхъ силъ страны, но ихъ мысли не суждено было сбыться. Петръ Великій съ своей финансовой системой, въ которой воплотился вѣковой опытъ московскихъ правительствъ, надолго отложилъ осуществленіе идеи, которая украсила лучшую страницу царствованія императора Александра II.

Глава XVII.

Оглавленіе. Петръ Великій и его податная реформа. — Преображенскій приказъ.— Отношеніе русскаго общества къ Петру.

Какъ мы уже видѣли, сначала единицею обложенія былъ довольно крупный поземельный участокъ, приносящій опредѣленное количество доходовъ (соха). Но когда, съ возрастаніемъ податей, населеніе старалось уклониться отъ „сошнаго тягла“, такого рода обложеніе оказалось несправедливымъ, такъ какъ общины должны были платить за выбѣжавшихъ своихъ членовъ (за опустѣвшія сохи). Образовалось, съ одной стороны, большое количество пустыхъ земель, а съ другой большое количество мелкихъ дворовъ, не платившихъ никакихъ податей. Правительство, заботившееся объ исправномъ взносѣ податей, рѣшило создать болѣе мелкую единицу обложенія (1679 — 1681)—тяглый дворъ. Но и эта единица оказалась крайне измѣнчивой, такъ какъ дворъ могъ состоять изъ неопредѣленнаго количества рабочихъ рукъ. Каждый членъ населеннаго двора платилъ меньше, чѣмъ членъ малонаселеннаго [1]). Такъ что вновь извѣстное количество плательщиковъ начало уклоняться отъ взноса податей. Необходимо было выбрать еще болѣе мелкую единицу обложенія—ревизскую душу. Ре-

---

[1]) Во время переписи населеніе нарочно переводилось изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ дворъ. См. Милюковъ. Оч. по истор. русск. культ.

визская душа есть уже величина строго опредѣленная— это мужская рабочая сила, прилагающая свой трудъ къ земледѣлію и приносящая опредѣленный доходъ. Прямымъ слѣдствіемъ введенія поголовнаго обложенія было, во 1-хъ, увеличеніе государственныхъ доходовъ (съ 3 мил. въ 1701 г. до 9 мил. въ 1724 г.); во 2-хъ, увеличеніе вывоза (2,400,000 въ 1727 году), значительно превышавшаго ввозъ (1,600,000). Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что населеніе сильно нуждалось въ деньгахъ для уплаты податей и потому сбывало большее количество продуктовъ за границу.

Петръ I нуждался въ людяхъ и деньгахъ, чтобы привести въ исполненіе свои обширные планы; къ тому же онъ считалъ, что каждый подданный обязанъ, въ какой бы то ни было степени, служить государству. По его повелѣнію приступили къ первой ревизіи, по которой крестьяне и бобыли были зачислены въ одинъ разрядъ съ полными и кабальными холопами. Всѣ тѣ, которые перечислялись въ ревизіи, обязывались имѣть опредѣленное мѣстожительство и платить подушную подать, замѣнившую поземельную, лежавшую до тѣхъ поръ исключительно на крестьянахъ. Сборъ податей легъ на самихъ владѣльцевъ, которые отвѣчали передъ правительствомъ за исправность платежа. Такимъ образомъ крестьянинъ перестал быть отвѣтственнымъ предъ государствомъ, господинъ какъ бы замѣнилъ собой для него государство. Государство требовало только, чтобы владѣлецъ вносилъ подати, и не заботилось о взаимныхъ отношеніяхъ между крестьяниномъ и господиномъ. Тѣлесныя наказанія, появившіяся повсемѣстно при царѣ Алексѣѣ

Михайловичѣ, теперь, когда крестьяне сдѣлались еще менѣе отвѣтственными, начали принимать болѣе грубую и безчеловѣчную форму. Помѣщикъ могъ крѣпостного заковать въ цѣпи, забить въ колодку, бить нещадно и не давать въ томъ никому отчета, лишь бы онъ былъ исправенъ передъ государственной казной. Грубость нравовъ развивалась параллельно съ развитіемъ новыхъ общественныхъ отношеній.

Вольные государевы гулящіе люди должны были подъ угрозой ссылки на каторгу или итти въ солдаты, или записываться въ члены какой-нибудь общины или въ крѣпостные какого-нибудь помѣщика. Эти мѣры усиливали господскую власть и упраздняли фактически классъ свободныхъ крестьянъ и арендаторовъ. Петръ I во всѣхъ своихъ реформахъ ставилъ на первый планъ нужды государства. Будучи послѣдовательнымъ, онъ уничтожилъ полныхъ холоповъ, составлявшихъ исключительную собственность владѣльцевъ, сравнялъ ихъ съ крестьянами, заставилъ ихъ платить подушную подать и призналъ всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи, принадлежащими государству: всѣ должны служить государству, и крѣпостные, и владѣльцы; каждый крѣпостной могъ безъ согласія владѣльца поступить на военную службу, — такимъ образомъ служба у помѣщика была сравнена съ государственной службой. Петръ достигъ своей цѣли, обезпечилъ рекрутскій наборъ, увеличилъ доходы государства, наложилъ подать на всѣхъ своихъ подданныхъ, но сельскому классу пришлось платить своимъ пòтомъ и кровью за новое преобразованіе, и свободныхъ крестьянъ въ Россіи не стало.

Иго становилось тяжелѣй; крѣпостные, находившіеся во власти господъ, продавались не только съ землей и цѣлыми семьями, но и въ одиночку, безъ земли. Эти злоупотребленія приняли такіе размѣры, что Петръ Великій обратилъ на нихъ вниманіе. Въ своей перепискѣ съ Сенатомъ онъ высказывалъ мысль, что необходимо приготовить указъ, запрещающій продажу крѣпостныхъ. Въ письмѣ Петръ, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, дѣловыхъ и дворовыхъ людей, предписываетъ для тѣхъ, „кто похочетъ купить, какъ скотовъ“, „оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не врознь.“ Но Сенатъ не издалъ никакого постановленія; злоупотребленія продолжались и впослѣдствіи сдѣлались даже источникомъ дохода для казны: въ царствованіе Анны Іоанновны продажа крѣпостныхъ совершалась съ предварительнымъ вычетомъ въ пользу казны.

Въ царствованіе Петра положеніе крестьянской массы значительно ухудшилось. Передовые дѣятели ставили на первый планъ нужды государства, забывая совершенно бѣдственное положеніе народа; общества, которое могло стать ходатаемъ за несчастныхъ, не существовало; не было и литературы. А между тѣмъ литература, въ которой отражается бытъ цѣлаго народа, а не одной незначительной части его, есть великая просвѣтительная сила. Горе тому народу, у котораго она только влачитъ свое существованіе. Она одна способна заглянуть во всѣ захолустья и выразить ихъ нужды и надежды. Она одна способна подвести итогъ тысячамъ

и милліонамъ фактовъ. Здѣсь не мѣсто сѣтовать, почему русская литература такъ поздно развилась. Мы хотимъ только сказать, что ея отсутствіе, а позднѣе—ея прозябаніе, слишкомъ сказывались во весь крѣпостной періодъ русской исторіи. Страна была неизучена, нуждъ ея во всей ихъ полнотѣ никто не зналъ. А вѣдь для государственнаго дѣятеля незнаніе страны или поверхностное знакомство съ нею есть та скала, о которую разбиваются всѣ его лучшія намѣренія. Почему „великій реформаторъ", Петръ, обратился къ подушной системѣ? Недостатки ея могли выясниться для человѣка, практически знакомаго съ русской жизнью. А вѣдь нельзя сказать, чтобы не было людей, понимавшихъ нужды Россіи. Фаворитъ царевны Софьи, Голицынъ, иначе разрѣшалъ вопросъ, выказавъ при этомъ государственную дальновидность. По свидѣтельству Невилля, путешественника, посѣтившаго въ то время Россію, Голицынъ „велѣлъ собрать свѣдѣнія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ правленіи. Онъ хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ съ пользою для царя, за ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ-бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государей" [1]). Эта реформа дала бы возможность создать регулярную армію вмѣсто полковъ „крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и, вмѣсто этой безполезной для государства повинности, обложить ихъ

---

[1]) В. И. Семевскій—Крестьянскій вопросъ, т. I, стр. 2.

умѣренной поголовной податью [1]). Посошковъ, человѣкъ менѣе образованный, но практически изучившій Россію, высказался противъ подушной подати, предлагая вмѣсто нея подоходный налогъ. Посошковъ предлагалъ мѣры и для регулированія отношеній между крестьянами и помѣщиками; мѣры эти были крайне необходимы, ибо крестьянинъ попадалъ при новомъ порядкѣ вещей въ полную зависимость отъ произвола помѣщика. Одинокій голосъ Посошкова былъ слишкомъ слабъ; извѣстно, что этотъ писатель даже подвергся тюремному заключенію.

Петръ Великій не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго, чтобы улучшить положеніе порабощеннаго класса. Онъ самъ пожаловалъ „изъ дворцовыхъ волостей въ помѣстья и вотчины съ 1682 по 1710 г. болѣе 170 тысячъ душъ“, цыфра для того времени громадная.

Крестьяне, очутившись въ подобномъ положеніи, подъ гнетомъ требованій и притѣсненій, искали спасенія въ бѣгствѣ или опредѣлялись въ солдаты. Земли начали пустѣть.

Канцелярія Преображенскаго Приказа даетъ неоцѣнимый матеріалъ для того, чтобы понять, какъ отразились петровскія реформы на народномъ міросозерцаніи, на народномъ настроеніи. Для насъ важенъ каждый историческій памятникъ, проливающій, хотя бы и косвеннымъ образомъ, свѣтъ на положеніе народной массы, такъ какъ петровская эпоха не оставила точныхъ и полныхъ статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы составить объ этомъ опредѣленное понятіе.

---

1) Ibid.

Литературной и періодической прессы не существовало, ее замѣняла стоустая молва, которая съ страшной быстротой разносила разные, иногда совершенно нелѣпые толки, глухо вторившіе народному настроенію. Недовольство экономическимъ и соціальнымъ строемъ и раньше находило свое выраженіе въ религіозномъ броженіи, которое получило только дальнѣйшее развитіе въ довольно распространенномъ въ то время среди раскольниковъ ученіи объ антихристѣ. Какое бы распоряженіе ни дѣлалъ Петръ, даже самое незначительное и, такъ сказать, формальное по своему существу, какъ, напримѣръ, измѣнить лѣтосчисленіе, носить короткій кафтанъ, все это истолковывалось по своему. Старое лѣтосчисленіе, старая вѣра пріобрѣтали какое-то особое значеніе, старинный кафтанъ и борода дѣлались какъ бы символами добраго стараго времени. Чѣмъ объяснить эту идеализацію старины, это упорное стремленіе пострадать за нее? И неужели положеніе вещей при Михаилѣ Өедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ было хорошее? Вѣдь и тогда уже существовала страшная форма борьбы съ новшествами — самосожженіе, при Петрѣ же она получила только большее развитіе. Тяжелы должны быть условія жизни, если человѣкъ не находитъ другого исхода, кромѣ самосожженія, и съ какимъ эпическимъ спокойствіемъ говоритъ народъ объ этихъ новыхъ, неизбѣжныхъ съ его точки зрѣнія и роковыхъ событіяхъ (1704): „какъ пришлютъ намъ эти указы въ погостье, и будутъ *люди по лѣсамъ жить и горѣть*, пойду и я съ ними въ лѣса жить и горѣть“. А вотъ другой примѣръ, представляю-

щій уже не пассивное отношеніе къ дѣйствительности, а какой то дикій героизмъ: нѣкто, посадскій человѣкъ, Андрей Ивановъ, пришелъ въ Москву (1703) обличать Петра, что „онъ, государь, вѣру православную разрушаетъ, велитъ бороды брить, платье нѣмецкое носить, табакъ тянуть“! Не могъ же этотъ фанатикъ не знать, что существуетъ въ Москвѣ страшный Преображенскій Приказъ. Являлись и начетчики, которые влагали всю свою книжную мудрость, чтобы выяснить вопросъ относительно антихриста. Такъ, Степанъ Выморковъ, у котораго зародилась мысль о воплощеніи антихриста въ мірѣ, вычиталъ въ книгѣ Кирилла „объ антихристѣ и знакахъ его“ такое многознаменательное пророчество: „во имя Симона Петра имѣетъ быть гордый князь міра сего антихристъ“. Этого было достаточно, чтобы онъ сдѣлался убѣжденнымъ проповѣдникомъ (1722—1725) „явленія антихриста“, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію многія другія пророчества и соображенія подтверждали эту мысль. Правда, могутъ возразить, что дьячокъ, посадскій человѣкъ или какой либо начетчикъ вышли не изъ народной среды и потому не могутъ считаться выразителями ея интересовъ. Но на это можно отвѣтить, что идеологи массы являлись всегда изъ болѣе культурнаго класса, близко соприкасавшагося съ средой, которая главнымъ образомъ переживала тотъ или другой экономическій или соціальный кризисъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что въ первой четверти XVIII вѣка русскій народъ, т. е. центръ его тяжести, сельское населеніе, переживалъ глубокій соціальный и экономическій кризисъ. Петръ Великій довелъ до крайняго на-

пряженія платежную способность русскаго народа и главнымъ образомъ платежную способность трудового класса. Онъ разложилъ платежи на души и создалъ цѣлый классъ новыхъ плательщиковъ. Какъ уже было сказано, для этой цѣли онъ сравнялъ холоповъ, крѣпостныхъ, свободныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, образовавъ одинъ крѣпостной классъ. Холопъ, который былъ полной собственностью господина и ничего не платилъ государству, теперь сдѣлался плательщикомъ; гулящіе люди должны были сдѣлаться крѣпостными или итти въ солдаты. Свободные сѣверные черносошные крестьяне, старые служилые люди и однодворцы были обращены въ государственныхъ крѣпостныхъ и обложены двумя податями: подушной (80 к.), которую платили всѣ крестьяне, или, вѣрнѣе, „ревизскія души" безъ исключенія, и особой податью—оброчной (40 к.) [1]), которую по соображенію правительства крестьяне платили помѣщикамъ.

Въ 1721 г. Петръ Великій создалъ фабричныхъ и заводскихъ (поссесіонныхъ) крестьянъ.

По вычисленіямъ профессора Ключевскаго, Петръ Великій увеличилъ прямой налогъ вдвое противъ прежняго, такъ что подушная подать, отмѣненная въ царствованіе Александра III, была въ три раза меньше, чѣмъ подушная подать, введенная Петромъ Великимъ. Кромѣ того была введена цѣлая серія косвенныхъ налоговъ: гербовой сборъ (1696), налогъ на съѣстные

---

1) Нужно помнить, что рубль во время Петра стоилъ въ 9 разъ больше, чѣмъ теперь.

припасы, на помолъ, на бани, на бороду, на табакъ и даже на гробы (налогъ на соль и на вино существовалъ раньше). Тягостное положеніе тѣмъ болѣе усиливалось, что народный трудъ былъ отвлеченъ, такъ сказать, выведенъ изъ своего обычнаго вѣкового русла. Такъ, сѣверная бѣдная окраина Россіи искусственно колонизовалась и улучшала свои пути сообщенія въ ущербъ южной богатой. Рабочія руки отрывались отъ болѣе продуктивнаго труда, мѣняя его на менѣе продуктивный. Съ другой стороны русское общество того времени представляло собой довольно искусственный составъ. Это особенно подчеркиваетъ г. Ключевскій, который составилъ довольно наглядную таблицу, поясняющую нашу мысль. Онъ сравниваетъ русское общество 1723 года съ русскимъ обществомъ 1867 года. Для этого онъ пользуется таблицей, составленной Фокеродтомъ, современникомъ Петра, который руководился данными, добытыми первой ревизіей. Вотъ эта таблица.

Русское общество въ 1723 г.

Сословія.	Количество.	Процентное отношеніе.
Дворянство	500,000	3,8
Приказные люди	200,000	1,5
Духовенство.	300,000	2,3
Городскія состоянія	345,000	2,6
Сельское сословіе.	11,590,000	89,6
Военное сословіе	?(около 200000)	—

Число военныхъ не принято во вниманіе, что однако не мѣшаетъ правильности вывода.

Русское общество въ 1867 г. (не считая Кавказа, Финляндіи, царства Польскаго).

Сословія.	Количество.	Процентное отношеніе.
Дворянство	533,000	0,8
Личные дворяне, т. е. прежніе служилые приказные люди	303,000	0,48
Духовенство	624,000	0,98
Городскія сословія.	5,743,000	9,0
Сельское сословіе.	52,250,000	82,0
Военное сословіе	3,500,000	5,7

Изъ сравненія этихъ двухъ таблицъ видно, что въ 1867 г. количество дворянъ, служилыхъ людей (личныхъ дворянъ) и духовенства въ отношеніи ко всему населенію было значительно меньше, чѣмъ въ 1723 г., а число городскихъ жителей вчетверо больше. Ясно, что искусственный строй требовалъ и особыхъ строгихъ мѣръ для его поддержанія. Петръ Великій, чувствуя глухое недовольство и противодѣйствіе, организовалъ грозное для того времени учрежденіе—Преображенскій Приказъ", или тайную полицію со всѣми аксессуарами, характеризующими это учрежденіе. Ничто не обрисуетъ намъ съ такой поразительной ясностью духа того времени, какъ уставъ этого учрежденія, этотъ замѣчательный документъ, найденный въ дѣлахъ тайной канцеляріи, 1735—1754 г. [1]) Уставъ этотъ существовалъ впродолженіе всего XVIII вѣка вплоть до 27 сентября 1801 г.,

---

[1]) См. М. И. Семевскій. Слово и дѣло. Изд. 3 стр. 7.

когда гуманный и воспитанный въ идеяхъ новаго вѣка Александръ I уничтожилъ его. Мы немного ошибемся, если скажемъ, что исторія крѣпостного права въ XVIII вѣкѣ записана цѣликомъ въ этомъ „приказѣ", и что исторія этого учрежденія въ XVIII в. есть исторія крѣпостного права за то же время.

Уставъ этотъ изложенъ въ документѣ, въ заголовкѣ котораго стоятъ слѣдующія слова: *обрядъ како обвиненный пытается* [1]). „Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ сдѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, (который) огороженъ полисадникомъ и покрытъ для того, что при пыткахъ бываютъ судьи и секретарь и для записыванія пыточныхъ рѣчей подъячій; и въ силу указа 742 года, велѣно, записавъ пыточныя рѣчи, крѣпить судьямъ, не выходя изъ застѣнка.

Въ застѣнкѣ же для пытки сдѣлана дыба, состоящая изъ трехъ столбовъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій (лежитъ) сверху, поперекъ.

По приходѣ судей въ застѣнокъ и послѣ обсужденія въ чемъ подлежащаго къ пыткѣ допрашивать должно, приводится тотъ, котораго пытать надлежитъ, и отъ караульнаго отдается палачу, который длинную веревку перекинетъ черезъ поперечный столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ и, положа ихъ въ хомутъ, черезъ приставленныхъ людей встягивается, дабы пытаемый на землѣ не стоялъ... Потомъ свяжетъ ремнемъ ноги и привяжетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу и, растянувши такимъ обра-

---

[1]) Мы нѣсколько исправили орѳографію.

зомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ, и все записывается, что таковой сказывать станетъ". Если же обвиняемый запирается, несмотря на улики, то, „для изысканія истины употребляются желѣзные тиски съ винтами, въ которые кладутся два большихъ пальца руки и два большихъ пальца ноги, которые свинчиваются палачемъ до тѣхъ поръ, пока обвиняемый не повинится или „не можно будетъ больше жать перстовъ и винтъ не будетъ дѣйствовать".

Совѣтуется также простричь „на головѣ волосы до тѣла"и на то мѣсто капать холодной водой, отъ чего пытаемый „въ изумленіе приходитъ". Кромѣ того, въ случаѣ запирательства, привязываютъ къ ногамъ висящаго на дыбѣ бревно и „на оное палачъ становится затѣмъ, чтобы на вискѣ потянуть его, дабы болѣе истязанія чувствовалъ; а также снимаютъ пытаемаго съ дыбы, вправляютъ руки и потомъ опять поднимаютъ на дыбу, такъ какъ „чрезъ то боли бываетъ больше".

Пытка продолжается до тѣхъ поръ, „пока (обвиняемый) съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ". Какъ самое сильное средство, рекомендуется водить зажженнымъ вѣникомъ по спинѣ. Въ случаѣ осужденія на каторгу, палачемъ „вырываются ноздри сдѣланными нарочно клещами", и сверхъ того особыми штемпелями „на лбу и на щекахъ кладутъ знаки (:воръ:); въ тѣхъ же штемпеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, и ими палачъ бьетъ въ лобъ и щеки и натираетъ порохомъ, и отъ того слова видны бываютъ".

Обрядъ вырыванія ноздрей и наложенія клейма сохранился и послѣ 1801 г., онъ существовалъ еще 62 года,

пока не былъ отмѣненъ Высочайшимъ указомъ императора Александра II въ 1863 г.

За всякое неосторожное слово, за всякое громко высказанное мнѣніе „тайная канцелярія“ призывала виновнаго къ отвѣту и сохранила для насъ чуть не дословно отрывки разговоровъ, толковъ и пересудовъ „стоустой молвы“. За достовѣрность этихъ разговоровъ можетъ поручиться сама „тайная канцелярія“, которая не щадила средствъ, чтобы доискаться истины и установить подлинность факта. Прислушаемся же къ этимъ разговорамъ. Крестьяне говорили: „какъ Богъ его (Петра) намъ на царство наслалъ, такъ мы и свѣтлыхъ дней не видѣли, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы — отдыха нашей братіи, крестьянству нѣтъ“. А вонъ крестьянскія жены говорятъ между собой: „мужей нашихъ въ солдаты побралъ, всѣхъ крестьянъ съ домами разорилъ, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ вѣкъ плакать“. Пойдемъ дальше и послушаемъ, что говоритъ представитель привилегированнаго сословія, сынъ боярскій, и что онъ думаетъ о положеніи низшаго класса: „всю нашу братію на службу выволокъ, а людей нашихъ и крестьянъ въ даточные побралъ... Какъ бы убили (его), такъ бы служба миновалась и черни стало легче.“

Интересно также отношеніе различныхъ классовъ русскаго общества къ смерти Петра Великаго. Въ служиломъ классѣ, въ преданномъ Петру войскѣ, въ людяхъ, выдвинутыхъ имъ, эта смерть вызвала чувство глубокаго горя: такъ Ѳеофанъ Прокоповичъ пишетъ: не было ни единаго, кто видъ печали на себѣ не имѣлъ бы:

иные тихо слезили, иные стенаніемъ рыдали, иные молча и опустясь, аки бы въ изумленіи бродили... Всѣ люди безъ исключенія предавались неописанному плачу и рыданіямъ.

Солдаты же, бывшіе крѣпостные, а теперь свободные люди, сложили пѣсню:

Ахъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому!
И ты встань, пробудись, государь,
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилѣли.

Вельможи и временщики, хотя и показывали угнетенный и грустный видъ, но въ глубинѣ души они были рады смерти того, чья дубинка была такъ грозна. Самые приближенные люди къ Петру были запятнаны взяточничествомъ, и Петръ, борясь всю свою жизнь съ этимъ зломъ, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Эти люди могли вздохнуть теперь свободнѣе. Народъ понялъ ихъ отношеніе и между прочимъ осмѣялъ ихъ въ своей знаменитой сатирѣ „о томъ, какъ мыши кота погребаютъ“. Это—картина, на которой нарисована процессія мышей, хоронящихъ кота. Оригиналъ этой картины можно видѣть въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Профессоръ И. М. Снегиревъ такимъ образомъ объясняетъ смыслъ картинки: „котъ поступаетъ съ пойманной мышкой подобно опытному кату—палачу, который сперва вымучиваетъ у жертвы своей медленными пытками признаніе въ содѣянныхъ и даже несо-

дѣянныхъ преступленіяхъ, потомъ такъ исторгаетъ жизнь, чтобы чувствовала, какъ умираетъ... Мыши, это подданные, утѣсняемые котомъ, своимъ владыкою [1]). Д. А. Ровинскій говоритъ, что картинка „Мыши кота погребаютъ“—чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное, вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты изъ русскаго обихода“.

На этой картинкѣ нарисованы двѣ летучія мыши, которыя поддерживаютъ ленту съ надписью: „Небылица въ лицахъ найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обверчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніей отдавали. Былъ престарѣлый котъ казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій, а усъ сусастерской; жилъ славно, ѣлъ, пилъ, лапти носилъ, сапоги, сладко ѣлъ и слабко...лъ. Умре въ сѣрый мѣсяцъ въ шесто-пятое число, въ жидовскій шабашъ“. А вотъ и описаніе похороннаго шествія, состоящее изъ 65 нумеровъ. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) Знатныя подпольныя мыши, криношныя (отъ слова кринка) блудницы, напослѣдокъ коту послужили, на чухонскія дровни, связавъ лапы, положили, хотятъ печаль свою утолить, а кота тянутъ лямками въ......ной ямѣ утопить.

4) Искусная мышка изъ нѣмецкой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота проклинаетъ.

---

[1]) Снегиревъ, Лубочныя картинки. М. 1861 г. стр. 125.

11) Мышь съ Рязани сива, въ сарафанѣ синемъ горько плачетъ и сама въ присядку пляшетъ.

21) Мышь охтенская переведенка несетъ раненнаго котомъ своего ребенка.

23) Другая позади идетъ, рыжа, сама говоритъ: я де ночью все вижу [1]).

Чѣмъ объяснить этотъ грубый и, если можно такъ выразиться, безжалостный юморъ? Чѣмъ объяснить и другія болѣе страстныя, болѣе дикія рѣчи, которыя, сопоставленныя съ писаніемъ Ѳеофана Прокоповича, звучатъ какимъ то рѣзкимъ диссонансомъ? Въ Москвѣ, въ одной изъ келій Богоявленскаго монастыря (за ветошнымъ рядомъ) одинъ монахъ „своеручно" писалъ: [2]) „злочестивый, уподобившійся самому антихристу, мерзости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божеску и святительскую власть, бывый соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель Всероссійскаго царства, попущеніемъ Божіимъ Петръ, бывый великій, нынѣ всескверный Императоръ, со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ". „И да будетъ тако, да будетъ тако, да будетъ тако", повторялъ этотъ непримиримый, если не сказать, безумный фанатикъ, намѣревавшійся написанные листки „разбросать въ народъ".

Все это указываетъ намъ на то, что въ народной жизни произошла какая то ломка, что то рѣзко, слиш-

---

1) Д. А. Ровинскій, Русскія народныя картинки СПБ. 1881. См. т. I, стр. 391; т. IV, стр. 256; т. V, стр. 156.

2) М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Изд. II стр. 235.

комъ рѣзко и внезапно нарушило экономическій, соціальный и правовой укладъ ея, что то слишкомъ сильно поразило міросозерцаніе народа, съ чѣмъ то онъ не могъ сродниться.

Глава XVIII.

Оглавленіе. — Перемѣны въ положеніи крестьянъ послѣ Петра I.—Мѣропріятія Павла.

При Петрѣ Великомъ вотчинное и помѣстное владѣніе почти потеряли свои отличительныя свойства, потому что земля, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ сдѣлалась сословною собственностью дворянъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны разница между помѣстными и вотчинными землями совершенно исчезаетъ, и дворянство, какъ сословіе, все болѣе и болѣе обособляется. Такъ, указомъ 1730 г. запрещалось пріобрѣтать недвижимыя имѣнія дворовымъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ; а указъ 1746 года запрещаетъ пріобрѣтать населенныя земли, а также крестьянъ безъ земли купечеству, монастырскимъ слугамъ, казакамъ и нѣкоторымъ разночинцамъ. Въ 1754 г. запрещается всѣмъ лицамъ недворянскаго сословія владѣть населенными имѣніями. А въ 1758 г. цѣлая категорія лицъ, не имѣющихъ оберъ-офицерскаго чина и дворянскихъ правъ, обязывалась продать въ самое непродолжительное время свои имѣнія.

Наряду съ этими мѣропріятіями въ пользу владѣль-

ческаго класса было издано нѣсколько указовъ, ограничивающихъ нѣкоторыя права крестьянъ. Такъ, запрещено было крестьянамъ самовольно отправляться на промыслы (1726), вступать въ откупа и подряды (1741), обязываться векселями (1761) и вступать въ поручительства.

Тягостное положеніе крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ заставляло ихъ обращаться въ бѣгство или переходить на военную службу.

Правительство Елизаветы Петровны было вынуждено запретить крестьянамъ поступать въ солдаты безъ разрѣшенія ихъ господъ. Нарушавшіе это запрещеніе жестоко наказывались и ссылались въ рудники (указъ 2 іюня 1742 г.).

Въ 1747 г. разрѣшалось помѣщикамъ продавать своихъ крестьянъ и дворовыхъ для отдачи въ рекруты. Этимъ дозволеніемъ воспользовались мелкіе помѣщики, которые сдѣлали изъ этой продажи настоящій промыселъ.

Въ 1760 г. помѣщики получили право ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь.

Между тѣмъ царь Петръ III издалъ манифестъ, освобождавшій дворянство отъ обязательства служить государству. Но въ манифестѣ ни слова не говорилось о правѣ дворянъ на владѣніе крѣпостными людьми; очевидно, Петръ III ничего не хотѣлъ мѣнять въ отношеніяхъ между господами и крѣпостными; такимъ образомъ крѣпостной дѣлался полнымъ холопомъ своего господина, т. е. переходилъ въ исключительную и безгласную собственность помѣщика. Съ этихъ поръ разница между русскимъ крѣпостнымъ и римскимъ рабомъ дѣлалась

незначительной. Римскій рабовладѣлецъ могъ казнить раба по собственному усмотрѣнію, русскій помѣщикъ былъ лишенъ этой привилегіи по закону, но развѣ не было злоупотребленій въ этомъ отношеніи? И развѣ помѣщикъ тысячами косвенныхъ способовъ не могъ добиться осуществленія своихъ желаній при безгласности несчастной крѣпостной массы?

Логическимъ слѣдствіемъ новой мѣры Петра III должно было быть освобожденіе крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, истолковывали указъ Петра III крѣпостные, которые никогда не считали своихъ помѣщиковъ постоянными владѣльцами.

Дѣйствительно, крестьяне служили дворянамъ, чтобы дать возможность этимъ послѣднимъ служить царю; съ прекращеніемъ же этой службы для помѣщиковъ прекращались сами собой и обязательства крестьянъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ.

Пошли слухи о близкомъ освобожденіи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сказался духъ неповиновенія, произошло нѣсколько бунтовъ (въ тверскомъ и клинскомъ уѣздахъ). Петръ III опровергалъ ложные слухи (19 Іюня 1762), но ничего не помогало. Волненія продолжались и послѣ вступленія на престолъ Екатерины: уѣзды бѣлевскій, каширскій, тульскій, епифанскій, вяземскій и волоколамскій были охвачены духомъ неповиновенія. Созывъ коммиссіи послужилъ къ распространенію новыхъ ложныхъ слуховъ и подлилъ масла въ огонь. Къ тому-же сельское населеніе вообразило, что царь Петръ III палъ жертвой эгоистическихъ притязаній сторонниковъ крѣпостниче-

ства. Слухъ этотъ нашелъ подтвержденіе. Простой Донской казакъ, Пугачевъ, воспользовавшись народнымъ легковѣріемъ, назвался Петромъ III, пострадавшимъ за дѣло освобожденія. Онъ привлекъ къ себѣ народъ, объявивъ, что хочетъ вернуть себѣ престолъ, чтобы быть государемъ крестьянъ.

Вспыхнулъ ужасный бунтъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ „Пугачевскаго", во время котораго погибло болѣе 1500 дворянъ обоего пола и нѣсколько тысячъ крестьянъ.

Въ царствованіе Екатерины II положеніе крѣпостныхъ ухудшилось. Всецѣло опираясь на дворянъ, эта императрица предоставила имъ судьбу крестьянъ.

Положеніе ихъ ухудшалось еще тѣмъ, что еще не было издано закона, карающаго помѣщика за убійство крестьянина. Такъ, дѣло о Салтычихѣ, которая убила 75 человѣкъ, и про которую въ народѣ упорно ходили слухи, что она ѣстъ мясо молодыхъ дѣвушекъ, 21 разъ возбуждалось въ низшихъ инстанціяхъ и всегда ей удавалось выйти сухой изъ воды, и только простая случайность довела это дѣло до свѣдѣнія императрицы, которая и наказала виновную. Большая часть такого рода дѣлъ предавалась волѣ Божьей, но иногда виновный помѣщикъ присуждался къ заключенію въ монастырь, лишенію всѣхъ правъ и даже ссылкѣ въ каторжныя работы. Помѣщики продолжали продавать своихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, правительство уполномочило помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ на каторжную работу или въ Сибирь за дерзости (указы 17 января 1765 г. и

27 января 1766 г.) [1]). Отъ помѣщиковъ не требовалось никакого доказательства дурного поведенія этихъ несчастныхъ. А какую защиту могли найти крѣпостные, когда указы отъ 22 августа 1767 года и отъ 30 марта 1781 года грозили крѣпостнымъ, вздумавшимъ жаловаться на своихъ господъ, наказаніемъ кнутомъ и каторжными работами. Наконецъ, на основаніи указа отъ 7 октября 1792 г., крѣпостные сдѣлались частью имущества владѣльца, оборотнымъ капиталомъ помѣстья; ихъ можно было покупать, продавать, отдавать, оптомъ и въ розницу, цѣлой семьей или порознь. (Цѣна крѣпостного была отъ 70 до 200 р.)

Екатерина II не ограничилась этими мѣрами. Она раздарила около 800,000 крестьянъ, въ томъ числѣ болѣе 150,000 казенныхъ; въ 1783 г. она ввела крѣпостное право въ Малороссіи, которая присоединилась къ Россіи только въ концѣ XVII вѣка.

Въ царствованіе Екатерины, славномъ во многихъ отношеніяхъ, крѣпостное право достигло своего апогея.

При восшествіи на престолъ Павла I (1796) повсюду разнесся слухъ, „что крѣпостного права не будетъ, что все будетъ государщина, и что новый царь хочетъ дать свободу, только помѣщики несогласны“. Въ концѣ 1796 г. и началѣ 1797 г. одновременно были волненія въ 12 губерніяхъ, главнымъ образомъ въ центральныхъ и сѣ-

---

[1]) Въ указѣ сказано: адмиралтейской коллегіи принимать отъ помѣщиковъ ихъ крѣпостныхъ людей за дерзости въ каторжную работу на толикое время, на сколько помѣщики ихъ захотятъ, и содержать и довольствовать пищею и одеждою наравнѣ съ каторжными.

верныхъ. Правительству надо было употребить много усилій, чтобы успокоить населеніе и вновь водворить порядокъ.

Съ воцареніемъ императора Павла въ законодательствѣ о крестьянахъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Онъ запретилъ помѣщикамъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ и болѣе 3-хъ дней въ недѣлю (указъ 1797 г.). Кромѣ того онъ постановилъ, что въ Малороссіи крестьяне не должны продаваться безъ земли. Но количество крѣпостныхъ въ его царствованіе увеличилось; такъ, имъ было роздано болѣе полумилліона душъ дворцовыхъ крестьянъ обоего пола. „Такимъ образомъ, говоритъ Семевскій", [1]) императоръ Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренной раздачѣ населенныхъ имѣній, такъ какъ она, хотя и раздала крестьянъ на 200000 душъ болѣе, чѣмъ императоръ Павелъ, но, во первыхъ, сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ, а, во вторыхъ, въ числѣ пожалованныхъ его имѣній было немало канфискованныхъ въ Губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, причемъ крестьянамъ приходилось только смѣнить одного владѣльца на другого, между тѣмъ ея преемникъ закрѣпостилъ-дворцовыхъ крестьянъ, положеніе которыхъ въ это время было одинаково съ казенными". Кромѣ того—были закрѣпощены крестьяне въ Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической губерніяхъ, а также на Дону.

Павелъ I хотѣлъ улучшить бытъ крѣпостныхъ, но

---

[1]) Крестьянскій вопросъ Т. I. Стр. XIV.

его правительство было не совсѣмъ освѣдомлено о положеніи крѣпостного люда. Въ этомъ, конечно, должно винить низкій уровень общества и литературы того времени. Предыдущая эпоха, начиная съ Анны Іоанновны, слишкомъ мало, если не сказать болѣе, давала высказываться литераторамъ. Да и неудивительно! То была эпоха самаго успѣшнаго развитія крѣпостническаго духа. Ломоносовъ совсѣмъ не касается той болѣзни, отъ которой изнемогаетъ его родина. Это насъ должно тѣмъ болѣе поражать, что самъ Ломоносовъ происходилъ изъ крестьянскаго сословія. Первые годы царствованія Екатерины были болѣе благопріятны для развитія нашей общественности; сатирическіе журналы Новикова пытаются бичевать крѣпостные нравы, сама императрица показываетъ примѣръ для всѣхъ. Но о серьезной постановкѣ крестьянскаго вопроса и тщательномъ изученіи народнаго быта не могло быть и рѣчи, о чемъ книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ служитъ намъ примѣромъ. Написалъ Радищевъ свое „Путешествіе“ въ медовый мѣсяцъ царствованія Екатерины, причемъ выставилъ нѣкоторыя темныя стороны жизни того времени и изобразилъ всю неприглядность крѣпостного быта. Современный читатель не найдетъ въ этой книгѣ ничего предосудительнаго, такъ какъ написана она самымъ лояльнымъ языкомъ. Но въ то время, съ перемѣной вѣяній въ государствѣ, автору пришлось сильно пострадать за желаніе представить бытъ народа такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Старанія Вольноэкономическаго Общества также не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Извѣстно, что въ 1766 году Екатерина предложила Вольноэкономическому Обществу конкурсную тему: „что полезнѣе для общества, чтобы крестьянинъ имѣлъ землю или только движимое имущество и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны". Въ 1768 г. было получено 157 иностранныхъ сочиненій и 7 русскихъ, изъ которыхъ было удостоено преміей два, между тѣмъ ни одно изъ нихъ не предлагало радикальныхъ мѣръ для искорененія вѣкового зла, а только вносило самыя незначительныя поправки. Когда въ одномъ изъ засѣданій Екатерининской коммиссіи (1768) депутатъ отъ козловскаго дворянства Коробьинъ внесъ предложеніе — „ограничить права помѣщика на крестьянское имущество извѣстными предѣлами", то это вызвало яростные нападки со стороны противниковъ какого бы то ни было улучшенія въ бытѣ крѣпостныхъ. Все это указываетъ на специфическій духъ того времени. Такимъ образомъ неудивительно то, что Павелъ I долженъ былъ руководствоваться самыми неточными свѣдѣніями, и что всѣ его законы оказались не совсѣмъ удачными. Такъ, онъ предполагалъ, что крѣпостнымъ лучше живется, чѣмъ государственнымъ крестьянамъ, и потому роздалъ 600,000 душъ въ частныя руки. Въ Малороссіи была повсюду двухдневная барщина, послѣ же введенія закона Павла и тамъ барщина стала трехдневная. Самое ограниченіе повинностей должно было остаться мертвой буквой, такъ какъ произволъ помѣщиковъ не былъ ограниченъ никакими положительными законами, личность же крестьянина по прежнему оставалась безгласной. Въ данномъ

случаѣ законъ, по удачному опредѣленію Радищева, скорѣе походилъ на увѣщаніе. Но во всякомъ случаѣ указы Павла I имѣютъ большое значеніе, такъ какъ съ нихъ начинается поворотъ въ законодательствѣ о крестьянахъ.

XIX.

Оглавленіе.— Александръ I и его мѣропріятія.

Александъ I вступилъ на престолъ съ самыми гуманными намѣреніями. Они проявились прежде всего въ рѣшеніи не раздавать болѣе населенныхъ имѣній; затѣмъ, въ дозволеніи помѣщикамъ (1803) освобождать своихъ крестьянъ, предоставляя имъ наслѣдственное пользованіе той частью земли, которую они обработывали, за извѣстную сумму или за опредѣленныя повинности; отдѣльныя лица, пріобрѣтавшія такимъ образомъ свободу, сохраняя при этомъ землю, составили въ Россіи новый классъ—свободныхъ хлѣбопашцевъ. Къ сожалѣнію этимъ закономъ могли воспользоваться только 47153 души мужск. пола, причемъ сама казна помогла выкупиться 14607 человѣкамъ. Однако въ то же время освобожденіе по завѣщанію было запрещено (указъ отъ 20 февраля 1803). Было возобновлено запрещеніе продавать крѣпостныхъ съ публичнаго торга, запрещено отдавать крѣпостныхъ въ каторжную работу (1809) и вновь закрѣпощать всякаго, кто былъ уже освобожденъ, хотя бы и неправильно. Кромѣ того указъ 1819 г. предоставлялъ всѣмъ кре-

стьянамъ Имперіи право, принадлежавшее до тѣхъ поръ только дворянству и купцамъ первыхъ двухъ классовъ, основывать фабрики и заводы.

Эти мѣры указывали какъ на намѣреніе улучшить судьбу сельскаго класса, такъ и на освободительныя стремленія государя. По этому поводу разсказываютъ, что однажды Александръ I въ частномъ разговорѣ объ освобожденіи крестьянъ воодушевился, схватилъ образокъ и поклялся на немъ уничтожить крѣпостное право. Въ другой разъ онъ сказалъ генералу Милорадовичу, бывшему губернаторомъ въ Петербургѣ, показывая ему печать, на которой были изображены пчелы, летающія вокругъ улья: „смотрите, это было девизомъ моей бабушки, служитъ девизомъ и мнѣ. Я уже собралъ нѣсколько сочиненій относительно крѣпостного состоянія; я выберу все лучшее и въ концѣ концовъ сдѣлаю что нибудь“ [1]).

Къ сожалѣнію, съ первыхъ же шаговъ своихъ императоръ Александръ I встрѣтилъ глухое сопротивленіе. Такъ, 6 мая 1801 г. генералъ-прокуроръ Беклешовъ внесъ *по повелѣнію* государя предложеніе относительно запрещенія публичнаго торга людьми. Не смотря на то, что Александръ I лично присутствовалъ въ слѣдующемъ засѣданіи, предложеніе это не прошло, такъ какъ государственный совѣтъ нашелъ эту мѣру „опасной“ [2]). Запрещено было только *публиковать* о продажѣ въ

---

1) De Cardonne. L'Empereur Alexandre II, стр. 357.

2) См. ст. Крестьяне. П. Милюкова. Энциклопедич. словарь Брокгауза.

газетахъ, но и это запрещеніе не выполнялось, такъ какъ подъ видомъ отдачи въ услуженіе — на самомъ дѣлѣ печатались публикаціи о продажѣ.

Съ помощью барона Штакельберга и принца Ольденбургскаго, при поддержкѣ дворянства Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи, желавшаго въ своихъ собственныхъ интересахъ опередить требованія вѣка, Александръ I освободилъ постепенно крѣпостныхъ Прибалтійскаго края. Эта реформа была совершена въ видѣ пробы въ странѣ, куда европейская цивилизація проникла много раньше, чѣмъ въ остальную Россію.

Указъ объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи былъ изданъ въ 1816 году, въ Курляндіи въ 1817 году и въ Лифляндіи въ 1819 году. Если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ различій, главное основаніе реформы всюду было одно и то же: узы личной крѣпостной зависимости были разбиты, дворянство сохранило право на всю землю. Правда, крѣпостной получалъ свободу, но онъ не получалъ земельнаго надѣла, который позволилъ бы ему жить. Лишенный средствъ къ существованію, освобожденный принужденъ былъ поступать на службу къ помѣщику въ качествѣ арендатора или поденщика. Свобода, возвращенная крестьянину, была полна страданій, она создала пролетаріатъ; реформа была неполная.

Какъ бы то ни было, уничтоженіе крѣпостного права въ Прибалтійскихъ губерніяхъ было хорошимъ предзнаменованіемъ. Императоръ задумалъ тогда постепенно распространять реформу въ другихъ частяхъ своей имперіи; такъ, онъ подчинилъ власти Прибалтійскаго губернатора

Псковскую губернію. Но высокопоставленный чиновникъ, уполномоченный вести реформу, маркизъ Паулуччи, отклонилъ императора отъ его проектовъ всеобщаго освобожденія. „Онъ, кажется, убѣдилъ императора, что псковское дворянство, приведенное въ отчаяніе предстоящимъ освобожденіемъ крестьянъ, составило заговоръ противъ его жизни и предлагало его отравить“ [1]).

Александъ I былъ полонъ великодушныхъ стремленій, которыя онъ не сумѣлъ осуществить: широко задуманная реформа свелась къ частичнымъ улучшеніямъ. Онъ только поднялъ вопросъ объ освобожденіи, но ему не хватало настойчивости, какой требуетъ общая реформа; къ тому же онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ плановъ внѣшними заботами: гигантская борьба, начатая противъ Наполеона, поглотила всѣ средства Россіи. Кромѣ того, какъ въ характерѣ Александра I, такъ и во всѣхъ его мѣропріятіяхъ, сказалась двойственность, свойственная переходному времени, когда теорія совершенно не сходится съ практикой или противорѣчитъ ей. Такъ, напримѣръ, будучи въ Парижѣ, Александръ I, подъ вліяніемъ знаменитой madame Сталь, далъ слово освободить крестьянъ и ассигновалъ 200 золотыхъ Вольноэкономическому Обществу за лучшее сочиненіе на тему: „о сравнительной выгодѣ крѣпостного и вольнонаемнаго труда“. Въ 1819 г., по поводу намѣренія динабургскаго дворянства освободить крестьянъ безъ земли, государь писалъ бѣлорусскому военному губернатору: „я непоколебимымъ правиломъ себѣ поставилъ подобныя побужденія не мо-

[1]) В. И. Семевскій—т. I. 482.

имъ вліяніемъ производить, но всегда оставлять собственному стремленію человѣколюбивыхъ чувствъ дворянскихъ сословій". Очевидно даже безземельную реформу онъ считалъ благодѣтельной для населенія. Но съ перемѣной вѣяній въ государствѣ въ 1816 г. царь отнесся въ высшей степени неодобрительно, когда 65 помѣщиковъ Петербургской губерніи хотѣли обратить своихъ крѣпостныхъ въ обязанныхъ поселянъ, или когда нѣсколько дворянъ хотѣли устроить общество, имѣющее цѣлью постепенно освободить своихъ крестьянъ. Гласное обсужденіе въ печати крестьянскаго вопроса было совершенно запрещено. Знаменитая комедія „Горе отъ ума" не была тогда напечатана. Замѣчательное стихотвореніе Пушкина „Деревня", написанное въ 1819 г., могло появиться въ печати цѣликомъ только въ 1870 г., несмотря на то, что оно понравилось государю. Александръ I велѣлъ благодарить поэта за хорошія чувства, внушаемыя его стихотвореніемъ, но не счелъ возможнымъ допустить его къ печати, а между тѣмъ оно болѣе всего соотвѣтствовало его идеямъ. Вотъ отрывокъ изъ этого прекраснаго стихотворенія:

Но мысль ужасная здѣсь (въ деревнѣ) душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,

Ibid. 484.

Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!

. . . .

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?!

Крестьяне не переставали ожидать лучшихъ временъ; каждый смутный слухъ, каждая перемѣна вызывали волненія. Много было волненій въ царствованіе Павла, не мало ихъ было и въ царствованіе Александра I. Такъ, напримѣръ, въ 1812 г. крестьяне горячо надѣялись, что за ихъ ревность въ борьбѣ съ непріятелемъ имъ дадутъ свободу. Въ Пензенской губерніи произошелъ бунтъ ратниковъ ополченія, которые хотѣли, перебивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться на поле сраженія, разбить непріятеля и получить за свои заслуги свободу. Все это

было очень наивно, но при другихъ обстоятельствахъ подобное движеніе могло бы привести къ гибельнымъ результатамъ. Были волненія и въ 1818 — 20 гг. когда вновь распространился слухъ объ освобожденіи.

Эпоха Александра I затронула много важныхъ вопросовъ, между прочимъ и крестьянскій, но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ нихъ не былъ разрѣшенъ удовлетворительно. Эта эпоха не выяснила даже сущности крестьянскаго вопроса и передала новому времени свое недоношенное дѣтище. Понятно, что такой плачевный результатъ повидимому блестящей эпохи не могъ удовлетворить передовыхъ людей того времени, шире понимавшихъ нужды Россіи. Возникло недовольство, которое закончилось сильнымъ общественнымъ броженіемъ въ концѣ царствованія Александра I. Это броженіе не могло не оказать вліянія на современниковъ и на императора Николая и такъ или иначе не повліять на исходъ крестьянскаго дѣла.

XX.

Оглавленіе. — Николай I.—Графъ Киселевъ —Какъ отражался крѣпостной бытъ въ литературѣ.

Школьные годы и духъ времени сдѣлали Николая I сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ. Одно лицо, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать панегиристомъ императора Николая I, говоритъ, что этотъ монархъ впродолженіе всей своей жизни не покидалъ мысли объ

освобожденіи крестьянъ. [1]) Но, освободить ли крестьянъ со всей обрабатываемой ими землей или только съ усадебной осѣдлостью, дать ли „чистую волю“ или же оставить крестьянъ во временно обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, всѣ эти вопросы требовали детальнаго изученія и знакомства съ народной жизнью. Этого знакомства съ народной жизнью нельзя было ожидать у Шторха, извѣстнаго иностраннаго ученаго и политико-эконома, преподавателя великаго князя Николая Павловича. Хотя Шторхъ и былъ, какъ просвѣщенный европеецъ, въ принципѣ противъ крѣпостного права, но у него не было никакого обработаннаго плана для осуществленія сложнаго дѣла—освобожденія крестьянъ. Какъ бы то ни было, велика его заслуга въ томъ, что онъ выяснилъ великому князю, какое пагубное вліяніе оказывала крѣпостная система на всѣ стороны народной жизни.

Освободительныя стремленія Александра I, настроеніе передового общества, желавшаго освобожденія крестьянъ, имѣли въ свою очередь вліяніе на императора Николая Павловича: кромѣ того крестьянскія волненія, происшедшія во многихъ губерніяхъ въ самомъ началѣ его царствованія, не могли не оказать на него извѣстнаго дѣйствія. Если принять во вниманіе все сказанное, то покажется неудивительнымъ, что онъ пришелъ къ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ.

Но тутъ произошло прискорбное историческое недоразумѣніе. Николай I, подъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ

---

[1]) De Cardonne. L'Empereur Alexandre II. Стр. 359.

декабрьскихъ событій, началъ относиться крайне недовѣрчиво ко всѣмъ общественнымъ дѣятелямъ; это недовѣріе онъ перенесъ на литературу и ея представителей и такимъ образомъ добровольно лишилъ себя самыхъ горячихъ, самыхъ искреннихъ и неподкупныхъ союзниковъ. Онъ порвалъ связи со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными дѣятелями Александровской эпохи. Единственное лицо, къ которому онъ не переставалъ питать довѣрія, и который лучше другихъ былъ освѣдомленъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, былъ графъ Киселевъ. Пользуясь близостью къ императору Александру I, графъ Киселевъ еще въ 1816 г. подалъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ, который былъ имъ развитъ въ слѣдующее царствованіе. Будучи начальникомъ штаба 2-й арміи, онъ былъ близко знакомъ съ Пестелемъ; вліяніе послѣдняго на Киселева было несомнѣнно. По свидѣтельству Басаргина, Киселевъ нерѣдко участвовалъ въ бесѣдахъ декабристовъ „и, хотя былъ душою преданъ государю, но говорилъ всегда дѣльно, откровенно, соглашался съ тѣмъ, что многое надо измѣнить въ Россіи, и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля“ [1]).

Николай, какъ и Александръ I, встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ глухое сопротивленіе. Такъ, съ цѣлью ограничить число дворовыхъ, онъ предложилъ обязать помѣщика взносить за каждаго двороваго тройную подать. Комитетъ послѣ обсужденій пришелъ къ заключенію, что необходимо ввести двойную подать, а Константинъ Павловичъ—убѣдилъ оставить все по прежнему.

---

[1]) В. И. Семевскій. Кр. вопросъ въ царств. Ник. I, стр. 19.

Въ 1834 г. графъ Киселевъ занимался устройствомъ быта земледѣльческаго населенія въ Молдавіи и Валахіи. Возвратившись оттуда, онъ получилъ высочайшую аудіенцію, во время которой государь сказалъ Киселеву, что онъ заинтересованъ освобожденіемъ дунайскихъ крестьянъ: „Мы займемся этимъ когда-нибудь, — продолжалъ императоръ Николай. — Я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, — сказалъ далѣе государь, указывая рукой на картоны, стоявшіе на полкахъ кабинета, — здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи“ [1]).

Въ другой разъ императоръ сказалъ Киселеву, что онъ признаетъ „преобразованіе крѣпостного права“ самымъ труднымъ и самымъ необходимымъ дѣломъ. „Я, — продолжалъ императоръ, — говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичъ) были совершенно противны; несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ семи членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ (извѣстный комитетъ 6 декабря 1826 г.) Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ, — продолжалъ императоръ, — я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ

---

[1]) В. И. Семевскій. Кр. вопросъ, стр. 20.

занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу“ [1]).

Киселевъ дѣятельно занялся подготовкой проекта освобожденія крестьянъ [2]). Проектъ былъ одобренъ государемъ и препровожденъ въ секретный комитетъ (1841). Къ сожалѣнію, комитетъ состоялъ изъ лицъ, нерасположенныхъ къ освобожденію крестьянъ, хотя бы и на тѣхъ сравнительно выгодныхъ для помѣщиковъ началахъ, которыя были выработаны Киселевымъ. Комитетъ старался даже склонить государя на свою сторону! Его попытки увѣнчались успѣхомъ. Въ засѣданіи общаго собранія государственнаго совѣта по дѣлу объ обязанныхъ крестьянахъ, Николай I произнесъ такую рѣчь (30 марта 1842

---

1) Ibid. стр. 21.

2) Въ немъ Киселевъ стремился лишь къ тому, чтобы помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставили крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленной пропорціей земли, пользовались за то соразмѣрными повинностями или оброкомъ, „положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому инвентаряхъ“. Онъ желалъ достигнуть этого путемъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, съ тѣмъ однако, чтобы *размѣры надѣловъ были не ниже указанныхъ въ его проектѣ, а повинности, возлагаемыя на крестьянъ, не выше имъ опредѣленныхъ*. Ibid. т. I, стр. XXIX.

года): „Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы [1]), что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и съ помощію Божіей успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться *навсегда*".

---

[1]) Въ 1826 г. распространился слухъ о предстоящемъ будто-бы освобожденіи. Волненіе охватило Владимірскую, Кіевскую, Курск., Костромск., Ярославск., Смоленск., Пермскую и др. губерніи. 12 мая былъ опубликованъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что всѣ слухи объ освобожденіи ложны. За неповиновеніе властямъ онъ угрожалъ строгимъ взысканіемъ. Въ томъ же году вышло распоряженіе всѣ подобныя дѣла „судить на мѣстѣ военнымъ судомъ".

Одной изъ причинъ часто повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ государь считалъ то, „что нѣкоторые помѣщики, хотя, благодаря Богу, самое меньшее ихъ число, забывая благородный долгъ, употребляютъ во зло свою власть, а къ пресѣченію сихъ злоупотребленій дворянскіе предводители... не находятъ средствъ въ законѣ, ничѣмъ почти не ограничивающемъ помѣщичьей власти. Но если настоящее положеніе, — сказалъ государь,—таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо, по крайности, пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякой перемѣной, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю". Будучи только развитіемъ существующаго уже закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, новый законъ „устраняетъ однако же вредное начало помянутаго закона— отчужденіе отъ помѣщиковъ поземельной собственности, которую напротивъ столько по всему желательно видѣть навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства, мысль, отъ коей я никогда не отступлю". Новый законъ „даетъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая сего по принужденію или стѣсненіемъ правъ собственности, предоставляетъ *все единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца*... Въ огражденіе интереса помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная

заботливость, а интересъ крестьянъ будетъ ограждаться разсмотрѣніемъ проектовъ условій не только мѣстными властями, но и высшимъ правительствомъ съ утвержденія власти самодержавной“ [1]). Такимъ образомъ новый законъ для улучшенія быта крестьянъ предполагалось ввести необязательнымъ для помѣщиковъ. При обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, императоръ, въ отвѣтъ на замѣчаніе князя Голицына, что цѣлесообразнѣе было бы не полагаться на добрую волю помѣщиковъ, а ограничить власть ихъ инвентарями, еще разъ подтвердилъ свое рѣшеніе слѣдующими словами: „Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры; это должно быть дѣломъ доброй ихъ воли, и только опытъ укажетъ, въ какой степени можно будетъ перейти отъ добровольнаго къ обязательному“. Законъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ подписанъ, но, конечно, онъ не могъ повліять на улучшеніе быта крестьянъ. Киселеву оставалось уступить—въ надеждѣ, что этотъ указъ послужитъ только первымъ шагомъ къ чему нибудь болѣе широкому и положительному. Его проектъ былъ признанъ несвоевременнымъ и остался безъ результатовъ. А между тѣмъ сколько надеждъ на него возлагалось!

„Такимъ образомъ, [2]) говоритъ Семевскій, императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи необходи-

---

[1]) Ibid. т. II, стр. 60.
[2]) ibid т. II. Стр. 534.

мости уничтоженія крѣпостного права и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность девяти „секретныхъ“, „келейныхъ“ и „особыхъ“ комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждавшія надежды: законъ объ обязанныхъ крестьянахъ и дозволеніе выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы“. По мнѣнію Семевскаго, одною изъ главныхъ причинъ „несостоятельности всѣхъ мѣропріятій, была крайняя боязнь гласности и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно. Съ какимъ горячимъ сочувствіемъ относились къ намѣреніямъ правительства по крестьянскому дѣлу даже люди, считавшіеся столь крайними, какъ Бѣлинскій! Понятно, какое могучее содѣйствіе могли бы оказать эти передовые дѣятели правительству, одни—прямымъ обсужденіемъ мѣръ настоятельно необходимыхъ, другіе—гуманизированіемъ общества посредствомъ своихъ беллетристическихъ и иныхъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ защитѣ интересовъ закрѣпощеннаго крестьянства. Но правительство

съ величайшею нетерпимостью отвергло содѣйствіе этихъ людей, а среди высшей администраціи Чернышевы, Орловы, Перовскіе тормозили иниціативу Киселева и сводили на нуль иногда благія начинанія, положенныя въ основу дѣятельности того или другого комитета“.

Имя Киселева связано съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ (1838) и съ улучшеніемъ быта казенныхъ крестьянъ. Составленное имъ новое положеніе о государственныхъ крестьянахъ утверждало номинальную независимость этихъ крестьянъ, безъ конца подвергавшихся тираніи и взяточничеству чиновниковъ. Государственный крестьянинъ подчинялся общимъ законамъ имперіи. Мѣстный судъ и администрація, глубоко преобразованные, основывались на избраніи и на рѣшеніяхъ міра или собраній однообщественниковъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась въ двухъ инстанціяхъ: общинный міръ и волостной міръ, состоящій изъ выборныхъ отъ общиннаго міра. Новое положеніе расширяло права общины, признавало міръ, древнюю русскую общину, какъ судебную и административную единицу; оно полагало основаніе порядку вещей, благопріятствующему мѣстной автономіи и соотвѣтствующему народнымъ традиціямъ. Эти плодотворныя сѣмена должны были развиться и принести плоды въ слѣдующее царствованіе.

Въ общемъ, въ царствованіе императора Николая I было сдѣлано очень мало для ограниченія крѣпостного права, а именно: власть помѣщиковъ была немного ограничена; повинности крестьянъ были урегулированы только въ западномъ краѣ; продавать крестьянъ было запре-

щено только поодиночкѣ, разлучая членовъ семьи; абсолютнаго запрещенія продажи крѣпостныхъ безъ земли не было; было дозволено крѣпостнымъ выкупаться при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, но это дозволеніе было черезъ 2 года отмѣнено, такъ что этимъ закономъ воспользовалось всего 964 душъ мужескаго пола. Былъ изданъ указъ (1842) объ обязанныхъ крестьянахъ, но добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками было совершено слишкомъ мало,—благами новаго закона могли воспользоваться всего 24708 душъ мужескаго пола. Бытъ дворовыхъ остался неустроеннымъ. Въ Остзейскомъ краѣ порядокъ, установленный на основаніи личнаго безземельнаго освобожденія, былъ лишь немного измѣненъ къ лучшему; въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ помѣщичій произволъ, царствовавшій до тѣхъ поръ въ назначеніи барщины и оброковъ, былъ ограниченъ особыми „правилами для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“. Большимъ шагомъ впередъ слѣдуетъ считать то, что правительство Николая I пришло къ мысли о *невозможности безземельнаго освобожденія крестьянъ*. Въ этомъ состоитъ его громадная заслуга.

Крѣпостной порядокъ такъ глубоко проникъ въ общественное сознаніе того времени, всякая попытка улучшить положеніе крѣпостныхъ встрѣчала столькихъ сильныхъ враговъ, что опасно было даже говорить объ этомъ вопросѣ. Понятно, какую жалкую роль должна была играть литература, которая могла только примѣняться къ нравамъ и вкусамъ своего времени. Цензура стара-

тельно вычеркивала все, что въ той или другой степени затрагивало крѣпостной порядокъ вещей; тѣмъ не менѣе общественная мысль работала и прорывалась съ тѣмъ или другимъ освѣщеніемъ въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ. И благодарное потомство съ замираніемъ сердца вспомнитъ имена тѣхъ людей, которые при тяжелыхъ условіяхъ не только честно думали, но и не боялись печатно выражать свои мысли... Тургеневы, Некрасовъ, Бѣлинскій, Григоровичъ, проф. Кавелинъ, Грановскій и т. д. и т. д. Сколько славныхъ именъ! А нужно знать этихъ

„людей,
Передъ которыми позднѣй
Слѣпой народъ восторгъ почуетъ,
Вздохнетъ—и совѣсть уврачуетъ,
Воздвигнувъ пышный мавзолей.
Такъ иногда, узнавъ случайно,
Кто спасъ его когда то тайно,
Бѣднякъ, взволнованный, бѣжитъ,
Приходитъ, смотритъ—вотъ жилище,
Но гдѣ-жъ хозяинъ? Все молчитъ!
Идетъ бѣдняга на кладбище
И на могильныя плиты
Бросаетъ поздніе цвѣты... [1]).

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какимъ образомъ выражался крѣпостной порядокъ въ литературѣ того времени, представители которой не могли не знать отношенія правительства къ крестьянскому вопросу.

---

[1]) Некрасовъ.

Пушкинъ очень горячо относился къ крестьянскому вопросу, особенно въ началѣ своей литературной дѣятельности. Онъ касается крѣпостного быта во многихъ своихъ произведеніяхъ. Такъ, въ „Исторіи села Горохина“ онъ описалъ дѣятельность прикащика, котораго господа уполномочили повысить платежную способность населенія; этотъ прикащикъ думалъ — „чѣмъ мужикъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе“, и считалъ смиреніе главною крестьянскою добродѣтелью. Принявъ „бразды правленія“, онъ „потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы... Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего „прикащикъ старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же, по его разсчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань, а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ.

Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока, наконецъ, выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія

сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду... Въ три года Горохино совершенно обнищало".

А вотъ какъ Пушкинъ рисуетъ въ повѣсти „Дубровскій" положеніе дворовыхъ дѣвушекъ; объ отношеніяхъ Троекурова къ крѣпостнымъ сказано: „Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимаясь рукодѣліями, свойственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянной рѣшеткой; двери запирались замками, отъ коихъ ключи хранились у Кирилла Петровича. Молодыя затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кириллъ Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно" [1]).

Многія мѣста изъ сочиненій Пушкина были въ то время выпущены цензурой и только позднѣе появились въ печати. Другъ Пушкина, князь Вяземскій, во время поѣздки своей въ Пензу, дѣлаетъ въ своей записной книжкѣ слѣдующія замѣтки: одна тамошняя дворянка засѣкла дѣвочку 8 лѣтъ; сынъ одного помѣщика сосланъ въ Сибирь „также за жестокосердіе;" въ пензенскомъ театрѣ артисты—крѣпостные директора Гладкова, который такъ высѣкъ одну актрису, свою любовницу, что „она долго не могла ни ходить, ни сидѣть, ни лежать",

---

1) IV—120, 121.

и который несчастную травлю на охотѣ „вымещаетъ на актерахъ и бьетъ ихъ не на животъ, а на смерть"... „Больнѣе всего, — продолжаетъ кн. Вяземскій, — что пьяный помѣщикъ имѣетъ право терзать своихъ подданныхъ за то, что они дурно играли или не понравились помѣщику. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабствѣ можно допустить право помѣщика взыскивать съ крѣпостныхъ своихъ подати деньгами или натурой и промышленностью, свойственныя ихъ назначенію и включенныя въ кругъ дѣйствія наказывать за неисполненіе таковыхъ законныхъ обязанностей, но обезпечить законною властью и сумасбродныя прихоти помѣщика, который хочетъ, чтобы его рабы плясали, пѣли и ломали комедь безъ дарованія, безъ охоты, есть уродство гражданское, и оно должно быть прекращаемо начальствомъ, предводителями, какъ злоупотребленіе власти. И послѣ такихъ примѣровъ находятся еще у насъ заступники крѣпостного состоянія".

Разумѣется, эти замѣтки въ свое время не были напечатаны. Замѣчательно, что и Пушкинъ и Вяземскій впослѣдствіи нѣсколько измѣнили свой взглядъ на крѣпостное право и стали относиться къ судьбѣ крестьянскаго вопроса гораздо пассивнѣе. Такъ, Пушкинъ въ 1836 г. въ своей статьѣ „Мысли на дорогѣ" выражалъ уже сомнѣніе въ томъ, необходимо ли приступить къ реформѣ, не теряя времени, и возлагалъ свои надежды на „распространеніе просвѣщенія и на общее улучшеніе нравовъ". Вяземскій оправдывалъ даже наказаніе роз-

гами и, хотя былъ противъ крѣпостного права, но отлагалъ разрѣшеніе его въ долгій ящикъ.

Такъ сильно засасывала крѣпостная обстановка лучшихъ людей того времени, притупляя мало-по-малу ихъ нравственное чутье.

Гоголь нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ не выражалъ антипатіи къ крѣпостному праву, онъ былъ въ высшей степени объективенъ; онъ рисовалъ картины изъ крѣпостного быта равнодушно, какъ бы мимоходомъ; впослѣдствіи же сдѣлался открытымъ защитникомъ крѣпостного режима, освященнаго, по его мнѣнію, самимъ Богомъ. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ такія мѣста, характеризующія взглядъ автора на мужика: Селифанъ, кучеръ Чичикова, высказываетъ свою готовность быть высѣченнымъ за пьянство: „Почему же не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать!—Въ характеристикѣ Манилова мы находимъ такую авторскую замѣтку: „Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукой затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать“.—„Ступай“,—говорилъ онъ, куря трубку, *и ему даже въ голову не приходило*, *что мужикъ шелъ пьянствовать*“. Между тѣмъ извѣстно, что оброчные крестьяне были самые работящіе изъ крѣпостного населенія. Учить народъ грамотѣ, по мнѣнію автора,—вздоръ; исключеніе можно сдѣлать только для тѣхъ, въ комъ „истинно ужъ зародится охота къ грамотѣ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта,

отъ всякой письменной бумаги: онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія нибудь другія книги, кромѣ священныхъ. Воля русскому народу, какъ думалъ Гоголь не нужна, она бы только развратила его; ему нуженъ помѣщикъ, который взялъ бы его подъ свою опеку и отвѣтилъ бы за него передъ Богомъ. „Я бы ихъ отпустилъ давно на волю", говорилъ помѣщикъ Хлобуевъ Чичикову, „но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить... Русскій человѣкъ... не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ!"

Вполнѣ опредѣлившійся взглядъ Гоголя на крѣпостное право, на божественное начало помѣщичьей власти и на ничтожество мужика всецѣло выразился въ его письмѣ, озаглавленномъ „Русскій помѣщикъ". Авторъ говоритъ такъ своему пріятелю: „Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собою. Не смущайся мыслями, будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезнули навѣки... Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что̀ такое ты, и что̀ такое они. Что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и

они также, родясь подъ властію, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога, и покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго... Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ... И все, что имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія... Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй пронять его хорошенько словомъ... Выкопай слово похуже,—словомъ, назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ". Авторъ между прочимъ рекомендуетъ для такихъ случаевъ подобныя выраженія: „Ахъ ты, невымытое рыло!.. собакой пропадешь"... Намъ понятно теперь то страстное негодованіе, съ какимъ Бѣлинскій, бывшій горячимъ поклонникомъ Гоголя, обрушился на него въ своемъ знаменитомъ письмѣ.

Писателей графа Соллогуба и Даля крѣпостники вполнѣ могли причислить къ своему лагерю. Эти лица чаще касались крѣпостного права, но за то какое освѣщеніе они придавали фактамъ! Несмотря на это, нѣкоторыя ихъ произведенія имѣли общественное значеніе. Относясь сочувственно къ беззаконію, они роняли свое собственное достоинство, между тѣмъ какъ факты, которымъ они пріискивали оправданіе, говорили сами за себя. Напрасно они думали, что мужикъ и помѣщикъ оба стремились безъ насильственныхъ толчковъ, правильно и постепенно къ цѣли усовершенствованія. Напротивъ, нравы

грубѣли, отношенія дѣлались все болѣе и болѣе безсердечными; параллельно съ этимъ классъ крестьянъ мало-по-малу терялъ землю и обращался въ батраковъ и фабричныхъ рабочихъ: батрачное хозяйство, по мнѣнію самыхъ закоренѣлыхъ и свѣдущихъ крѣпостниковъ-агрономовъ, давало гораздо бо̀льшій доходъ, чѣмъ барщинное или оброчное хозяйство; еще бо̀льшій доходъ давала фабрика. Ничѣмъ не сдерживаемые аппетиты помѣщиковъ требовали громадныхъ средствъ; съ другой стороны большія суммы шли на уплату процентовъ, такъ какъ болѣе половины помѣщичьихъ имѣній были заложены въ банкахъ. Россія быстрыми шагами приближалась къ страшной пропасти: образованію пролетаріата въ нѣдрахъ крѣпостного организма. Многочисленныя осложненія не заставили бы себя ждать: участились бы аграрныя волненія, поджоги, убійства; на все это помѣщики отвѣтили бы еще болѣе жестокимъ обращеніемъ; взаимная ненависть росла бы и могла закончиться ужасной кровавой драмой! Къ счастью не крѣпостники владѣли русской мыслью и литературой; въ концѣ крѣпостного періода появилась цѣлая плеяда „знаменитыхъ“ молодыхъ писателей, заслуга которыхъ неоцѣнима.

Однимъ изъ нихъ былъ Григоровичъ. Его Антонъ-Горемыка (напечатанный въ 1847 г.) воплощаетъ въ себѣ весь горемычный русскій народъ подъ игомъ крѣпостного безправія и произвола. Бѣлинскій такъ отзывается объ этомъ произведеніи: „Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія; читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣ-

щикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину — законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ [1]).

Съ 1847 г. Тургеневъ печатаетъ свои знаменитыя „Записки охотника", гдѣ онъ касается всѣхъ сторонъ крѣпостного быта. Въ его разсказахъ проходятъ одинъ за другимъ, какъ живые, типы оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, дворовыхъ, помѣщиковъ, представителей крѣпостной бюрократіи. Чтобы оцѣнить достоинство его разсказовъ, достаточно сказать, что крѣпостники встрѣтили съ сильнымъ негодованіемъ отдѣльное изданіе „Записокъ охотника" въ 1852 г. Самъ авторъ былъ отправленъ въ ссылку. Несмотря на то, что по цензурнымъ условіямъ авторъ долженъ былъ крайне осторожно касаться такихъ вопросовъ, какъ тяжесть повинностей, барское самодурство, всевозможныя злоупотребленія крѣпостной бюрократіи, безнаказанность помѣщиковъ, даже когда они безчинствовали на глазахъ у всѣхъ (что прекрасно описано въ очеркѣ „Постоялый дворъ") и т. д., вся же его книга производила самое сильное впечатлѣніе, и самъ Александръ II сказалъ Тургеневу, что съ „тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника", его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости". А между тѣмъ еще въ 1849 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ высказывался противъ права крестьянъ выкупаться на свободу.

Но истинными властителями думъ своего времени были Бѣлинскій и одинъ изъ его друзей.

---

[1]) В. И. Семевскій. II. стр. 284.

Бѣлинскій, еще будучи студентомъ, написалъ произведеніе, въ которомъ онъ съ юношескимъ пыломъ выразилъ свое негодованіе противъ крѣпостного права. Сочиненіе было признано цензоромъ, профессоромъ Цвѣтаевымъ, „безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ“, и Бѣлинскій долженъ былъ удалиться изъ университета. Послѣ этого Бѣлинскій былъ одно время ревностнымъ послѣдователемъ Гегеля, признававшаго разумность всего существующаго. Герцену принадлежитъ великая заслуга въ томъ, что онъ открылъ глаза Бѣлинскому и указалъ ему новый путь. Дѣйствительно, крѣпостное право не знало болѣе талантливаго врага. Бѣлинскій страстно слѣдилъ за малѣйшимъ лепетомъ литературы того времени и ликовалъ, когда ей удавалось задѣть какую-либо сторону крѣпостного быта. Онъ прощалъ иногда авторамъ нѣкоторыя крѣпостническія тенденціи, если только картина, нарисованная ими, истинно отражала народный бытъ. Онъ восхвалялъ иногда произведенія, слабыя по формѣ, если только въ нихъ проводилась какая-либо здравая мысль. Нужно вспомнить вліяніе Бѣлинскаго въ литературномъ мірѣ, чтобы понять, какъ много значило его вѣское слово. А между тѣмъ изученіемъ народной жизни занимались немногіе, надо было поддержать это слабое теченіе во что бы то ни стало, несмотря на всѣ препятствія, которыя воздвигала придирчивая и своенравная цензура и общественные нравы того времени. И Бѣлинскій былъ на высотѣ своей задачи, хотя, кто знаетъ, сколько горя и страданій, и не за себя одного только, пришлось перенести этому человѣку! Больнѣе всего ему было разочарованіе въ Гоголѣ, котораго онъ

высоко цѣнилъ за его талантъ. Но достаточно было Гоголю высказать свое крѣпостническое profession de foi, чтобы упасть въ глазахъ Бѣлинскаго. Слишкомъ сильно было уязвлено чувство любви Бѣлинскаго къ народу, и этого онъ не простилъ Гоголю до конца своей жизни. Да, Бѣлинскій — истинный подвижникъ земли русской. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвело письмо Бѣлинскаго на Гоголя. Бѣлинскій впродолженіе всей своей жизни надѣялся на близкое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса; каждый слухъ изъ высшихъ сферъ, каждое подтвержденіе его пламенныхъ желаній глубоко волновало его. Но 1848-й годъ безвременно унесъ его въ могилу.

По мнѣнію Семевскаго [1]), важнымъ, благопріятнымъ событіемъ для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса въ Россіи было то, что Герценъ, одинъ изъ членовъ кружка Бѣлинскаго, переселился въ 1847 г. за границу. Въ лицѣ его кружокъ получилъ возможность высказать свой взглядъ на крестьянское дѣло. Дѣйствительно, его литературной дѣятельностью былъ заинтересованъ самъ императоръ Николай, который съ первой почтой получалъ его заграничныя изданія. Близость Бѣлинскаго къ Герцену уже достаточно характеризуетъ личность послѣдняго. Скажемъ, что Герценъ былъ поборникъ освобожденія крестьянъ со всей землей, которою они пользовались; онъ ратовалъ за сохраненіе русской общины и общиннаго землевладѣнія; для обязательнаго выкупа земли онъ предлагалъ сдѣлать внутренній заемъ, а за-

---

1) Ibid. 606.

долженность большинства помѣщичьихъ имѣній должна была только облегчить дѣло.

Мы не можемъ въ этомъ краткомъ очеркѣ исчерпать всѣ направленія русской мысли относительно крестьянскаго вопроса, но мы были бы несправедливы, не сказавъ ни слова о заслугахъ славянофиловъ. Славянофилы, какъ и западники, пришли къ мысли о необходимости освобожденія крестьянъ съ землей и о сохраненіи общиннаго начала. Ихъ заслуга въ томъ, что они не побоялись „возвышать и превозносить черный народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства и чиновничества". Они пробуждали общественный интересъ къ народу, къ изученію „внутреннихъ основъ народнаго характера". Наконецъ своимъ идеаломъ они ставили *народъ*. Все это совершенно не гармонировало съ духомъ времени. На характерную черту этого времени указываетъ одинъ изъ славянофиловъ Ю. Ѳ. Самаринъ: „Въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостного права, выведенныя изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ". Такъ, „въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній" (1852) „въ пользу крѣпостного права приведены тексты изъ священнаго писанія" [1]).

Какъ бы то ни было, часъ крѣпостного права пробилъ, и наиболѣе проницательные государственные люди того времени сознавали, что такой порядокъ долго не продержится.

---

[1]) Соч. Самарина, II, 21.

Декабристъ фонъ-Визинъ писалъ еще въ 1842 г., что „рабство" вредно не только для народа, но и для помѣщиковъ. Онъ говоритъ, что съ нѣкотораго времени доходы съ дворянскихъ имѣній повсемѣстно уменьшаются, въ оброчныхъ вотчинахъ накопляются значительныя недоимки, а владѣльцы имѣній, состоящихъ на барщинѣ, жалуются на лѣность и нерадѣніе работниковъ. Волненія крѣпостныхъ заставляютъ правительство „прибѣгать къ мѣрамъ строгости, всегда сопровождаемымъ разстройствомъ имѣній и разореніемъ ослушниковъ". Роскошь и безпечность, въ которыхъ упрекаютъ дворянство, есть также слѣдствіе ихъ права на владѣніе крѣпостными.

„Извѣстно, говоритъ фонъ-Визинъ, что на иностранныхъ фермахъ, въ которыхъ введено раціональное хозяйство, работаютъ вольнонаемные работники и что всѣ усовершенствованныя земледѣльческія орудія и рабочій скотъ принадлежатъ хозяину фермы. Такого рода экономическое устройство трудно и почти невозможно согласить съ существованіемъ нашей, такъ называемой, барщины. Если же крѣпостныхъ обратить въ батраковъ на отдѣльныхъ хуторахъ, устроенныхъ по образцу иностранныхъ фермъ, то ихъ положеніе будетъ тогда не лучше состоянія негровъ въ американскихъ плантаціяхъ. Трудность усовершенствованія сельскаго хозяйства въ Россіи при нынѣшнемъ порядкѣ вещей слишкомъ очевидна" [1]). Для осуществленія реформы фонъ-Визинъ предлагалъ также блестящую операцію выкупа.

---

[1]) Семевскій стр. 365.

Въ короткихъ словахъ,—крѣпостное право, медленно подготовляемое въ XIII — XVI вѣкахъ узаконенное въ XVI—XVII вв., подтвержденное и расширенное Петромъ Великимъ, достигло крайнихъ предѣловъ своего развитія во второй половинѣ XVIII в. Послѣдніе годы XVIII вѣка ознаменовались поворотомъ въ законодательствѣ о крестьянахъ. Александръ I и Николай нѣсколько улучшили положеніе крѣпостныхъ; они старались ограничить власть помѣщиковъ, не препятствовали освобожденію крестьянъ (особенно Николай I) и дѣлали даже попытки уничтоженія крѣпостной зависимости. Но эти попытки были робки и несовершенны: правительство, затрагивая многочисленные интересы, сталкивалось съ всевозможными препятствіями, оно боялось поколебать общественное зданіе и подвергнуть Россію опасностямъ насильственнаго переворота. Александру II принадлежитъ слава великаго дѣла, передъ которымъ императоры Александръ I и Николай I чувствовали свое безсиліе.

XXI.

Оглавленіе. — Число и положеніе казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ 1856 г. — Взаимное отношеніе крѣпостныхъ и господъ.—Необходимость освобожденія.

Все населеніе Европейской Россіи достигало въ 1856 г. 60,909,309 жителей. Въ этомъ числѣ на долю сельскихъ классовъ приходилось 49,486,665 душъ, которыя распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Казенные крестьяне 23,138,191
Удѣльные крестьяне 3,326,084
Помѣщичьи крестьяне 23,022,390

Надо замѣтить, что положеніе казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ далеко не походило на положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, которые, собственно говоря, и составляли классъ крѣпостныхъ. Общій обзоръ поможетъ намъ разобраться въ различіяхъ положенія сельскихъ классовъ.

Казенные крестьяне заселяли государственныя земли.

Эти земли занимаютъ обширныя пространства, которыми верховная власть не воспользовалась для пожалованія дворянамъ. Казенныя помѣстья значительно увеличились, вслѣдствіе завоеваній царей и различныхъ конфискацій, между прочимъ конфискацій монастырскихъ земель. Въ отчетѣ министерства государственныхъ имуществъ за 1851 г. значится казенныхъ земель около 81 милліоновъ десятинъ.

Такъ какъ среди черносошныхъ крестьянъ и однодворцевъ началъ образовываться безземельный пролетаріатъ, то правительство уже съ середины XVII вѣка начало принимать мѣры, чтобы положить преграду для отчужденія земель государственныхъ крестьянъ и перехода ихъ въ другія сословія. Чтобы противодѣйствовать скопленію земли въ рукахъ богатыхъ, оно настаиваетъ на передѣлѣ земель. Оно признаетъ міръ и выборное самоуправленіе (1760—61), возлагаетъ податную отвѣтственность на выборныя власти (1769). Волостное правленіе было подчинено становому приставу и исправнику, которые наблюдали за правильнымъ взносомъ податей, но при этомъ всевозможныя вымогательства были нерѣдки.

Этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился въ царствованіе Николая, который учредилъ министерство государственныхъ имуществъ и совершилъ важную реформу. Казенные крестьяне получили административную организацію, основанную на выборномъ и общинномъ началѣ. Мѣстное управленіе было поручено общинѣ или міру; міръ получилъ право выбирать общинныхъ должностныхъ лицъ и приводить въ порядокъ мѣстныя дѣла подъ контролемъ высшей власти. (Окружной начальникъ, подчинявшійся палатѣ государств. имущ.).

Казенные крестьяне платили государству, кромѣ подушной подати и мѣстныхъ налоговъ, поземельную подать, колеблющуюся между двумя и тремя рублями и уплачиваемую за пользованіе землей.

Такимъ образомъ казенные крестьяне пользовались настоящей мѣстной автономіей. Но, надо признаться, намѣренія императора Николая на практикѣ не приводились въ исполненіе. Попеченіе о крестьянахъ, которое Царь хотѣлъ организовать, мало по малу перешло въ притѣсненіе ихъ въ рукахъ чиновниковъ, которые руководились болѣе собственными корыстными побужденіями, чѣмъ царской волей. Хотя законъ 1838 г. и имѣлъ въ общемъ хорошіе результаты, тѣмъ не менѣе правительственные чиновники слишкомъ злоупотребляли своей властью, а крестьяне вяло обработывали землю, полнымъ собственникомъ которой было государство.

Общая реформа, которая обезпечила бы независимость казенныхъ крестьянъ и преобразовала бы ихъ въ собственниковъ, была бы большимъ шагомъ впередъ.

Вотъ какъ говоритъ славянофилъ Кошелевъ о положеніи казенныхъ крестьянъ: указаніе на то, что вслѣдствіе хищничества чиновничества положеніе крѣпостныхъ „не улучшится, а станетъ еще хуже... составляетъ, — по словамъ Кошелева, — любимое возраженіе многихъ противъ“ освобожденія крестьянъ, „но оно вполнѣ опровергается слѣдующимъ фактомъ: всѣ крестьяне помѣщичьи, не исключая и тѣхъ, которые принадлежатъ добрѣйшимъ господамъ, готовы поступить въ званіе государственныхъ крестьянъ, что они и доказываютъ, откупаясь на волю, часто за большія деньги, и приписываясь, также не безъ значительныхъ издержекъ, къ этому сословію; изъ казенныхъ же крестьянъ самые бѣдные ни за что не согласятся поступить въ крѣпостные крестьяне добрѣйшаго помѣщика... Чиновникъ самый дурной беретъ съ крестьянъ лишь взятки, не можетъ завести барщину, лежитъ всей тяжестью на плечахъ не нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ, а многихъ тысячъ людей, и не можетъ давать своему произволу полнаго разгула. Помѣщикъ же есть полный, безотчетный владѣлецъ принадлежащихъ ему крестьянъ; онъ обхватываетъ своею властью весь бытъ крѣпостныхъ своихъ людей, онъ позволяетъ или запрещаетъ имъ жениться; распоряжается ихъ женами и дѣтьми по своему усмотрѣнію... Добрый помѣщикъ есть счастливый случай, рѣдкое исключеніе изъ общаго правила; огромное же большинство владѣльцевъ, конечно, не таково, чтобы выгодно или пріятно было находиться подъ ихъ управленіемъ... но даже у помѣщиковъ, считающихся добрыми, жизнь крестьянъ и дво-

ровыхъ людей крайне тяжела. Они не знаютъ, кто завтра будетъ ихъ владѣльцемъ и что завтра придетъ ихъ господину на мысль; они могутъ каждый часъ быть отправлены на край имперіи, отданы въ рекруты, сосланы въ Сибирь, на поселеніе и пр., дѣти ихъ, по волѣ помѣщика, берутся во дворъ или отдаются, куда попало, въ ученье... Всѣ эти случаи нерѣдки; они составляютъ правило, а не исключеніе, и вотъ почему самый бѣдный, не увѣренный въ кускѣ хлѣба, казенный крестьянинъ не согласится поступить во владѣніе лучшаго изъ помѣщиковъ. Что касается до того, что владѣльцы заботятся о благосостояніи принадлежащихъ имъ людей и защищаютъ ихъ отъ постороннихъ лицъ и отъ полиціи, чиновники же не имѣютъ никакого попеченія о дѣлахъ казенныхъ крестьянъ, то въ этомъ есть лишь кажущаяся правда. Конечно, для помѣщика и выгодно, и пріятно, чтобы его крестьяне были въ хорошемъ положеніи, но ему еще выгоднѣе и пріятнѣе, чтобы они доставляли ему большій, по возможности, доходъ... онъ, конечно, защищаетъ своихъ крестьянъ отъ другихъ, но онъ не ограждаетъ ихъ отъ самого себя, и, слѣдовательно, для крестьянъ въ этомъ не барышъ, а убытокъ; чиновникъ притягиваетъ крестьянина случайно и изрѣдка, а помѣщикъ тяготѣетъ надъ нимъ всегда и вездѣ. Помѣщичья защита и помѣщичье попеченіе обходятся крѣпостнымъ людямъ такъ дорого, что они весьма охотно отъ нихъ отказались бы“ [1]).

---

[1]) Записки А. И. Кошелева, приложеніе, стр. 72 73.

Образованіе „удѣловъ" относится къ царствованію императора Павла. Этотъ государь создалъ ихъ, отдѣливъ отъ государственныхъ помѣстій нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ вмѣстѣ съ обрабатываемыми ими землями. При Николаѣ было отдѣлено еще 300,000. Доходъ съ удѣловъ составляетъ специальную принадлежность царской фамиліи, въ различіе отъ доходовъ съ казенныхъ помѣстій, который переходитъ въ общую государственную казну.

Крестьяне, перешедшіе въ вѣдомство Департамента Удѣловъ, поставлены были въ довольно сносное положеніе, несмотря на притѣсненія со стороны чиновниковъ. По положенію ихъ можно было сравнить съ казенными крестьянами. Какъ тѣ, такъ и другіе пользовались извѣстными гарантіями и въ то же время не были вполнѣ независимы; ни тѣ, ни другіе не могли владѣть землей, а только временно пользовались ей.

Крестьяне частныхъ лицъ представляли собой, собственно говоря, крѣпостныхъ. На основаніи оффиціальныхъ данныхъ, крѣпостные обоего пола, число которыхъ превосходило при восшествіи на престолъ Александра II 23 милліона, принадлежали 103194 помѣщикамъ. Въ то же время 44 166 помѣстій съ 7 107 184 душами, представлявшими $^2/_3$ крѣпостныхъ мужескаго пола, были заложены въ государственномъ банкѣ за сумму 445 503 061 рубль серебромъ.

Помѣщичьи крестьяне дѣлились на 3 различныя категоріи: 1) крѣпостные, находившіеся на барщинѣ; 2) крѣпостные, платившіе земельную подать или оброкъ; 3) дворовые.

Въ барщинныхъ имѣніяхъ, которыя были самыми распространенными, помѣщикъ дѣлилъ свою землю на 2 части: одну онъ сохранялъ себѣ, другую уступалъ крестьянамъ, которые взамѣнъ этого были обязаны обрабатывать ту часть, которую помѣщикъ оставлялъ себѣ. Крѣпостной не платилъ денежной подати, онъ долженъ былъ отбывать повинность, работая на барщинѣ. Обыкновенно крестьяне обрабатывали $1^1/_2$ десятины въ полѣ съ тягла на помѣщика, да на себя 3 десятины. Независимо отъ барщины, помѣщики часто дѣлали нѣкоторые мелкіе сборы натурой,—полотномъ, овцами, медомъ, птицей и яйцами. Съ своей стороны крестьянинъ имѣлъ право брать изъ помѣщичьяго лѣса себѣ на необходимое топливо и на поправку жилища. У богатыхъ господъ крестьянинъ былъ меньше притѣсненъ, чѣмъ у мелкихъ помѣщиковъ, гдѣ крѣпостной, слишкомъ часто влачилъ жизнь въ тѣсной зависимости отъ капризовъ и требованій барина или его управляющаго.

По сосѣдству отъ промышленныхъ центровъ или въ мало плодородныхъ мѣстностяхъ денежная подать, или оброкъ, замѣняла барщину. Крѣпостные выплачивали оброкъ, занимаясь на мѣстѣ или на сторонѣ торговлей, промысломъ, ремесломъ. Такъ какъ заработная плата въ Россіи была довольно велика, крестьянинъ нерѣдко зарабатывалъ въ горячее время значительную сумму, которая позволяла ему выплатить оброкъ и содержать остальное время года себя и свою семью. Величина оброка была неодинакова, смотря по мѣстности, по требованіямъ помѣщиковъ и по способностямъ крѣпостныхъ; размѣры оброка колебались между 6 и 12 рублями въ годъ.

барщинные крестьяне были обложены почти втрое тяжелѣе оброчныхъ.

Положеніе этой категоріи крѣпостныхъ было наименѣе печально; оброчные крестьяне жили большую часть времени вдали отъ помѣщика, въ относительной независимости и пользовались извѣстнымъ благосостояніемъ.

Въ 1829 году было около 397,000 дворовыхъ, взятыхъ съ пашни—съ этихъ поръ число ихъ быстро возрастало. Такъ по 10-ой ревизіи ихъ было 1,467,000 (т. е. 7 % всего числа крѣпостныхъ). Въ 1858 г. было запрещено обращать пашенныхъ крестьянъ въ дворовые. Этимъ были крайне недовольны помѣщики, такъ какъ они, чтобы защитить свою личность отъ опасности, стремились окружать себя толпой тѣлохранителей. Малороссійскимъ помѣщикамъ также это мѣропріятіе было не по вкусу, такъ какъ имъ было крайне выгодно обезземеливать крестьянъ, чтобы затѣмъ переводить ихъ на мѣсячину.

Дворовые были привязаны къ дому помѣщика. Они составляли самую жалкую категорію, на нихъ можно было въ нѣкоторой степени смотрѣть, какъ на настоящихъ домашнихъ рабовъ. Дѣйствительно, они не получали никакого жалованья, они не могли по своему желанію мѣнять своихъ господъ. Съ другой стороны помѣщикъ ихъ могъ наказывать, отдавать внаймы или даже продавать безъ всякаго нарушенія писанаго закона. Такъ какъ дворовыхъ было всегда больше, чѣмъ того требовала необходимость, то чаще всего они вели безпечную, лѣнивую жизнь. Къ нимъ принадлежали лакеи, горничныя, повара, кухарки, кучера, ко-

нюхи, садовники и множество лицъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Помѣщикъ, подобно мелкому царьку, обладалъ неограниченною властью по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Онъ могъ требовать отъ нихъ всякаго рода работы, налагать на нихъ всевозможныя повинности, какъ денежныя, такъ и натурой, съ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы крестьяне не были отъ этого совсѣмъ разорены и чтобы имъ было предоставлено число дней, опредѣленныхъ закономъ, для исполненія ихъ собственныхъ работъ, чего однако никогда не исполнялось. Помѣщикъ имѣлъ право обращать крестьянъ въ дворовыхъ и отдавать ихъ внаймы.

Крѣпостной не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ: онъ не могъ ни распоряжаться своимъ временемъ, ни договариваться, ни завѣщать, ни жениться безъ согласія помѣщика: законъ Петра Великаго (1724), запрещавшій принужденіе со стороны помѣщика, никогда не исполнялся. Съ 1754 г. само законодательство начинаетъ ограничивать право вступать въ бракъ, требуя документъ о согласіи помѣщика (выводная грамота). За разрѣшеніе необходимо было платить деньги отъ 10 руб. (1160) до 40 р. (1180). Только государственные крестьяне не были лишены этого права (1775).

Помѣщикъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ право вотчиннаго суда и полиціи, право опеки и управленія; личность крестьянина поглощалась имъ; навсегда поставленные несовершеннолѣтними, крѣпостные являлись только дополненіемъ къ его особѣ. Такъ продолжалось до изданія свода законовъ. По первому изданію свода

законовъ помѣщикъ могъ наказывать провинившихся въ чемъ либо *„домашнимъ способомъ“*, лишь бы не было увѣчья. По второму изданію помѣщику не были подсудны дѣянія, за которыя виновный подвергался лишенію всѣхъ правъ состоянія помѣщика за всѣ обиды, нанесенныя ему, имѣлъ право подвергать виновныхъ наказанію, не превышающему 40 ударовъ розгами или 15 ударовъ палкой, или же аресту на 2 мѣсяца въ сельской тюрьмѣ, на 6 мѣсяцевъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ; если же крѣпостной былъ въ его глазахъ неисправимымъ, онъ могъ передать его властямъ, отдать его въ рекруты или сослать въ Сибирь.

Неограниченный властитель фактически и по праву, помѣщикъ отвѣчалъ за уплату податей и имѣлъ единственное обязательство — поддерживать жизнь крестьянина, какъ въ хорошіе, такъ и въ дурные годы. Семевскій говоритъ, что „изучая роль правительства, общества и литературы въ ходѣ и развитіи крестьянскаго вопроса, слѣдя за постепенною подготовкою паденія крѣпостного права, нельзя упускать изъ виду одинъ важный факторъ, содѣйствовавшій усиленію мысли о необходимости эмансипаціи, а именно, отношеніе самихъ крестьянъ къ помѣщичьей власти. Еслибы они не выражали протеста противъ крѣпостного права и пассивно, и активно—самоубійствами, побѣгами, жалобами на помѣщиковъ, убійствами своихъ господъ и управляющихъ имѣніями, наконецъ, открытымъ неповиновеніемъ помѣщичьей власти въ формѣ болѣе или менѣе значительныхъ волненій, то крѣпостное право могло бы, пожалуй, просуществовать и далѣе 1861 г. Но нельзя

сказать, чтобы крѣпостное населенiе Россiи пассивно сносило тяготѣвшiй надъ нимъ гнетъ. Правда, волненiя крѣпостныхъ крестьянъ далеко не достигали въ царствованiе имп. Николая такихъ серьезныхъ размѣровъ, какъ во время Пугачевщины,—ежегодно проявляясь во многихъ губернiяхъ, они почти всегда оставались совершенно разрозненными попытками, — тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ волненiямъ и инымъ формамъ протеста крѣпостныхъ, призракъ Пугачевщины вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства и, какъ грозное memento mori, напоминалъ о необходимости покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ интересахъ самихъ помѣщиковъ [1]).

Крѣпостное право не могло прекратиться само собой; нравы не могли улучшиться, какъ думали многiе искренніе и неискреннiе Маниловы, настолько, чтобы крѣпостная зависимость перешла въ свободный полюбовный договоръ. Въ нѣдрахъ крѣпостного общества нѣтъ мѣста совершенствованiю, тамъ все катится подъ гору; скажемъ болѣе — съ увеличенiемъ власти одного человѣка надъ другимъ увеличиваются всѣ ужасныя послѣдствiя этого возмутительнаго порядка вещей. Несмотря на влiянiе татарскаго ига, нравы на Руси въ XIV, XV, XVI в.в. вовсе не были столь грубы, какъ во время полнаго развитiя крѣпостного права; было больше свободныхъ людей, а поэтому и меньше истязуемыхъ. Хотя истязанiе полагалось по закону, но уже съ давнихъ поръ древнерусскiе законодатели старались замѣнить его денежною пенею. Во всякомъ случаѣ средневѣковой

1) Семевскiй, т. II, стр. 571.

правежъ никогда не принималъ тѣхъ жестокихъ формъ, какія описаны Достоевскимъ въ „Мертвомъ домѣ." Тѣлесное наказаніе стало входить въ обычай съ Алексѣя Михайловича, да и при этомъ царѣ наказанія были скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Владѣльцы еще не совсѣмъ понимали всей важности совершенной реформы—прикрѣпленія крестьянъ, да и нравы противорѣчили нововведеніямъ.

Все XVIII ст. и первая половина XIX ст. представляютъ собой грустную страницу въ исторіи русскаго народа: крѣпостное право самоувѣренно вторгалось въ русскую жизнь, сообразно съ этимъ нравы грубѣли и ожесточались. Первая половина XIX ст. ознаменовалась поворотомъ законодательства въ пользу крѣпостныхъ, но это оказало слишкомъ мало вліянія на жизнь крѣпостного люда, о чемъ мы можемъ судить по многимъ даннымъ, относящимся къ эпохѣ отъ 1825 до 1860 г. Начнемъ съ жалобъ: несмотря на то, что крестьянинъ, подавшій просьбу на помѣщика, подвергался тѣлесному наказанію или ссылкѣ на каторжную работу по обвиненію въ возмущеніи крестьянъ, попытки къ жалобѣ были многочисленны. Такъ, напримѣръ, въ 1828 г. поступили жалобы на жестокое обращеніе помѣщиковъ изъ 7 губерній; въ 1844 г. поступило 46 жалобъ въ министерство и 5 на Высочайшее имя; въ 1851 г. цыфры еще болѣе увеличиваются: въ министерство поступаетъ 40 жалобъ, на Высочайшее имя – 20.

Очень интересны также цыфры имѣній, взятыхъ подъ опеку. Въ 1838 г. въ опекѣ состояло 140 дворянскихъ имѣній за жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крѣпост-

6*

ными и 63 за распутство и мотовство. Въ 1852 г. подъ опекой было 193 имѣнія съ населеніемъ въ 14054 душъ муж. пола. Въ 1859 г. — 215 имѣній. Очень были бы интересны цыфры крестьянъ, бѣжавшихъ на окраины Россіи и за границу. Къ сожалѣнію приходится довольствоваться только случайными свѣдѣніями, но и этихъ свѣдѣній достаточно, чтобы судить о размѣрахъ этого движенія, такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ число бѣжавшихъ выражалось сотнями и тысячами. Въ 1832 г. много крестьянъ бѣжало изъ Саратовской губерніи и изъ Земли Войска Донского на Кавказскую линію. Въ 1834 и 1837 г. побѣги приняли еще болѣе сильные размѣры, такъ что правительство рѣшило принять строгія мѣры. Изъ бѣжавшихъ возвращено однихъ воронежскихъ крестьянъ болѣе 900, кромѣ того изъ другихъ мѣстъ 250 человѣкъ. Въ 1839 г. значительные побѣги были изъ Херсонской губерніи. Въ 1840 г. много бѣглыхъ было возвращено Австрійскимъ правительствомъ. Въ 1841 г. бѣжало изъ Могилевской губерніи на югъ около 1000 крестьянъ. Въ 1847 г. была цѣлая эпидемія побѣговъ: изъ трехъ губерній бѣжало болѣе 1300 человѣкъ, а изъ Курской было задержано 20000, послѣдніе оказали даже сильное сопротивленіе при задержаніи ихъ, и т. д.

Цыфра поджоговъ намъ неизвѣстна. По словамъ С. В. Максимова, „поджоги были нерѣдки въ особенности въ тѣхъ губерніяхъ, которыя гуще населены крѣпостными“. Крестьяне иногда выражали свое недовольство въ еще болѣе рѣзкой формѣ, такъ, были случаи, когда крѣпостные сѣкли своихъ господъ. Самаринъ говоритъ:

„въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти“ [1]). Бывали случаи настоящихъ истязаній и убійствъ. По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 1836 г. до 1854 г. было 75 покушеній на убійство помѣщиковъ и помѣщицъ, за то же время было совершено 144 убійства. Съ 1835 по 1840 г. за убійство помѣщиковъ было сослано въ Сибирь 416 человѣкъ. Иногда недовольство выражалось стихійными безпорядками. Эпоха съ 1826 по 1860 г. ознаменовалась цѣлымъ рядомъ волненій, иногда настолько значительныхъ, что приходилось прибѣгать къ военной силѣ и строгимъ репрессаліямъ. Такъ, въ 1845 г. волненія произошли въ 17 губерніяхъ (въ 32 имѣніяхъ), въ 1846 г.—въ 16 губерніяхъ (въ 27 имѣніяхъ), въ 1847 г.—въ 22 губерніяхъ (35 имѣніяхъ), въ 1848 г. было особенно много волненій въ 27 губерніяхъ (54 имѣніяхъ); въ слѣдующіе годы волненія не прекращались, причемъ въ 1852 г. въ Черниговской и Тамбовской губ. крестьяне оказали сопротивленіе губернатору и войску.

По оффиціальнымъ даннымъ всѣхъ волненій въ царствованіе Николая было 556. Въ 50% случаевъ необходимо было прибѣгнуть къ помощи военной команды, а въ остальныхъ случаяхъ безпорядки прекращались

---

[1]) Соч. Самарина, II, 6.

простымъ сѣченіемъ крестьянъ. Очевидно, что неурядицы росли не по днямъ, а по часамъ, негодный строй разлѣзался по всѣмъ швамъ, но окончательно уничтожить его должно было царствованіе Александра II.

Крѣпостное право представляло много неудобствъ, было запятнано многими преступленіями, и его необходимо было уничтожить. Съ христіанской точки зрѣнія крѣпостное состояніе было противно принципу духовнаго равенства и догмату евангельскаго братства. Въ нравственномъ отношеніи крѣпостное право являлось нарушеніемъ самаго священнаго права свободы и оскорбленіемъ человѣческаго достоинства: оно унижало, какъ крѣпостного, такъ и господина. Даже въ экономическомъ отношеніи крѣпостное право съ его даровымъ трудомъ перестало представлять какія либо выгоды. Съ тѣхъ поръ какъ мѣновое хозяйство начало вытѣснять натуральное, цѣны на земледѣльческіе продукты, а слѣд. и на землю, стали повышаться; помѣщикамъ, въ особенности, помѣщикамъ южныхъ губерній не представлялось болѣе выгоднымъ отдавать крѣпостному землю въ счетъ платы за его работу.

Въ отношеніи соціальномъ и политическомъ крѣпостное право было опасно, такъ какъ оно безпрестанно вызывало аграрныя волненія.

Въ XIX вѣкѣ крѣпостное право было настоящимъ анахронизмомъ; оно противорѣчило всѣмъ идеямъ XIX вѣка, всѣмъ понятіямъ о правахъ человѣка.

Глава XXII.

Оглавленіе. — Рѣчь Александра II въ Москвѣ Левшинъ и Ланской. — Инициатива министерства внутреннихъ дѣлъ. — Дворянство. — Печать. — Духовенство. — Учрежденіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. — Недоброжелательство и инертность дворянства. — Первое путешествіе Александра II по Россіи. — Милютинъ. — Учрежденіе Редакціонныхъ комиссій. — Ростовцевъ. — Столкновеніе депутатовъ отъ дворянства съ Редакціонной комиссіей. — Депутаты отъ дворянства получаютъ выговоръ. — Второе путешествіе Александра II по Россіи; твердость его рѣчей. — Смерть Ростовцева. — Графъ Панинъ. — Прибытіе въ Петербургъ новыхъ депутатовъ отъ дворянства. — Редакціонная комиссія разрабатываетъ положенія, которыя передаются на разсмотрѣніе въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и въ Государственный Совѣтъ. — Уничтоженіе крѣпостного права получаетъ силу закона. Отставка Ланского.

19-го февраля 1855 г. вступилъ на престолъ Императоръ Александръ II. Всѣ классы русскаго общества съ нетерпѣніемъ ждали манифеста, думая, что въ немъ будетъ такъ или иначе затронутъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Но манифестъ ни слова не говорилъ о немъ. Напротивъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поборники крѣпостного права могли съ радостнымъ чувствомъ узнать, что министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ, котораго всѣ считали врагомъ крѣпостного права, вышелъ въ отставку (20 августа 1855 г.). Въ циркулярѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Ланского къ предводителямъ дворянства было сказано слѣдующее: „Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ ненарушимо

охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Этотъ циркуляръ охлаждающимъ образомъ подѣйствовалъ на тѣхъ, которые чаяли новаго порядка вещей. Несмотря на это, въ публикѣ циркулировали всевозможные слухи. Но вотъ 19 марта 1856 г. появился манифестъ по поводу заключенія мира съ иностранными державами. Упомянувъ объ уступкѣ части Бессарабіи и нейтралитетѣ Чернаго моря, онъ заявлялъ: „Сіи уступки не важны въ сравненіи съ тягостями продолжительной войны и съ выгодами, которыя обѣщаетъ успокоеніе державы, отъ Бога Намъ ввѣренной. Да будутъ сіи выгоды вполнѣ достигнуты совокупными стараніями Нашими и всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ. При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, *и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ*, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“. Этотъ манифестъ окрылилъ надеждой друзей реформы и сильно встревожилъ дворянство. Кромѣ того въ обществѣ распространился слухъ, что „въ секретномъ договорѣ съ Франціей“ Государь обязался освободить крестьянъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ изданія манифеста Императоръ былъ въ Москвѣ. Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій доложилъ Государю, что „въ народѣ и между дворянствомъ распространился слухъ,

будто готовится освобожденіе крестьянъ", и просилъ Государя принять депутатовъ отъ московскаго дворянства, чтобы успокоить ихъ.

При представленіи предводителей дворянства, Государь сказалъ имъ слѣдующее:

„Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній"... [1]).

---

[1]) Въ публикѣ ходили по рукамъ два списка: одинъ исправленный, другой въ сыромъ видѣ, то-есть, какъ Государь говорилъ безъ приготовленія. Приводимъ также и этотъ послѣдній: „слухи носятся, что я хочу объявить (въ нѣкоторыхъ спискахъ *сдѣлать*) освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ, направо и налѣво. Я говорилъ тоже самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ. Я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ этого; мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною; слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу". См. Левшинъ. Достопамятныя минуты моей жизни. Русск. Арх. 1885 г. № 8, стр. 475.

Эта рѣчь съ необыкновенною быстротою распространилась по Россіи во многихъ спискахъ; для всѣхъ она была неожиданностью, такъ какъ извѣстно было, что Александръ II, будучи наслѣдникомъ, защищалъ интересы дворянъ. Всѣ говорили о ней на ухо; никто еще не могъ касаться этого вопроса публично. Предыдущая эпоха сдѣлала вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ тайною для всѣхъ и, въ особенности, для крѣпостной массы. Но теперь, какъ бы тамъ ни было..., а вопросъ былъ поднятъ. Императоръ объявилъ, что часъ реформы наступилъ, и что было бы предпочтительнѣе въ общихъ интересахъ, чтобы правительство само приступило къ реформѣ, не ожидая давленія обстоятельствъ.

Въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ многіе не вѣрили московской новости. У самого правительства не только не было еще никакихъ опредѣленныхъ мнѣній насчетъ крестьянскаго вопроса, но оно боялось и затрогивать его. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской не высказывался даже передъ Левшинымъ, который былъ въ то время товарищемъ министра, и, когда Левшинъ спросилъ, читалъ ли онъ (министръ) московскую рѣчь и что объ ней думаетъ, Ланской отвѣтилъ: „читалъ и весьма сожалѣю, что рѣчь эта была сказана". Отсюда видно, что даже для министра эта рѣчь была неожиданностью. Чтобы точнѣе узнать мысль Монарха, Левшинъ предложилъ спросить Государя, „точно ли онъ то говорилъ въ Москвѣ, что написано и по рукамъ ходитъ". Ланской такъ и сдѣлалъ. На это ему Императоръ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и недовольствомъ:

„да, говорилъ точно то, и не сожалѣю о томъ“. Нетерпѣніе или неудовольствіе можно было объяснить тѣмъ, что вопросъ Ланскаго былъ не первый, и что Царю надоѣло отвѣчать. Этотъ отвѣтъ обрадовалъ въ высшей степени Левшина, человѣка убѣжденнаго, честнаго и искренне желавшаго освобожденія крестьянъ. „Вы видите“, сказалъ онъ Ланскому, „что Государь говорилъ объ освобожденіи не безъ намѣренія, и что вамъ слѣдуетъ слова его принять къ соображенію и руководству, дабы соотвѣтственно имъ дѣйствовать по вашему министерству“.

Что побудило Александра II сказать эту рѣчь? Въ то время была распространена мысль, что Николай I, умирая, взялъ съ своего сына клятву заняться тѣмъ дѣломъ, „въ которомъ самъ имѣлъ нѣсколько неудачъ“, но это еще нуждается въ подтвержденіи.

Рѣчь Государя произвела вначалѣ сильную тревогу среди дворянства. Но это первое впечатлѣніе довольно скоро разсѣялось. Заинтересованные видѣли въ словахъ Императора скорѣе выраженіе простого желанія, чѣмъ формальной воли. Вообще они думали, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ отложенъ, и не очень о немъ заботились. Съ своей стороны друзья реформы стали опасаться, что дѣло не получитъ никакого движенія и замретъ на неопредѣленное время. Дѣйствительно, по словамъ того-же Левшина, *„ни прежде, ни послѣ Московской рѣчи никакихъ приказаній не было отдаваемо* для движенія дѣла и можно было думать, что великодушный порывъ, встрѣчая постоянное глухое противодѣйствіе, уляжется, и дѣло опять на долго за-

снетъ". Левшинъ рѣшилъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминать Государю, хотя бы и черезъ Ланского, о его желаніи освободить крестьянъ.

Въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ дать свое мнѣніе объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній (этотъ вопросъ былъ поднятъ въ Государственнаго Совѣтѣ). Пользуясь случаемъ, Левшинъ написалъ свою знаменитую записку, въ которой высказался противъ раздробленія дворянскихъ имѣній, руководствуясь мыслью, что „участь крестьянъ, принадлежащихъ владѣльцамъ достаточнымъ, лучше участи тѣхъ, которые остаются въ рукахъ мелкопомѣстныхъ". „Думаю", писалъ онъ въ докладѣ, „что предлагаемая мною мѣра будетъ полезна и при исполненіи общаго предположенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ; *постепенный переходъ* ихъ изъ полнаго рабства *въ состояніе болѣе ограниченное и со временемъ свободное будетъ гораздо удобнѣе и сноснѣе для владѣльцевъ достаточныхъ*". Далѣе онъ дѣлаетъ запросъ Государю: „долженъ ли я постоянно стремиться къ главной цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ и представлять частныя мѣры къ достиженію оной, или ожидать общаго плана"? Заканчивается докладъ изложеніемъ самой умѣренной программы дѣйствій: „начавъ (это трудное дѣло), нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ, какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины; *а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій прави-*

тельства, въ руководство постановленнымъ отъ него властямъ". На этомъ докладѣ Государемъ была написана слѣдующая резолюція: „постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и *общимъ планомъ*, дабы дѣйствовать систематически и съ должною осторожностью". Благодаря такой резолюціи, Левшинъ счелъ своей обязанностью серьезно заняться крестьянскимъ вопросомъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю секретную переписку объ освобожденіи крестьянъ, происходившую въ царствованіе Николая I, и испросить на веденіе этого дѣла Высочайшее соизволеніе, которое и было дано 20 апр. 1856 года. Во избѣжаніе огласки, работа эта происходила въ самой строгой тайнѣ; чиновники, помогавшіе Левшину въ этомъ громадномъ трудѣ, не знали ничего о цѣли предпринятой работы. Такимъ образомъ Левшинъ сдѣлался въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ самымъ освѣдомленнымъ человѣкомъ по крестьянскому дѣлу. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, Левшинъ занималъ въ высшей степени удобное положеніе, для того чтобы проводить свои идеи. И въ этомъ смыслѣ онъ сослужилъ великую службу крестьянскому дѣлу.

Приближалась коронація. Левшинъ рѣшилъ воспользоваться съѣздомъ предводителей дворянства, чтобы частнымъ образомъ поговорить съ ними, узнать ихъ мнѣнія и при случаѣ подготовить ихъ къ предпринимаемой реформѣ. Ланской, сообразуясь съ новымъ теченіемъ, дѣйствовалъ за одно со своимъ товарищемъ, и, когда онъ довелъ до свѣдѣнія Государя планъ Левшина, Царь вполнѣ его одобрилъ.

Бесѣды съ русскими помѣщиками ни къ чему не привели, только предводители и нѣкоторые дворяне Ковенской, Гродненской и Виленской губерній „смѣло вступили“ въ разговоръ о томъ, чего всѣ другіе боялись. Инвентарное положеніе, введенное Николаемъ I въ Литовскихъ губерніяхъ, съ цѣлью опредѣлить взаимныя обязанности землевладѣльцевъ и крестьянъ, вызывало постоянныя недоразумѣнія и недовольства. Дворянство этихъ губерній въ своихъ собственныхъ интересахъ желало измѣнить этотъ порядокъ вещей, хотя, надо добавить, оно никогда не думало о необходимости радикальной реформы. Во время коронаціи предводители дворянства этихъ губерній, при свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ и его товарищемъ Левшинымъ, отнеслись сочувственно къ мысли объ упраздненіи крѣпостного состоянія. Ланской рѣшилъ воспользоваться этимъ заявленіемъ и побудить дворянъ Литовскихъ губерній ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ поручилъ Виленскому военному, Ковенскому и Гродненскому генералъ-губернатору Назимову передать дворянамъ, что, въ случаѣ ихъ несогласія принять участіе въ реформѣ, инвентарное положеніе все равно будетъ измѣнено, причемъ права помѣщиковъ могутъ быть урѣзаны, а также собрать предводителей и объявить имъ, чтобы „они указали необходимыя улучшенія въ устройствѣ крестьянъ, *не стѣсняясь прежними постановленіями и инструкціями*“. Докладъ объ этомъ былъ поданъ Государю и подписанъ имъ 26 окт. 1856 года.

Приблизительно въ это время великая княгиня Елена Павловна, желая освободить своихъ крестьянъ и тѣмъ

положить починъ великому дѣлу, обратилась къ Н. А. Милютину [1]) съ просьбою „помочь ей выработать основанія, на которыхъ можно было-бы освободить крестьянъ ея полтавскаго имѣнія Карловки". Милютинъ, какъ дальновидный государственный дѣятель, посовѣтовалъ ей обратиться къ Государю, чтобы онъ указалъ общія начала, на которыхъ могутъ помѣщики приступать къ освобожденію крестьянъ, а также, чтобы онъ дозволилъ ей войти по сему предмету въ совѣщаніе съ полтавскими дворянами. Великая княгиня такъ и сдѣлала. 26 октября 1856 года Государь ей отвѣтилъ (отвѣтъ былъ написанъ тѣмъ же Левшинымъ и подписанъ Государемъ): „не могу нынѣ положительно указать общихъ основаній для руководства вашего въ семъ случаѣ... Не спѣша начертаніемъ общихъ законоположеній... я выжидаю, чтобы благомыслящіе владѣльцы населенныхъ имѣній *сами высказали*, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ".

20 декабря 1856 года Ланской подалъ Государю историческую записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи при докладѣ, въ которомъ выражалась необходимость образовать особый комитетъ, для разносторонняго и глубокаго обсужденія предпринимаемой реформы, и въ помощь ему особые „техническіе" комитеты, въ которыхъ должны участвовать представители отъ дворянства и спеціалисты по нѣкоторымъ вопросамъ. Александръ II

---

[1]) Милютинъ въ это время былъ чиновникомъ министерства вн. дѣлъ; онъ пользовался уваженіемъ въ либеральномъ лагерѣ еще съ городовой реформы 1846 года, съ которою имя его тѣсно связано.

понялъ, что нельзя было ожидать отъ помѣщиковъ добровольнаго отказа отъ своихъ привилегій, и что онъ самъ долженъ былъ положить основанія для реформы. Въ виду этого онъ учредилъ 3 января 1857 г. особый комитетъ по крестьянскому дѣлу, составленный изъ высшихъ сановниковъ [1]). Существованіе этого комитета держалось въ тайнѣ: правительство не хотѣло волновать общественное мнѣніе, преждевременно привлекая его вниманіе къ такому важному вопросу, какъ освобожденіе крестьянъ. Государь заявилъ членамъ комитета, что крѣпостное состояніе отжило свой вѣкъ, а потому необходимо рѣшить, какимъ образомъ приступить къ преобразованію устарѣвшаго режима.

Большинство членовъ комитета, въ томъ числѣ и предсѣдатель, не сочувствовали дѣлу освобожденія и старались помѣшать ему, хотя и не сознавались въ томъ предъ Государемъ. Ростовцевъ и Корфъ относились индифферентно къ реформѣ, сознавались въ незнаніи предмета и просили объ увольненіи. Но Царь настоялъ на томъ, чтобы оба приняли участіе въ работахъ комитета. Участіе Ростовцева было особенно важно, такъ

---

1) Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ князь Орловъ, предсѣдатель Госуд. Совѣта. Онъ былъ другомъ Николая I и пользовался любовью и уваженіемъ всего царскаго семейства. Правителемъ дѣлъ—Бутковъ—креатура Орлова. (Левшинъ по не извѣстнымъ причинамъ былъ обойденъ). Членами—Блудовъ, Адлербергъ, Гагаринъ, Ланской, Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), Чевкинъ, Корфъ, Ростовцевъ, Брокъ и Муравьевъ, который получилъ мѣсто министра госуд. имуществъ, благодаря ходатайству Орлова.

какъ онъ былъ человѣкомъ близкимъ Государю. Сближеніе это произошло еще при жизни Николая I, когда Ростовцеву приходилось заниматься съ Наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, въ то время главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, дѣлами этихъ заведеній. При своемъ вступленіи на престолъ, Александръ II сейчасъ-же сдѣлалъ Ростовцева Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, членомъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и, наконецъ, членомъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Послѣднее назначеніе объясняется тѣмъ, что царю необходимъ былъ человѣкъ, къ которому бы онъ питалъ полное довѣріе, и который бы близко стоялъ къ дѣлу, его интересовавшему; кромѣ того, необходимо было, чтобы человѣкъ этотъ былъ выразителемъ царской воли и чуждъ сословныхъ тенденцій; такимъ человѣкомъ и являлся Ростовцевъ. Назначеніе Ростовцева членомъ Главнаго Комитета, а затѣмъ предсѣдателемъ Редакціонной комиссіи имѣло громадное значеніе для правильнаго развитія крестьянскаго дѣла. Дѣло въ томъ, что всѣ свои мысли Ростовцевъ передавалъ письменно и устно Государю. Соловьевъ говоритъ: „особенно важно было то, что Ростовцевъ, по мѣрѣ того, какъ въ его головѣ прояснялись понятія о крестьянскомъ дѣлѣ, передавалъ ихъ Государю въ простой, удобопонятной формѣ человѣка свѣжаго, не страдавшаго ни ученой, ни бюрократической формалистикой: такимъ образомъ, убѣжденія Якова Ивановича постепенно дѣлались убѣжденіями Государя“.

Комитетъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности по-

ручилъ Ростовцеву, Корфу и Гагарину [1]) предварительную разработку вопроса. Въ iюнѣ 1857 года они кончили разсмотрѣнiе различныхъ проектовъ и представили три отдѣльныхъ мнѣнiя; но между ними оказались такiя разногласiя во взглядахъ, что комитетъ въ общемъ присутствiи не зналъ, къ чему прiйти. Между тѣмъ Государь уѣхалъ за границу и велѣлъ прислать къ себѣ записки всѣхъ 3 членовъ.

Гагаринъ въ своей запискѣ полагалъ *дать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ цѣлыми селенiями и безъ земли*. Корфъ отлагалъ дѣло въ дальнiй ящикъ, совѣтуя пригласить дворянство высказать свое мнѣнiе, а Ростовцевъ думалъ ограничиться исправленiемъ законовъ 1803 года (о свободныхъ хлѣбопашцахъ) и 1842 г. (объ обязанныхъ крестьянахъ). Кромѣ того Ростовцевъ предлагалъ издать манифестъ или указъ, *что никто не имѣетъ причины опасаться за свою собственность, что въ законахъ о помѣщичьихъ крестьянахъ не сдѣлано никакой перемѣны* и др.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, т. е. собственно Левшинъ, долженъ былъ дать свое заключенiе, чтобы переслать его Государю. Заслуга Левшина состоитъ въ томъ, что онъ лелѣялъ деревцо крестьянской свободы въ самое тяжелое для нея время, что онъ очищалъ

---

1) „Князь Гагаринъ высказывался прямо и рѣзко; онъ не имѣлъ силы при дворѣ и былъ для дѣла вреденъ менѣе нѣкоторыхъ другихъ своихъ единомышленниковъ, которые, дѣйствуя противъ воли Государя, сохраняли свою силу и свое значенiе. Я. Соловьевъ. Крестьянское дѣло. 1882 № 1 стр. 234.

путь отъ сорныхъ травъ, а также, что онъ первый въ правительственныхъ сферахъ додумался до необходимости дарованія крестьянамъ правъ собственности на усадебную землю. По мнѣнію Левшина, надѣленіе крестьянина усадьбою „ограждало бы его отъ возможности быть изгнаннымъ изъ жилища и произвело бы между нимъ и землевладѣльцемъ взаимную потребность другъ въ другѣ, не составляя однако-же безусловной зависимости; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовало бы установить правила пользованія отведенною крестьянамъ землею подъ хлѣбопашество на основаніяхъ, подобныхъ, но не совсѣмъ такихъ, какія въ Остзейскихъ провинціяхъ приняты въ послѣднее время для крестьянскихъ участковъ, составляющихъ Bauerland.“ Левшинъ полагалъ, что усадьбу крестьянинъ долженъ былъ пріобрѣсти покупкою (что представляло собой замаскированную форму выкупа личности), а также, что вводить новый порядокъ нужно постепенно, начавъ съ западныхъ губерній и губерній пограничныхъ, „болѣе подготовленныхъ къ принятію свободы“.

Во время путешествія Александръ II имѣлъ свиданіе съ королемъ Прусскимъ Вильгельмомъ и съ барономъ Гакстгаузеномъ, въ которыхъ онъ встрѣтилъ живое сочувствіе своему предпріятію. Въ Киссингенѣ Государь видѣлся съ Киселевымъ [1]), которому и далъ прочесть записки трехъ членовъ. Киселевъ высказался за сохраненіе крестьянской земли „въ полной и неотъемлемой

---

[1]) Киселевъ, благодаря интригамъ реакціонной партіи, недовольной его замѣчательной дѣятельностью, въ качествѣ устроителя быта госуд. крестьянъ, долженъ былъ подать въ отставку.

собственности крестьянъ“ и противъ выкупа личности, „хотя бы въ формѣ выкупа усадьбы“. Государь говорилъ Киселеву, что онъ не имѣетъ никого, кто бы ему помогъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и Киселеву показалось, „что Государь окончательно рѣшился продолжать дѣло освобожденія, но что его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія“.

Между тѣмъ комитетъ бездѣйствовалъ или занимался мелочами. Предсѣдатель комитета, въ отвѣтъ на записку Левшина, въ пылу спора ударилъ по столу кулакомъ и сказалъ, что онъ „скорѣе дастъ отрубить руку, чѣмъ подпишетъ освобожденіе крестьянъ съ землею“. Комитетъ, желая затянуть дѣло въ долгій ящикъ и ссылаясь на то, что необходимо быть осторожными и осмотрительными въ столь важномъ государственномъ дѣлѣ, порѣшилъ, что освобожденіе должно быть постепенное, по строго обдуманному плану. Когда Государь уѣхалъ за границу, комитетъ собирался крайне рѣдко, дѣйствовалъ вяло и послѣ десяти мѣсяцевъ своего существованія пришелъ къ тому, что весь порядокъ дѣйствій для освобожденія крестьянъ нужно раздѣлить на три періода: „пріуготовительный“, который долженъ былъ продолжаться по крайней мѣрѣ полстолѣтія, „переходный“ и „окончательный“, когда крестьяне получатъ личныя права и сдѣлаются совершенно свободными людьми. Планъ этотъ былъ поднесенъ Государю въ нѣсколько замаскированномъ видѣ, такъ что онъ принялъ его и утвердилъ 18 августа 1857 года. Государь надписалъ на немъ: „Исполнить; относительно же разногласія раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ ве-

сти это дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впередъ на ихъ помощь и *дѣятельное* участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса". Но по этой милостивой резолюціи нельзя судить о настоящихъ чувствахъ Государя. Безъ всякаго сомнѣнія, на него тяжело повліяли замедленія и глухія сопротивленія комитета; чтобы оживить его дѣятельность, онъ назначилъ въ члены комитета своего брата, Великаго Князя Константина Николаевича. Дѣло однако отъ этого не стало двигаться скорѣй, такъ какъ Константинъ Николаевичъ съ Блудовымъ, Ланскимъ и Чевкинымъ былъ въ комитетѣ въ меньшинствѣ и встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе въ другихъ членахъ [1]), а одинъ изъ членовъ, Муравьевъ, министръ государств. имуществъ, разъѣзжая по Россіи, увѣрялъ дворянство, что ничего не будетъ, что вопросъ этотъ выдумали люди, не имѣющіе недвижимой собственности, ученые, теоретики, поповичи и т. д. По словамъ Я. Соловьева, Орловъ, Долгорукій и др. по своимъ связямъ съ царскимъ домомъ и по своимъ придворнымъ привычкамъ не могли говорить такихъ дерзостей Великому Князю Константину Николаевичу и другимъ защитникамъ крестьянскаго дѣла, какія позволялъ себѣ говорить Муравьевъ, въ особенности за глаза [2]).

Къ счастью одно обстоятельство измѣнило положеніе

---

[1]) В. К. Константинъ Николаевичъ при Орловѣ не пользовался тѣмъ авторитетомъ, который онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи.

[2]) Государь не уважалъ Муравьева. Я. Соловьевъ. Русск. стар. 1882 года № 1, стр. 232.

вещей. Получены были отъ Назимова мнѣнія дворянства литовскихъ губерній, изъявлявшихъ, хотя уклончиво, готовность приступить къ освобожденію. Въ то время, когда секретный комитетъ разбиралъ докладъ Левшина объ этомъ предметѣ, пріѣхалъ самъ Назимовъ съ требованіемъ, чтобы „ему были даны наставленія, какъ дѣйствовать“, такъ какъ „безъ точныхъ указаній ему *неприлично* возвратиться въ свои губерніи“. Секретный комитетъ медлилъ. Но Государь, почти всякій день встрѣчаясь съ Назимовымъ и слыша постоянную жалобу, что „ему не дано отвѣта“, повелѣлъ, *втеченіе восьми дней дать отвѣтъ Назимову*. Отвѣчать долженъ былъ все тотъ же Левшинъ, въ помощники которому были присланы два чиновника (Лоде и Беклемишевъ). Общими усиліями была написана записка, которая и послужила основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ рескриптовъ губернаторамъ, рескриптовъ, составившихъ основу всего законодательства по крестьянскому вопросу.

Дѣло было представлено такимъ образомъ, будто дворяне, согласившись на предложеніе Ланского, ходатайствовали объ „освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сохранивъ неприкосновенными права помѣщиковъ на землю“.

Государь отнесся очень благосклонно къ этому ходатайству, тѣмъ болѣе, что оно соотвѣтствовало его планамъ и давало ему возможность принять болѣе рѣшительныя мѣры въ пользу крестьянскаго дѣла. Секретный комитетъ долженъ былъ волей-неволей обсудить заявленіе Литовскихъ дворянъ; но большинство его членовъ отнеслось отрицательно къ предложеніямъ помѣ-

щиковъ, и только меньшинство, состоявшее изъ Великаго Князя Константина Николаевича, Ланского, Ростовцева и Блудова, поддержало его. Это меньшинство хотѣло не только даровать крестьянамъ личную свободу, но и обезпечить имъ прочную осѣдлость. Государь примкнулъ къ меньшинству.

20-го ноября 1857 г. послѣдовалъ замѣчательный Императорскій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Назимова, который разрѣшалъ въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ образовать комитеты для разработки подробныхъ проектовъ и полагалъ въ то же время слѣдующія основанія реформы:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа, сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція.

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21 ноября 1857 г. сопровождало и дополняло Императорскій рескриптъ [1]). По словамъ этого документа, уничтоженіе крѣпостного права должно быть совершено не вдругъ, а постепенно; крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, которое не должно превышать 12 лѣтъ; вотчинная полиція оставляется помѣщику; крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляются мірскимъ сходамъ или мірскимъ судамъ, составленнымъ изъ крестьянъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщика. Что касается усадебной осѣдлости и пользованія извѣстнымъ количествомъ земли, то отношеніе только повторяло слова рескрипта и кромѣ того обращало вниманіе комитетовъ трехъ литовскихъ губерній на нѣкоторые менѣе важные пункты. О выкупѣ полевыхъ угодій, какъ въ рескриптѣ, такъ и въ отношеніи, ничего не говорилось.

Императорскій рескриптъ и отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ высказали либеральныя и въ то же время осторожныя намѣренія правительства, по мнѣнію котораго недостаточно было возвратить крѣпостному личную свободу; необходимо было дать освобожденному средства къ существованію и обезпечить взиманіе податей; необходимо было предупредить бродяжничество и бороться съ кочевыми наклонностями сельскаго населе-

---

[1]) По свидѣтельству Левшина, въ рескриптѣ Назимову изъ предосторожности были включены только тѣ статьи, которыя должны были остаться неизмѣнными; все прочее было отнесено въ наставленіе отъ имени министра внутр. дѣлъ.

нія посредствомъ прикрѣпленія ихъ къ землѣ и посредствомъ мѣстныхъ льготъ. Можно было достигнуть этихъ результатовъ, обезпечивъ крестьянину пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли, сохранивъ ему усадебную осѣдлость и развивъ общинное устройство. Таковы были основныя идеи реформы, которыя были впослѣдствіи нѣсколько измѣнены, согласно съ указаніями литературы и образованнѣйшихъ людей того времени.

Послѣ того какъ были посланы генералу Назимову рескриптъ и отношеніе, Ланской, съ Высочайшаго разрѣшенія въ одинъ день напечаталъ ихъ и разослалъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства всей Россіи. 20 Ноября утромъ Ланской приказалъ Мельникову (чиновн. м. в. д., служившій при Ланскомъ) напечатать отношеніе для разсылки по губерніямъ. По случаю праздника Мельниковъ не нашелъ работниковъ въ типографіи. Тогда Ланской (и въ этомъ его заслуга) приказалъ, во что бы то ни стало, къ вечеру доставить извѣстное число экземпляровъ. Къ вечеру все было напечатано и отослано по Николаевской желѣз. дор. съ товарнымъ поѣздомъ.

На другой день Ланской сказалъ Мельникову: „Вы, вѣроятно, удивлялись моей вчерашней торопливости; а вѣдь нынче ночью было мнѣ приказаніе помедлить, но я могъ отвѣчать, что уже поздно". Ночью 23 Ноября былъ напечатанъ еще циркуляръ, въ которомъ Ланской извѣщалъ, что помѣщики Литовскихъ губерній „признали необходимость освобожденія крестьянъ, и что это благородное намѣреніе доставило Его Императорскому Величеству особое удовольствіе". Копія съ

рескрипта и съ отношенія отъ 3 декабря были присоединены къ циркуляру на случай, еслибы дворяне другихъ губерній изъявили подобное желаніе [1]). На другой день члены комитета, спохватившись, хотѣли остановить циркуляръ, но было уже поздно.

Этотъ циркуляръ произвелъ сильное впечатлѣніе на просвѣщенные классы. Онъ ясно выражалъ волю Государя [2]), а сопровождавшіе его документы излагали основные принципы реформы.

Дворянство С.-Петербургской губерніи, благодаря непосредственному вліянію Императора, просило почти тотчасъ же дозволенія вступить на новый путь; оно представило при этомъ проектъ положенія о нѣкоторомъ улучшеніи быта крестьянъ. Императорскій рескриптъ отъ 5 декабря 1857 г., сопровождаемый отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, разрѣшая образованіе комитета, не соглашался съ проектомъ положенія и предлагалъ петербургскому дворянству „твердыя начала“ для развитія ихъ, примѣнительно къ разнымъ мѣстностямъ губерніи. На основаніи этихъ документовъ міръ могъ выкупать только усадебную осѣдлость, помѣ-

---

1) Нужно приписать Великому князю Константину Николаевичу счастливую мысль сдѣлать изъ циркуляра министра „общій вызовъ всему дворянству“.

2) Государь на аудіенціи съ тогдашнимъ воронежскимъ губернаторомъ Синельниковымъ говорилъ съ нимъ о рескриптѣ Назимова, причемъ сказалъ: *„я рѣшился дѣло это привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь*. См. Русская Старина Апр. 81 г. стр. 726 Я. Соловьевъ. Крестьянское дѣло.

щичья земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянамъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра; за пользованіе землей крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы или же платить помѣщику оброкъ; въ теченіе переходнаго періода крестьянинъ можетъ покинуть свою деревню только съ согласія общины и помѣщика; для каждой семьи необходимо отдѣлить часть земли, не нарушая этимъ общиннаго устройства; вотчинная полиція предоставляется помѣщику. Эти новые акты развивали предшествующіе рескриптъ и отношеніе, предназначая мірскому устройству болѣе важную роль и въ особенности устанавливая то положеніе, что пользованіе землей, уступленной крестьянамъ, должно быть вѣчнымъ.

Отношеніе министра было нѣсколько измѣнено въ угоду крѣпостниковъ: вмѣсто—„освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости“, сначала было: „къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ“; вмѣсто утвержденія, что крестьяне „пріобрѣтали права свободнаго состоянія, по взносѣ ими впродолженіи переходнаго срока выкупа за усадебную осѣдлость“, сказано было, что „права состоянія крестьянъ и права собственности на усадьбу пріобрѣтаются не иначе, какъ уплатой владѣльцу выкупа впродолженіи опредѣленнаго срока“. Кромѣ того введенъ былъ еще особый пунктъ, по которому размѣръ выкупа опредѣлялся оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, *но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ*.

9-го Декабря 1857 года представлялся государю петербургскій предводитель дворянства и всѣ уѣздные.

Императоръ сказалъ имъ между прочимъ слѣдующее: „генералъ-губернаторъ... объявилъ вамъ мою твердую волю. Мнѣ кажется, что правила, мной предначертанныя, не стѣснительны для обѣихъ сторонъ. Знаю, что будетъ много труда, но я надѣюсь на васъ и поручаю вамъ это дѣло. Надѣюсь, что вы примете въ немъ искреннее участіе и *обратите вниманіе ваше на классъ людей, заслуживающій, чтобы положеніе ихъ было правильно обезпечено*. Нельзя было медлить долѣе, должно было заняться теперь же этимъ предметомъ, *не отлагая его въ даль. Моя непремѣнная воля, чтобы это было исполнено*" [1]).

Послѣ опубликованія рескриптовъ и отношеній лица, не сочувствовавшія реформѣ, стали распространять слухи, что виленскія распоряженія правительства „послужили поводомъ къ разнымъ неблагонамѣреннымъ толкованіямъ, разсѣваемымъ между народомъ, относительно измѣненія существующаго порядка во владѣніи помѣщичьими имѣніями, и что правительство *принуждаетъ* дворянство къ освобожденію на началахъ, не подходящихъ къ условіямъ русской дѣйствительности. Въ комитетѣ началась недоброжелательная критика министерскихъ отношеній. Появилась реакціонная записка Ростовцева, находившагося въ это время подъ вліяніемъ Позена, съ цѣлью „исправить непрактичныя мѣры по виленскому генералъ-губернаторству. Съ цѣлью предотвратить мнимыя волненія крестьянъ въ комитетѣ предлагались реакціонные проекты о сильныхъ военно-полицейскихъ мѣрахъ (ге-

---

[1]) Я. Соловьевъ. Русск. Стар. 1881. X, стр. 31—32.

нералъ - губернаторства и военная уѣздная полиція), чтобы поставить всю Россію на военное положеніе. Ланскому было запрещено давать какіе либо циркуляры по крестьянскому дѣлу, если они не были составлены въ Главномъ Комитетѣ.

Все заставляло думать, что министерство внутреннихъ дѣлъ „оттѣснено и разбито".

Кромѣ того реакціонеры представили записку, наполненную невѣрными статистическими данными, съ цѣлью доказать, что „предпринятое преобразованіе опасно для государства", и что въ немъ „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи". Тамъ говорилось также, что „отпускъ хлѣба заграницу прекратится", и въ Россіи не будетъ хватать хлѣба для внутренняго потребленія. Шефъ жандармовъ лично подалъ эту записку Государю, но послѣ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ и обсужденія записки въ Главномъ комитетѣ, она была оставлена безъ послѣдствій.

Чтобы смягчить впечатлѣніе, произведенное отношеніями и циркуляромъ, и хотя немного успокоить Орлова, шефа жандармовъ, Муравьева и ихъ партію, Ланскимъ былъ посланъ еще особый конфиденціальный циркуляръ, въ которомъ министръ писалъ губернаторамъ: „Вамъ *не слѣдуетъ* употреблять *никакихъ настояній или внушеній*, кромѣ тѣхъ, кои положительно вамъ мною указаны". При этомъ Ланской просилъ написать откровенно о томъ впечатлѣніи, которое произвели рескрипты. По утвержденію Соловьева, циркуляръ этотъ сдѣлалъ то, что дворянство приняло оба рескрипта (Виленскій и Петербургскій) „за намѣреніе правительства произвести

опытъ освобожденія только въ двухъ мѣстностяхъ" и за нежеланіе распространить принятыя имъ начала для Литовскихъ губерній на остальныя мѣстности имперіи. Петербургская губернія, граничащая съ Финляндіей и Остзейскимъ краемъ и заселенная финскимъ племенемъ, не можетъ считаться коренной русской областью и потому, по мнѣнію крѣпостниковъ, не можетъ служить примѣромъ для центральныхъ губерній.

Вскорѣ получились письма предводителей дворянства и губернаторовъ, изъ которыхъ было видно, что только польскіе помѣщики выражали сочувствіе освобожденію крестьянъ, желавшіе этимъ заслужить довѣріе правительства и захватить дѣло освобожденія въ свои руки, подобно прибалтійскимъ помѣщикамъ.

А вотъ какія свѣдѣнія доставлялись изъ русскихъ губерній:

Рязанскій предводитель дворянства писалъ: „въ народѣ замѣтно тревожное ожиданіе. Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи (только два баталіона солдатъ) всѣ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ *станутъ во главѣ всякаго безпорядка*. (Государь подчеркнулъ послѣднія пять словъ и написалъ: „надѣюсь, этого не будетъ"). На земскую полицію разсчитывать невозможно. По его удостовѣренію въ Рязанской губ. много дворянскихъ семействъ „со своими крестьянами составляютъ одно семейство, *ѣдятъ за однимъ столомъ и живутъ въ одной избѣ*"..

Владимірскій предводитель сообщилъ, что первое впечатлѣніе на большинство дворянъ не могло не быть тя-

гостнымъ и грустнымъ. Изъ Ярославля, Калуги, Тамбова, Воронежа, Пскова, Владиміра, Симбирска, Курска, Казани получены извѣстія, что крестьяне надѣются на скорое освобожденіе, и поэтому поводу „предводители выражаютъ опасеніе за сохраненіе общественнаго спокойствія".

„Только изъ двухъ малорусскихъ и одной великорусской губерніи были получены отзывы болѣе или менѣе согласные съ видами правительства".

Ланской въ своемъ докладѣ Государю, подчеркнувъ заявленіе литовскихъ дворянъ и умолчавъ о неблагопріятныхъ отзывахъ, полученныхъ изъ русскихъ губерній, счелъ своимъ долгомъ добавить: „Беру на себя смѣлость выразить передъ В. И. В. сердечное удовольствіе, которое нельзя не чувствовать, видя, что важное и трудное дѣло, уничтоженіе крѣп. сост., начинается при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ всюду велась агитація противъ реформы... Въ петербургскихъ салонахъ говорилось противъ выкупа усадебной осѣдлости, говорилось, что „крестьяне будутъ купаться въ прудахъ помѣщиковъ, у которыхъ могутъ быть дочери невѣсты", что они не будутъ снимать шапокъ передъ помѣщикомъ. Изъ болѣе серьезныхъ возраженій нужно счесть то, что дарованіе усадебной осѣдлости образуетъ черезполосицу въ имѣніяхъ.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ комитетахъ начали обсуждать вопросъ о выкупѣ не только усадебной осѣдлости, но и полевой земли, то вскорѣ было запрещено разсуждать о выкупѣ всей земли. Это запрещеніе было сдѣлано противъ воли министерства внутреннихъ дѣлъ,

которое уже въ это время начало приходить къ мысли о необходимости выкупа всей земли.

Нижегородское дворянство первое изъ провинціальныхъ изъявило единодушное желаніе слѣдовать основаніямъ, „какія Его Величеству благоугодно будетъ указать“. Вмѣстѣ съ Орловскимъ оно получило разрѣшеніе учредить комитетъ „по крестьянскому дѣлу“.

Но дворянскія собранія другихъ губерній не выказали столько готовности. Въ февралѣ 1858 г. только 11 губерній отозвались на призывъ министерскаго циркуляра. Московское дворянство, скорое согласіе котораго было желательно, поддерживаемое Закревскимъ, другомъ Орлова, очень медлило вступить на путь, открытый императоромъ, и когда оно наконецъ рѣшилось на это, то представило оговорки, по которымъ можно было предвидѣть его дальнѣйшія предложенія, не согласовавшіяся съ общими основаніями, указанными правительствомъ [1]). Александръ II совсѣмъ не принялъ этихъ оговорокъ; приказъ о созваніи Московскаго дворянства, посланный тотчасъ-же, требовалъ учрежденія комитета, обязаннаго заняться, не теряя времени, составленіемъ проекта „на тѣхъ же главныхъ началахъ, которыя указаны дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ“.

3 февраля 1858 года было сдѣлано распоряженіе

---

1) Оно просило „всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя *комитетомъ* будутъ *признаны общеполезными для мѣстности Московской губерніи*“.

„о перепечатываніи во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ высочайшихъ рескриптовъ съ слѣдующими къ нимъ министерскими отношеніями и дворянскими адресами объ открытіи комитетовъ“. Дворянскіе адреса предназначались печатать съ особою цѣлью: крестьяне должны были знать, что къ освобожденію приступаютъ по инипіативѣ самихъ-же помѣщиковъ. По свидѣтельству Я. Соловьева, нѣкоторые адреса не могли служить къ успокоенію крестьянъ и потому ихъ не дозволялось печатать не только въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но и въ другихъ газетахъ [1]).

Въ другихъ губерніяхъ дворянство тоже сдѣлало критическія замѣчанія. Не отваживаясь открыто нападать на принципъ освобожденія и заслужить подобнымъ поведеніемъ непопулярность, нѣкоторыя дворянскія собранія отнеслись отрицательно къ средствамъ выполненія, которыя они какъ бы не понимали. Чтобы разбить эгоистическіе разсчеты, министръ внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи отъ 17 февраля 1858 г. къ губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя просили о разрѣшеніи учредить комитеты, поставилъ внѣ всякихъ обсужденій основные пункты реформы, которые были указаны въ рескриптѣ отъ 20 ноября. Признавая, что предшествующія отношенія не содержали подробной программы для сужденій комитетовъ, и что дворянство было свободно принять и представить проекты, которые оно найдетъ подходящими, правительство объявило, что изложенныя

---

[1]) Я. Соловьевъ. Крестьянское дѣло: Русск. Стар. 1881. X Стр. 13.

имъ главныя начала были фактомъ совершившимся и должны оставаться „неизмѣнными и неприкосновенными“, какъ обезпечивающія помѣщикамъ ихъ права поземельной собственности, а крестьянамъ прочную осѣдлость и надежныя средства къ существованію и къ исполненію своихъ обязанностей. „Только въ совокупномъ исполненіи этихъ основныхъ условій“, прибавляло отношеніе, „Россія будетъ имѣть залогъ спокойствія и довольства всѣхъ и каждаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ“. Императорскій рескриптъ, данный черезъ нѣсколько дней Кіевскому, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, настаивалъ на тѣхъ же началахъ.

Послѣ московскаго рескрипта періодъ колебанія прошелъ, и адреса начали поступать одинъ за другимъ; при этомъ, если въ адресѣ выражалась готовность приступить къ устройству быта крестьянъ на началахъ, указанныхъ правительствомъ, то рескриптъ былъ очень милостивъ. Онъ начинался словами: „принимая съ удовольствіемъ это (въ другихъ: всякое) доказательство“... я „*предоставляю*“ и т. д. Въ противномъ же случаѣ въ рескриптѣ писалось: „признавая необходимымъ, чтобы проектъ... я *повелѣваю*“.. и т. д.

Почти въ то же время правительство, чувствуя, что оно найдетъ въ печати могучаго союзника, а также и то, что самое широкое обсужденіе должно было разлить свѣтъ, разсѣять предразсудки и успокоить умы, дозволило печати съ большею свободою обсуждать мѣры, наиболѣе подходящія, чтобы привести къ доброму окончанію дѣло освобожденія. Различные органы печати и извѣстные писатели съ энтузіазмомъ превозносили ре-

форму. „Моралисты“, говоритъ г. Валласъ въ своемъ трудѣ о Россіи, „признали, что всѣ господствующіе пороки были продуктомъ крѣпостного права, что нравственный прогрессъ былъ невозможенъ въ атмосферѣ рабства; легисты утверждали, что произвольная власть помѣщиковъ надъ крестьянами не имѣла никакого прочнаго легальнаго обоснованія; экономисты выясняли, что свободный трудъ есть необходимое условіе промышленнаго и торговаго преуспѣянія; историки—философы доказывали, что нормальное историческое развитіе страны требуетъ немедленнаго уничтоженія этого устарѣлаго остатка варварскаго состоянія, а писатели сантиментальнаго и словоохотливаго типа предавались безконечнымъ изліяніямъ относительно братской любви, которую слѣдуетъ выказывать слабымъ и угнетеннымъ“.

Вотъ какимъ образомъ рисуетъ Скабическій это движеніе литературы: „При Александрѣ I цензурная реформа была чуть ли не первымъ дѣломъ правительства при самомъ вступленіи на престолъ молодого императора; теперь же, хотя въ свою очередь вопросъ о новомъ цензурномъ уставѣ былъ поднятъ въ самомъ началѣ царствованія, иныя болѣе важныя и существенныя реформы поглотили все вниманіе правительства, печать же почти цѣлое десятилѣтіе оставалась все при тѣхъ же тягостныхъ законахъ, при которыхъ она существовала при Николаѣ; если же и предпринимались кое-какія реформы въ этомъ отношеніи, то по большей части онѣ клонились не столько къ освобожденію прессы отъ прежнихъ узъ, сколько къ обузданію ея и введенію въ прежнія границы.

Тѣмъ не менѣе никогда ни до, ни послѣ того печать не была такъ либеральна и смѣла, никогда ей такъ много не допускалось, никогда не имѣла она такого рѣшающаго, почти господствующаго голоса въ русской жизни, какъ именно въ это достопамятное десятилѣтіе. Обойденная реформами, она затмила собою жалкую прессу эпохи Александра I, несмотря на то, что послѣдняя опиралась на либеральныя постановленія. И это очень понятно. Въ началѣ царствованія Александра I русская пресса находилась еще въ зародышѣ. Самый кругъ интеллигенціи въ это время былъ еще очень узокъ и, не простираясь вглубь общества, обнималъ собою одни верхи, сливки его. Верхи эти, увлеченные грандіозными событіями запада, смотрѣли на жалкую русскую прессу сверху внизъ и, поощряя ее, въ то же время питали къ ней высокомѣрное презрѣніе, и сама она безъ читателей, безъ умственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, находясь въ полной зависимости отъ великодушныхъ меценатовъ, по неволѣ была принижена, робка и ничтожна. Теперь же кругъ интеллигенціи значительно расширился, глубоко внѣдрился въ средніе слои общества, и пресса, богатая плеядою блестящихъ и образованнѣйшихъ талентовъ, опиралась на массу читающей публики. Когда послѣ крымской войны послѣдовалъ взрывъ реформеннаго энтузіазма, это было уже не увлеченіе кружка, а массовое движеніе чисто стихійное. Подобныя же стихійныя движенія имѣютъ то свойство, что они не только рушатъ всѣ воздвигаемыя имъ преграды, но увлекаютъ ихъ за собою, такъ что преграды обращаются иногда въ участниковъ движенія. То же случилось и въ раз-

сматриваемое нами время. Общее движеніе, увлекшее за собою прессу, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекло и значительную часть самихъ цензоровъ, и грозныя цензурныя постановленія конца сороковыхъ годовъ начали безцеремонно обходиться, а если и употреблялись какъ слѣпое орудіе со стороны наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ дореформенныхъ порядковъ, то возбуждали протесты и оппозицію въ либеральномъ мірѣ, и реакціонеры очень часто принуждены бывали отступать“. [1])

Низшее духовенство, стоявшее близко къ народу и жившее его интересами, не могло не отнестись сочувственно къ реформѣ. Извѣстно, что въ дореформенный періодъ было много случаевъ, когда оно оказывало поддержку крестьянамъ при ихъ столкновеніяхъ съ помѣщиками. Крѣпостное право тяжело отзывалось и на немъ: воля помѣщика давила не только крестьянъ, но и низшее духовенство, принижая и обезличивая его. Высшее духовенство въ большинствѣ было противъ реформы, хотя и среди него находились поборники освобожденія. „Преосвященный Григорій, епископъ Калужскій и Боровскій, привѣтствовалъ въ 1858 г. приступъ къ освобожденію крестьянъ. Архимандритъ при Казанской Духовной Академіи Іоаннъ, основываясь на посланіи первомъ къ Коринѳянамъ (VII. 20—23), доказывалъ, что крѣпостное право учрежденіе языческое и противорѣчитъ духу христіанства. Противъ этого воззрѣнія выступилъ Игнатій, епископъ Ставропольскій [2]).

---

[1]) Скабичевскій.—Очеркъ по ист. русской цензуры, стр. 390.

[2]) Джаншіевъ.—Изъ эпохи велик. реформъ. Изд. 4-ое стр. 38.

Митрополитъ Филаретъ, полагая, что правительство не справится „съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многіе по освобожденію крестьянъ", былъ противъ радикальной реформы; тѣмъ не менѣе въ рѣчи своей къ дворянамъ, сказанной въ годовщину восшествія на престолъ Александра II, онъ призываетъ ихъ объединиться въ одномъ желаніи общественнаго блага, пожертвовать личными интересами и внести свою долю силъ и частныхъ средствъ въ общее дѣло, чтобы имѣть право пользоваться огромными силами и могущественными средствами всего общества, указывая на то, что выгоды и преимущества нѣсколькихъ членовъ общества наносятъ ущербъ правамъ всѣхъ остальныхъ.

Эти наставленія не могли относиться ко всѣмъ привилегированнымъ. Значительная часть дворянства была воодушевлена самыми великодушными идеями и безкорыстно привѣтствовала реформу, которая должна была отнять у него часть его вліянія и его имущества. Нѣсколько крупныхъ помѣщиковъ присоединились къ открытымъ сторонникамъ уничтоженія крѣпостного права.

Надо добавить, что у нѣкоторыхъ дворянъ, проникнутыхъ западными идеями, политическія стремленія увеличивали ревность къ дѣлу освобожденія; они льстили себя надеждой, что освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ конституціи и предвозвѣщаетъ парламентское правленіе.

Какъ бы то ни было, правительство увидѣло не безъ удовольствія, что оно могло разсчитывать на поддержку печати и части дворянства. Это единодушное движеніе общественнаго мнѣнія было хорошимъ предзнаменова-

ніемъ и благопріятствовало преобразовательному теченію.

Императоръ нашелъ своевременнымъ обнародовать указъ отъ 8 января 1858 г. объ учрежденіи Главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, куда должны были поступать на окончательное разсмотрѣніе всѣ „постановленія и предположенія о крѣпостномъ состояніи". Комитетъ учреждался въ непосредственномъ вѣдѣніи Государя и подъ его предсѣдательствомъ. Въ составъ этого комитета вошли: предсѣдатель государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, князь Орловъ, съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ въ отсутствіе государя, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, графъ Блудовъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, Ланской, баронъ Корфъ, графъ Панинъ, князь Долгоруковъ, Чевкинъ, Муравьевъ, Брокъ и генералъ-адъютантъ Ростовцевъ.

Комитетъ приступилъ къ дѣлу. Прежде всего онъ открылъ дворянскіе губернскіе комитеты. Созваніе верховной властью дворянскихъ комитетовъ было замѣчательнымъ актомъ эпохи реформъ—правительство обращалось за содѣйствіемъ общества въ важномъ дѣлѣ государственнаго переустройства. Въ то время дворянство сосредоточивало въ себѣ почти всю образованность русскаго общества и выдвинуло цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни.

Комитетъ счелъ необходимымъ издать программу занятій дворянскихъ собраній, призванныхъ въ различныхъ губерніяхъ для улучшенія быта крестьянъ.

Эта программа имѣла цѣлью точно опредѣлить обязанности, возложенныя на дворянскіе комитеты (ихъ было 48), и сообщить всей имперіи однородное направленіе въ этой обширной работѣ — единственное средство для достиженія удовлетворительныхъ результатовъ. Комитеты должны были заниматься изысканіемъ способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, и составленіемъ общаго положенія.

Сначала проектъ программы былъ составленъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Соловьевымъ. Этотъ проектъ не шелъ далѣе положеній 19 февраля, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовалъ значительно меньшаго. Несмотря на всю умѣренность его, „охранительная партія всполошилась“ и заговорила о разореніи помѣщиковъ и попраніи дворянскихъ правъ. Благодаря такой агитаціи, проектъ не только не былъ принятъ, но былъ причисленъ къ запрещеннымъ статьямъ и читался, какъ запрещенная книга заграничнаго изданія. За составленіе новаго проекта взялся Ростовцевъ. Для подготовки къ этой работѣ онъ уединился на нѣкоторое время, переселившись со всѣми бумагами и документами на станцію петербургско-московскаго шоссе, Померанье.

Нужно сказать, что въ Главномъ комитетѣ Ростовцева окружили люди, которые не сочувствовали освобожденію и вели себя двусмысленно. Понятно, что они сочли своимъ долгомъ запутать въ свои сѣти этого во всякомъ случаѣ прямого и честнаго человѣка, который сразу не могъ оріентироваться въ незнакомой ему обла-

сти и бродилъ въ потемкахъ, тщетно добиваясь истины. Къ людямъ противуположнаго лагеря, которые могли быть ему полезны своей опытностью и знаніями, онъ не рѣшался обращаться.

На помощь Ростовцеву въ его работахъ реакціонная партія рекомендовала ловкаго дѣльца М. Позена. „Сначала“, говоритъ Ростовцевъ, „споры мои съ М. П. довели было насъ до разрыва, что извѣство было Государю и Орлову“. Но ловкій дѣлецъ скоро завоевалъ довѣріе Ростовцева... Позенъ при содѣйствіи Муравьева составилъ программу, истинныя цѣли которой были искусно скрыты отъ Ростовцева. Позенъ утверждалъ, что, согласно проектамъ, крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положенія, не ожидая выкупа своей усадьбы, такъ какъ это отсрочило бы его освобожденіе на долгое время. Съ другой стороны, по его словамъ, крестьянину предоставлено право безсрочнаго пользованія усадьбой, выкупъ поставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ. На самомъ же дѣлѣ составитель программы имѣлъ въ виду или вновь закрѣпостить крестьянъ подъ другимъ названіемъ „срочно-обязанныхъ“ крестьянъ или же освободить ихъ безъ земли. Въ первомъ случаѣ уставъ заключалъ бы всѣ подробности срочно-обязаннаго положенія, во второмъ — правила о вольномъ наймѣ работниковъ по контрактамъ. Ростовцевъ, вполнѣ повѣривъ Позену, писалъ къ Оболенскому о результатахъ своихъ работъ съ Позеномъ (18 октября 1858 г.) слѣд.: „программа далеко подвинула впередъ вопросъ и благодѣтельна для крестьянина“. Извѣстно, что уже въ ноябрѣ

Ростовцевъ „сомнѣвался въ достоинствахъ програмы". Дѣйствительно, по словамъ Соловьева, программа „хотѣла 1) похоронить крестьянское дѣло въ морѣ бумагъ, какъ это дѣлалось въ предыдущее царствованіе, или же 2) создать срочно-обязанное положеніе, или же, въ крайнемъ случаѣ, 3) освободить крестьянъ безъ земли.

Занятія дворянскихъ комитетовъ подраздѣлялись на а) предварительныя, когда должны были собираться свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ и происходить уѣздныя совѣщанія; послѣднія должны были касаться только способовъ исполненія основныхъ началъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда,—и на в) окончательныя, когда должны были составляться общій сводъ всѣмъ свѣдѣніямъ и мнѣніямъ, полученнымъ изъ уѣздовъ, и самый проектъ положенія. Всѣ работы должны были закончиться въ шестимѣсячный срокъ.

Губернскіе комитеты не только должны были составить проекты положеній, но и привести это въ дѣйствіе. Помѣщики же должны были примѣнять положенія къ своимъ имѣніямъ и объявлять объ этомъ своимъ крестьянамъ.

Въ дворянскихъ комитетахъ смѣлое либеральное меньшинство высказывалось за радикальную реформу, между тѣмъ какъ большинство шагъ за шагомъ отстаивало свои привилегіи. „Борьба сопровождалась взаимною ненавистью и озлобленіемъ; не обходилось безъ брани, угрозъ и кулаковъ. Такъ, напримѣръ, въ комитетахъ рязанскомъ, тульскомъ и самарскомъ члены отъ правительства, Кошелевъ, князь Черкасскій и Самаринъ были доведены

до крайняго положенія. А. И. Кошелевъ принужденъ былъ обратиться къ правительству за помощью, и большинству рязанскаго комитета былъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ. Самаринъ вначалѣ былъ до того тѣснимъ большинствомъ, что вынужденъ былъ завестись револьверомъ и окружить себя тѣлохранителями изъ своихъ дворовыхъ. Его рѣшительность обезоружила его противниковъ, которые, наконецъ, оставили его въ покоѣ. Кн. Черкасскій на губернскихъ выборахъ, послѣдовавшихъ вскорѣ по закрытіи тульскаго комитета, подвергся большимъ непріятностямъ и съ трудомъ выбрался изъ залы, едва не понеся побоевъ“ [1]).

Какъ слѣдствіе этихъ разнородныхъ стремленій, происходили многочисленные инциденты; обсужденія затягивались, враждебность и недоброжелательство вооружались бездѣйствіемъ, все предсказывало, что шестимѣсячный срокъ, назначенный комитетомъ для разработки ихъ проектовъ, истечетъ, не давъ никакихъ результатовъ.

4 марта 1858 г. былъ открытъ земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земскохозяйственнаго устройства въ имперіи. Это учрежденіе оказало важную услугу дѣлу освобожденія, благодаря назначенію туда Милютина и Соловьева. Всѣ проекты дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, записки, памфлеты проходили черезъ ихъ руки и получали освѣ-

---

[1]) Иванюковъ.—Паденіе крѣп. права въ Россіи. стр. 170.

щеніе на основаніи богатыхъ статистическихъ и фактическихъ данныхъ, которыми располагало это отдѣленіе. Всѣ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ предварительно обсуждались въ этомъ отдѣлѣ, такъ что Ланской находилъ въ этомъ учрежденіи незамѣнимую точку опоры.

Реакціонная партія, сообразивъ, какое важное значеніе имѣетъ предварительное разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ Ланскимъ, рѣшила ограничить его въ этомъ отношеніи. Съ этою цѣлью 15 Іюля 1858 г. изъ Главнаго комитета была выдѣлена особая комиссія изъ 4 членовъ: Ланского, гр. Панина, Муравьева и Ростовцева, для разсмотрѣнія проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, частныхъ проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ и для составленія положенія для всей Россіи. Комиссія могла приглашать въ свои засѣданія членовъ, командированныхъ губернскими комитетами для полученія всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, объясненій и справокъ [1]).

Работа предстояла огромная, и врядъ ли четыре человѣка могли съ ней справиться. Тогда у Ростовцева явилась мысль о преобразованіи особой комиссіи при Главномъ комитетѣ въ такъ называемыя „редакціонныя комиссіи“, съ большимъ числомъ членовъ. Въ эти комиссіи предполагалось пригласить „членовъ экспертовъ изъ дворянъ—помѣщиковъ, не состоявшихъ въ государственной службѣ, заявившими себя такъ или иначе

---

1) Я. Соловьевъ называетъ этотъ періодъ „плѣненіемъ“ министра. вн. д.

работами по крестьянскому дѣлу“. Въ этихъ лицахъ реакціонеры думали найти людей, не сочувствовавшихъ реформѣ, да никто въ то время и не предполагалъ, чтобы комитеты могли выбрать людей, сколько нибудь либеральныхъ.

Люди, сочувствовавшіе реформѣ, переживали тяжелыя минуты; никто не надѣялся на возможность благопріятнаго исхода дѣла. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, видя охлажденіе къ себѣ Государя, уѣхалъ за границу. При своемъ отъѣздѣ онъ сказалъ Ланскому, намекая на особую комиссію при Главномъ комитетѣ: „Ну, Сергѣй Степановичъ, на этой тройкѣ вы далеко не уѣдете“.

20 іюня 1858 г. былъ изданъ указъ относительно удѣльныхъ крестьянъ. На основаніи его удѣльные крестьяне могли въ будущемъ „пріобрѣтать въ собственность отъ лица своего и другихъ сословій ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя свои земли“, безъ согласія департамента удѣловъ; переходить, какъ казенные крестьяне, въ сословіе купцовъ и мѣщанъ. Они получили право совершать всѣ обязательства, договоры и духовныя завѣщанія, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ. Однимъ словомъ, указъ, уничтожая всѣ ограниченія, установленныя для удѣльныхъ крестьянъ прежними законами, давалъ имъ права, какими пользовались другія свободныя сословія имперіи.

Несмотря на всѣ препятствія, вопросъ объ освобожденіи сдѣлалъ огромный шагъ впередъ. Указъ отъ 20 іюня произвелъ на дворянъ, какъ на сторонниковъ, такъ

и на противниковъ реформы, сильное впечатлѣніе. Онъ выражалъ непоколебимое рѣшеніе Императора и не допускалъ никакихъ недоразумѣній. Это былъ одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ актовъ, которые не допускаютъ ни уклоненій въ сторону, ни поворота назадъ.

Дворяне, относившіеся враждебно къ освобожденію, сдерживаемые однако общественнымъ мнѣніемъ и указами Императора, должны были скрывать свое недовольство и дѣлать видъ, что они принимаютъ участіе въ общемъ воодушевленіи. Но они только ждали случая, чтобы проявить свое несочувствіе. Они вздумали было прибѣгнуть къ старому средству—къ запугиванію. Каждое незначительное столкновеніе крестьянъ съ помѣщиками раздувалось въ крупную исторію, соотвѣтственно этому писались и доклады. Болѣе или менѣе сильное волненіе произошло въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ крестьяне арендовали землю у помѣщиковъ, причемъ взаимныя отношенія ихъ не были опредѣлены закономъ; помѣщики позволяли себѣ разныя злоупотребленія, брали, напримѣръ, оброкъ за всю крестьянскую арендную землю, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣли право распоряжаться только частью ея, и т. п. Такое положеніе вещей отражалось гибельно на крестьянахъ, и правительство приняло мѣры, имѣвшія цѣлью опредѣлить часть земли, которая должна окончательно принадлежать арендаторамъ. Это рѣшеніе, вполнѣ благопріятное для земледѣльцевъ, было невѣрно перетолковано и, безъ всякаго сомнѣнія, извращено. Около половины 1858 г. въ Эстляндіи произошли безпорядки, для прекращенія которыхъ потребовалось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Этимъ

неважнымъ, чисто мѣстнымъ волненіемъ, не имѣвшимъ къ тому же никакого отношенія къ преобразованіямъ собственно въ Россіи, хотѣли воспользоваться противники освобожденія. Указывая на этотъ фактъ, они выражали свои опасенія передъ тѣми безпорядками, которые могутъ произойти вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ; они надѣялись поколебать рѣшеніе Государя, думая, что отсрочка реформы еще возможна.

Чтобы предупредить подобные алармистскіе пріемы, Ланской сталъ систематически докладывать Государю о всѣхъ безпорядкахъ и волненіяхъ въ Россіи, причемъ выяснилось, что никогда крестьянская масса не была такъ спокойна, какъ именно въ это время; случаи убійствъ помѣщиковъ и поджоговъ совершенно прекратились. Это объясняется тѣмъ, что дѣйствіямъ правительства была дана широкая гласность, и народъ, зная, что высшія сферы серьезно озабочены изысканіемъ средствъ для улучшенія его быта, ждалъ терпѣливо предстоящихъ перемѣнъ. Если же и были безпорядки, то они вызывались, главнымъ образомъ, несправедливыми дѣйствіями помѣщиковъ.

На основаніи доклада Ланского можно сказать, что втеченіи 4-хъ мѣсяцевъ (отъ 1 марта 1858 по 1 іюля) было 70 случаевъ неповиновенія въ 26 губерніяхъ. Почти всѣ ограничивались предѣлами одного имѣнія. Только въ 9 потребовалось содѣйствіе военной команды. Были выяснены и причины безпорядковъ, а именно: притѣсненія крестьянъ, недостатокъ земли, неумѣстныя распоряженія, дурное управленіе и наконецъ (10%) насильственное переселеніе крестьянъ помѣщиками. Дѣло

въ томъ, что многіе помѣщики, услышавъ о возможности освобожденія крестьянъ съ землей, всѣми способами стремились отъ нихъ отдѣлаться. Однимъ изъ такихъ способовъ была ссылка крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Кошанскій, уѣздный предводитель дворянства, (Владим. губ.) сослалъ всѣхъ своихъ крестьянъ въ Сибирь, а то мѣсто, гдѣ была деревня, запахалъ и засѣялъ хлѣбомъ. По Высочайшему повелѣнію крестьяне были возвращены съ дороги и водворены на старыя мѣста насчетъ Кошанскаго. Подобные факты въ высшей степени возмущали Александра II.

Прибѣгали также и къ иному способу: населенное имѣніе закладывали, но безъ крестьянъ. Послѣ просрочки земля подлежала продажѣ, а обезземеленные [1]) крестьяне оставались по прежнему собственностью владѣльца.

Неудивительно послѣ этого, если крѣпостники предлагали чрезвычайныя мѣры, для подавленія ожидаемаго бунта. Противъ всѣхъ подобныхъ мѣръ и ратовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ запискѣ, написанной для него Арцимовичемъ, который только что вернулся изъ Сибири подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ административной неурядицы въ этой отдаленной окраинѣ, говорилось слѣдующее: „народъ вѣритъ правительству, и для послѣдняго нѣтъ необходимости становиться въ оборонительное положеніе; напротивъ, оно имѣетъ всѣ поводы держаться законнаго способа дѣйствій, когда народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ рас-

---

[1]) Къ 1 маю 1859 года у помѣщиковъ были отняты правительствомъ всѣ способы обезземеленія крестьянъ.

поряженіямъ правительства. Установленіе чрезвычайнаго надзора даетъ поводъ предполагать о недовѣріи, что вызоветъ подобное же чувство народа къ правительству" [1]). Заканчивалъ Ланской свой докладъ слѣд. словами: „спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства".

На этой запискѣ Государь собственноручно написалъ, что онъ неувѣренъ въ спокойствіи крестьянъ, что они навѣрное разочаруются, получивъ не ту свободу, которой ожидаютъ, что попытки успокоить правительство дѣлаются людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т. е. ниспроверженія законнаго порядка.

Ланской рѣшилъ подать въ отставку. Великая княгиня Елена Павловна, не теряя времени, отправилась къ Императрицѣ и разсказала о недовольствѣ Государя Ланскимъ. Императрица приняла участіе въ Ланскомъ и ходатайствовала за него передъ Государемъ.

Послѣ этого Государь встрѣтилъ Ланского очень ласково и обнялъ его.

Такимъ образомъ идея о военныхъ генералъ-губернаторствахъ была оставлена [2]). Отсюда видно, что прогрес-

---

[1]) Соловьевъ. Крестьянское дѣло. Русск. Старина. 1882. Стр. 580. Мартъ.

[2]) Какъ извѣстно, 19 февраля 1861 года для объявленія воли были назначены особые флигель-адъютанты. Вотъ что осталось отъ грандіознаго проекта поставить Россію на военное положеніе.

сивная партія вновь почувствовала почву подъ ногами. 27 іюля 1858 г. случился еще одинъ инцидентъ, который наполнилъ надеждой поборниковъ реформы. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ комитетѣ создалось большинство, руководимое нѣкимъ Пятовымъ, которое высказалось за *выкупъ личности*. По этому случаю Ланской представилъ докладъ и предлагалъ: 1) устранить всякое сужденіе о выкупѣ личности; 2) всѣ постановленія комитета считать недѣйствительными; 3) членамъ сдѣлать выговоръ, а Пятова исключить изъ состава комитета; 4) предложить губернатору открыть новый комитетъ. Государь утвердилъ докладъ и велѣлъ передать Главному комитету для свѣдѣнія. Реакціонеры были въ высшей степени ошеломлены, т. к. это для нихъ было неожиданностью.

Лѣтомъ того же года, нѣкто Серно-Соловьевичъ отправился въ Царское Село и, дождавшись выхода Государя изъ дворца, подалъ ему записку, въ которой утверждалъ, что члены Главнаго Комитета весьма мало сочувствуютъ крестьянскому дѣлу. Александръ II написалъ на запискѣ одобрительный отзывъ и велѣлъ Орлову благодарить автора. Орловъ долженъ былъ встрѣтить Серно-Соловьевича съ распростертыми объятіями и объявить ему о монаршей милости [1]).

Между тѣмъ, работа въ комитетахъ подвигалась медленно...

Необходимо было дѣйствовать, побѣдить глухія со-

---

[1]) Соловьевъ. Русск. Старина. 1882 г. Май, стр. 410.

противленія и ускорить ходъ работъ въ комитетахъ. Съ этой цѣлью Императоръ предпринялъ въ сентябрѣ 1858 г. путешествіе въ великорусскія губерніи. Во всѣхъ городахъ его привѣтствовали депутаціи отъ дворянъ. Въ Твери Государь, обратясь къ дворянамъ, поблагодарилъ ихъ за готовность „всегда содѣйствовать общему благу" и сказалъ, что поручаетъ имъ важное дѣло—дѣло крестьянъ.

„Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ", продолжалъ Государь, „поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ; обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобы было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ... Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ черезъ министровъ на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ... Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе—убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать". Въ Нижнемъ Новгородѣ Государь сказалъ, что задача дворянъ привести въ равновѣсіе частные интересы съ общимъ благомъ. „Между тѣмъ я слышу съ сожалѣніемъ, прибавилъ Государь, что между вами воз-

никли личности [1]), а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ: я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ". Въ Москвѣ Царь высказалъ дворянству заслуженное порицаніе въ слѣдующихъ словахъ: „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ я не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы... Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны мною рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія — не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно... Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для своей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія".

---

[1]) Губернаторъ Муравьевъ (бывшій декабристъ) хотѣлъ ускорить работу въ комитетѣ; послѣдній же не хотѣлъ или не могъ исполнить его требованій и давалъ неприличныя и грубыя объясненія. Муравьевъ за 2 недѣли до пріѣзда государя сдѣлалъ въ Петербургъ донесеніе, что комитетъ по крестьянскому дѣлу не слушается его указаній, бездѣйствуетъ, не исполняетъ своихъ обязанностей.

Въ различныхъ губерніяхъ, черезъ которыя проѣзжалъ Государь, онъ обращался къ депутаціямъ отъ дворянъ съ убѣдительною рѣчью, полной благородства и твердости. Въ то же время онъ объявилъ имъ, что, желая дать дворянству гарантіи, онъ рѣшилъ, что каждый Губернскій комитетъ можетъ посылать въ Петербургъ двухъ делегатовъ, уполномоченныхъ отстаивать и защищать передъ Главнымъ комитетомъ проекты и интересы своихъ довѣрителей.

Путешествіе Государя по Россіи послужило на пользу крестьянскому дѣлу, такъ какъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что дворянская оппозиція не такъ сильна, какъ ее старались ему представить. Съ другой стороны Государь видѣлъ людей, свято ратовавшихъ за дѣло освобожденія, видѣлъ эту сѣрую массу, о судьбѣ которой шла рѣчь, ея восторгъ при видѣ своего избавителя... И онъ почувствовалъ почву подъ ногами.

Поѣздка по Россіи дала ему новыя силы для борьбы.

По возвращеніи своемъ изъ путешествія, Александръ II сказалъ Ланскому: „мы съ вами начали крестьянское дѣло,—пойдемъ до конца рука объ руку“. Муравьеву и Буткову Царь сдѣлалъ выговоръ за невѣрные слухи, распространяемые ими.

Въ Императрицѣ Царь нашелъ поддержку и сочувствіе. Она говорила: „de tous ces messieurs il n'y avait que le compte Kisseleff, qui avait étudié cette question et qui la désirait sincèrement“ [1]). Да и вообще она симпатизировала сторонникамъ реформы и негодовала

[1]) Я. Соловьевъ. Русск. Старина. 1882 г. Октябрь, стр. 140.

на пріемы, къ которымъ прибѣгали реакціонеры. Такъ, когда ей представили Милютина, то она сказала ему: „Même pendant que l'empereur faisait ses discours à la noblesse pour l'engager à travailler, il y avait un personnage officiel qui trippotait contre nous“ [1]).

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ уже вскорѣ послѣ виленскаго рескрипта выдвинулись взгляды Велико-княжескаго кружка Елены Павловны и Константина Николаевича. Умѣренная партія и умѣренные сторонники реформы, какимъ былъ, напримѣръ, Левшинъ, сильнымъ потокомъ были снесены въ сторону. Ланской быстро поддался вліянію Милютина, который и былъ назначенъ исполняющимъ должность товарища министра (Апр. 1859 года), послѣ того какъ Левшинъ, потерявъ всякое вліяніе на Ланскаго, подалъ въ отставку. Извѣстно, что Государь долго колебался, прежде чѣмъ согласился на назначеніе Милютина товарищемъ министра, считая его краснымъ.

Журналы всей Европы, такъ же какъ и русская печать, воздавали похвалу иниціативѣ Александра II, и превозносили его великодушныя намѣренія и энергію, которую онъ влагалъ въ такое святое дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ.

Несмотря на вмѣшательство Императора, произошли прискорбныя замедленія. Въ началѣ 1859 г. только 11 комитетовъ закончили свои работы. Другія дворянскія собранія были настороже и продолжали свои засѣданія, не предлагая никакихъ проектовъ.

---

[1]) Ibid.

Между тѣмъ вопросъ объ освобожденіи назрѣлъ. Общественные органы смѣло вступили на путь свободнаго обсужденія, открытый Императоромъ. Они сначала разбирали самыя противорѣчивыя рѣшенія, излагали самыя разнородныя системы. Мало по малу истина выяснилась; общіе принципы, которые должны были руководить реформой, выдѣлились во всей своей рельефности. Самые популярные писатели восхваляли намѣренія правительства и оказывали ему содѣйствіе своимъ вліяніемъ. Журналы и газеты горячо и безъ устали защищали дѣло прогресса. Они стали проповѣдовать идеи, еще болѣе благопріятныя для крѣпостныхъ, чѣмъ императорскіе рескрипты и отношенія министра внутреннихъ дѣлъ. Постепенное освобожденіе съ удержаніемъ привилегій дворянства, выкупъ усадебной осѣдлости при пользованіи частью полевой земли, утверждали они, не отвѣчало въ довольно широкой мѣрѣ нуждамъ русскаго народа, не достаточно обезпечивало дѣло обновленія. Въ концѣ 1858 г. и въ первыхъ мѣсяцахъ 1859 г. они проводили мысль о необходимости немедленнаго освобожденія, полнаго уничтоженія помѣщичьей власти и въ особенности дарованія земельнаго надѣла, который обратилъ бы крѣпостныхъ въ собственниковъ.

Только на этихъ основаніяхъ, говорили они, возможно создать прочное и плодотворное дѣло и предупредить гибель такой важной соціальной реформы.

Такое поведеніе печати тревожило дворянство и сообщало болѣе страстный характеръ дѣятельности собраній. Нѣкоторые комитеты, относившіеся вначалѣ враждебно къ проекту правительства, присоединились

къ нему, во избѣжаніе болѣе важныхъ жертвъ. Но во многихъ губерніяхъ сопротивленія не были побѣждены, и привилегіи находили горячихъ защитниковъ. Съ другой стороны разногласіе проникло въ центръ Главнаго комитета; поведеніе членовъ комитета было таково, что искреннѣйшій поборникъ освобожденія крестьянъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, не могъ сдержать своего негодованія, вышелъ изъ себя, что и было причиной его временнаго удаленія.

Между тѣмъ идея выкупа мало по малу начала пріобрѣтать себѣ сторонниковъ среди дворянства. Да и не удивительно, большинство имѣній было заложено, дворяне были въ долгу и очень нуждались въ деньгахъ. Нижегородское дворянство первое высказалось за выкупъ; за нимъ послѣдовало ковенское дворянство, но, какъ то, такъ и другое получило отказъ.

Вскорѣ послѣ этого въ земскій отдѣлъ поступили три частныхъ предложенія о выкупѣ: отъ варшавскаго банкира Френкеля и заграничнаго Гомберга, а также отъ молодаго флигель-адъютанта, графа Бобринскаго. Проекты Френкеля и Гомберга преслѣдовали одинъ коммерческій интересъ и съ этой точки зрѣнія были не особенно приложимы къ русской жизни. Проектъ же Бобринскаго, который предлагалъ за землю, уступленную крестьянамъ въ количествѣ $2^{1}/_{2}$ десятинъ на душу, отдать помѣщикамъ всѣ казенные лѣса и земли, пришелся очень многимъ по вкусу и, такъ сказать, раздѣлилъ придворныя сферы на два лагеря. Этотъ инцидентъ позволилъ министру внутреннихъ дѣлъ высказать свою точку зрѣнію.

Дѣло въ томъ, что раньше государь всегда откло-

нялъ вопросъ о выкупѣ, а теперь заинтересовался имъ и пожелалъ узнать мнѣніе министра. Съ другой стороны царь приказалъ переговорить Бобринскому съ Муравьевымъ. Муравьевъ сказалъ Бобринскому довольно фамильярно: „знаете что, графъ, бросьте вы это дѣло, а если вамъ и вашимъ пріятелямъ нужны деньги для эмансинаціи, то мы, пожалуй, найдемъ для васъ милліончикъ“. Бобринскій разсказалъ объ этомъ при дворѣ и Государю, и въ этомъ его большая заслуга. Александръ II совершенно пересталъ вѣрить въ искренность намѣреній реакціонеровъ. Вскорѣ послѣ этого инцидента начали поступать ходатайства о выкупѣ изъ Новгорода, Самары, Владиміра... А калужскій комитетъ еще далѣе развилъ вопросъ, войдя съ ходатайствомъ „о содѣйствіи выкупу со стороны правительства“.

11 марта 1859 года было повелѣно составить проектъ о выкупѣ. Чтобы ускорить дѣло, царь рѣшилъ довѣрить задачу, вначалѣ порученную Главному комитету, людямъ, всецѣло преданнымъ дѣлу освобожденія, которые должны были получать непосредственно его инструкціи. Проекты Милютина и Ростовцева объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій, по существу мало отличавшіеся между собой, были одобрены Государемъ. Въ убѣжденіяхъ Ростовцева произошла существенная перемѣна. Эта перемѣна можетъ быть объяснена могучимъ духомъ того времени, которое завоевалъ самыя реакціонныя натуры. Повинуясь волѣ Государя, Ростовцевъ употреблялъ всѣ усилія, что бы добраться до истины въ той области, которая ему была незнакома. Совершивъ громадный трудъ, познакомившись съ самымъ

разнообразнымъ матеріаломъ по крестьянскому дѣлу, онъ значилельно расширилъ свой кругозоръ. Возвратившись изъ своего уединенія (Померанье), Ростовцевъ говорилъ: „усадьба для крестьянина конфетка, а ему нуженъ и хлѣбъ“. Отсюда видно, насколько Ростовцевъ опередилъ Левшина въ своихъ воззрѣніяхъ. 17 февраля 1859 г. былъ изданъ указъ объ учрежденіи двухъ Редакціонныхъ комиссій для составленія общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, при чемъ вопросы общаго характера должны были рѣшаться въ первой комиссіи, а мѣстнаго, при содѣйствіи членовъ—экспертовъ (частныхъ лицъ), во второй комиссіи. Государь назначилъ предсѣдателемъ и начальникомъ обѣихъ Редакціонныхъ комиссій генералъ-адъютанта Ростовцева. Когда князь Орловъ сообщилъ Ростовцеву о высочайшей резолюціи, Яковъ Ивановичъ (Ростовцевъ) отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ: „Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ комиссій составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, „если только я буду на это согласенъ“, какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю я не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

„Съ молитвою“ къ Богу, чтобъ онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя.

„Съ благоговѣніемъ“ къ Государю, удостоившему меня такого святого призванія.

„Со страхомъ“ передъ Россіей и передъ потомствомъ, съ „чувствомъ долга“ передъ моей совѣстью.

Да простятъ мнѣ Богъ и Государь, да простятъ мнѣ Россія и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по моимъ силамъ, но чувство долга говоритъ мнѣ, что ношу эту не поднять я не вправѣ.

Этотъ отзывъ мой на призывъ Государя почтительнѣйше прошу Васъ повергнуть передъ Его Императорскимъ Величествомъ, создающимъ въ Россіи „народъ", котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало".

На письмѣ этомъ Царь написалъ: „Искренно благодарю, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу. Къ благороднымъ чувствамъ его я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать мое довѣріе и мои надежды" [1]).

Предсѣдателю было предоставлено широкое право приглашать сотрудниковъ по его усмотрѣнію; впрочемъ, назначеніе чиновниковъ различныхъ министерствъ должно было состояться по соглашенію предсѣдателя съ министрами и доведено до свѣдѣнія Государя. Ростовцевъ удачно выполнилъ свою задачу: Редакціонная комиссія блистала талантами, знаніями, умомъ. Это особенно живо чувствовалось, когда членамъ ея приходилось вести пренія съ представителями реакціоннаго большинства губернскихъ комитетовъ. Редакціонныя комиссіи, если не считать предсѣдателя, состояли изъ 35 членовъ, изъ которыхъ 18 были члены—эксперты [2]). Комиссіи представляли

---

[1]) Я. А. Соловьевъ. Русск. Стар. 1881 г., II, 331.

[2]) Непремѣнными членами назначены были слѣдующія лица: Я. Соловьевъ, С. Жуковскій, А. Гирсъ, Н. Милютинъ, М. Любощинскій, Н. Семеновъ, Н. Калачевъ, В. Булыгинъ, Н. Павловъ, И. Арапетовъ. Членами экспертами,—изъ либеральнаго меньшинства

собой отдѣльное временное государственное учрежденіе, которое фактически находилось въ непосредственномъ вѣдѣніи Государя. Эти комиссіи носили своеобразный характеръ: благодаря присутствію въ нихъ свѣжихъ общественныхъ силъ, онѣ были далеки отъ типа бюрократическихъ канцелярій; каждый вопросъ подвергался коллективному свободному обсужденію; всѣ дѣла и спорные вопросы рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ; члены, не согласившіеся съ мнѣніемъ большинства, могли подавать предсѣдателю отдѣльныя мнѣнія для передачи на разсмотрѣніе въ комиссію Главнаго комитета. Да и самое предстоящее дѣло было такъ сложно, требовало столькихъ энциклопедическихъ познаній, столькихъ размышленій и нечеловѣческой усидчивости, что его не выполнила бы ни одна канцелярія даже въ томъ случаѣ, еслибы она не захотѣла отнестись къ нему формально. Замѣчательно, что Редакціонныя комиссіи, построенныя вначалѣ по типу рутинной канцеляріи, въ силу вещей сами собой преобразовались. Ростовцевъ, пользуясь своимъ правомъ, измѣнилъ организацію новаго учрежденія: онъ соединилъ обѣ комиссіи въ одну общую и подраздѣлилъ ее на 3 отдѣленія: юридическое, административное и хозяйственное съ тѣмъ, чтобы каждое отдѣленіе

комитетовъ — кн. В. Черкасскій, А. Татариновъ, Ю. Самаринъ, Н. Желѣзновъ, В. Тарновскій, Г. Гамасонъ. Изъ консервативнаго большинства: В. Апраксинъ, гр. П. Шуваловъ, Позенъ. Изъ неучаствовавшихъ въ губернскихъ комитетахъ—Б. Голицынъ, Ѳ. Паскевичъ, Желтухинъ, П. Семеновъ, С. Голицынъ, П. Булгаковъ, Н. Шишковъ и, наконецъ, изъ западнаго края — Гечевичъ, Грабянка, Ярошинскій, Залѣсскій.

представляю докладъ о своихъ трудахъ въ общемъ присутствіи всѣхъ отдѣленій.

Ростовцевъ, сознавая свою неопытность, дѣятельно готовился къ предстоящимъ занятіямъ; о его серьезномъ и въ высшей степени добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу можно было судить съ самаго начала занятій. Когда одинъ изъ членовъ комиссіи заявилъ Ростовцеву, что онъ очень мало знакомъ съ хозяйственнымъ бытомъ крестьянъ и потому страшится этого дѣла, Яковъ Ивановичъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, вы не бойтесь, мы всѣ люди новые въ этомъ дѣлѣ; это такой громадный переворотъ, котораго никто не предвидѣлъ, и готовиться было некогда; мы должны въ продолженіи нашихъ занятій всѣ учиться; намъ нужны всѣ свѣдѣнія; мы пойдемъ постепенно, а не вдругъ. Я имѣю такой планъ. Къ намъ уже начинаютъ поступать проекты губернскихъ комитетовъ; мы должны ихъ обозрѣть, и въ то время будемъ знакомиться съ дѣломъ. Сначала мы, такъ сказать, оболванимъ нашъ проектъ, это будетъ черновая работа, потомъ будутъ вызваны депутаты отъ губерній, они намъ помогутъ, мы тогда опять пройдемъ все сначала, чтобъ усовершенствовать, и это будетъ второй періодъ, а ихъ можетъ быть будетъ три и четыре, а можетъ быть и пять, пока мы не приведемъ нашего труда въ такой видъ, что дѣло можетъ пойти въ ходъ [1]). Можетъ быть даже надо будетъ приводить его въ исполненіе постепенно, по частямъ, тогда можно будетъ видѣть недостатки и своевременно поправлять ихъ. Я всѣмъ этимъ очень

---

[1]) Семеновъ.—Освоб. Крестьянъ, т. I, стр, 52.

озабоченъ, мы должны помогать другъ другу всѣми силами, намъ надо имѣть въ виду все, что было писано у насъ по этому предмету, все прочесть, что было напечатано и за границей. Мы ни одной строчки не должны упустить изъ виду, меня самого беретъ иногда страхъ, и я за это дѣло принимаюсь съ молитвою, чтобы Богъ насъ вразумилъ“ [1]). Ростовцевъ давалъ всѣмъ членамъ свободу высказывать свои мнѣнія; получая возраженія, онъ всегда горячился, въ силу своего темперамента, но это не мѣшало ему сдаваться на силу доводовъ и отказываться отъ своихъ ошибочныхъ взглядовъ. Ростовцевъ, по словамъ Джаншіева, вложилъ въ дѣло освобожденія всю свою душу и, можно сказать, почти пожертвовалъ за него жизнью. Государь питалъ къ нему неограниченное довѣріе и предоставилъ ему полное право дать комиссіямъ по его усмотрѣнію внутреннее устройство, „соотвѣтственно пользѣ и важности дѣла, порученнаго комиссіямъ“. Ростовцевъ сослужилъ великую службу русскому народу тѣмъ, что нѣсколько разъ спасалъ Редакціонную комиссію въ самое горячее время ея безкорыстныхъ трудовъ отъ поползновеній сильной крѣпостнической партіи. Онъ понималъ, что въ рукахъ Редакціонной комиссіи были судьбы Россіи. Съ другой стороны Ростовцевъ самъ принималъ горячее участіе въ трудахъ; его записки, замѣтки, письма и мнѣнія послужили основаніемъ для работъ. Въ этомъ отношеніи его мнѣнія очень интересны. Онъ думалъ, что Россіи предлежатъ къ разрѣшенію двѣ

---

1) ibid.

задачи: первая—собственно освобожденіе, вторая—надѣленіе крестьянъ землей. Выкупъ земель въ собственность крестьянамъ необходимъ, безъ него освобожденіе совершиться не можетъ; чѣмъ скорѣе онъ произойдетъ, тѣмъ Россія будетъ спокойнѣе и счастливѣе.

Крестьянамъ должно дать всевозможные способы къ полученію денегъ для покупки земли. „Для предупрежденія волненій и бунтовъ полезно было бы обнародовать положенія, со включеніемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ слѣдующей оговорки: настоящее положеніе, какъ трудъ человѣческій, можетъ и должно имѣть свои носовершенства". „Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичекъ розгу любитъ: точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать? Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы". Ростовцевъ, высоко ставя личность помѣщика, полагалъ, что ему должна принадлежать вотчинная полиція. По его мнѣнію — „оскорбленіе помѣщика крестьяниномъ, равно какъ и члена его семейства, должно судиться, какъ преступленіе уголовное, въ семъ случаѣ оскорбленіе самого помѣщика равняется оскорбленію отца". Впослѣдствіи онъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на помѣщиковъ. А вотъ что онъ говорилъ объ общинѣ. „Въ литературѣ возникли теперь два спорныя мнѣнія: какъ устроить бытъ крестьянъ, — міромъ или отдѣльными семействами? Тутъ можно высказать много и pro и contra; но историческая жизнь Россіи и нынѣшнія условія переходнаго ея состоянія вопросъ

этотъ рѣшаютъ, какъ мнѣ кажется, очень просто. Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо: народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ, ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей. Вопросъ этотъ, или, правильнѣе, переворотъ историческаго крестьянскаго народнаго быта, не можетъ быть рѣшаемъ теоріями; онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіей. Если русское общество, историческимъ ходомъ своей жизни, ощутитъ потребность въ раздробленіи поземельной собственности, то пособить этому будетъ очень нетрудно; тогда, въ извѣстный моментъ, достаточно будетъ только одного Высочайшаго указа, чтобы міръ раздѣлилъ свои угодья между своими сочленами въ потомственное владѣніе сихъ послѣднихъ“. Ростовцевъ считалъ необходимымъ составлять краткія извлеченія изъ всѣхъ сочиненій и статей, русскихъ и иностранныхъ, относящихся къ освобожденію крестьянъ. Онъ мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: „чтобы ничто не пропало и никто не могъ насъ упрекнуть, что мы чѣмъ либо не воспользовались. Комиссіи должны имѣть въ виду все, что только было написано, такъ какъ надъ этимъ трудились сочинители“. Однажды онъ сообщилъ комиссіи, „что изъ III отдѣленія будутъ присылать одинъ экземпляръ Колокола, для того“, прибавилъ онъ, „чтобы мы все знали, что будутъ писать объ насъ за границей; я буду васъ (членовъ комиссіи) просить, чтобы вы и изъ Колокола заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть по-

лезно и примѣнимо къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проектовъ положеній“ [1]).

Первое засѣданіе Редакціонной комиссіи произошло 4 марта 1859 г. въ большой залѣ кадетскаго корпуса на Васильевскомъ островѣ, великолѣпно украшенной, которую до сихъ поръ поддерживаютъ въ томъ же состояніи въ память дѣла освобожденія. Отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ для призванія Божьяго благословенія на труды собранія; пѣлъ хоръ, составленный изъ кадетъ этого корпуса. Затѣмъ председатель открылъ засѣданіе слѣдующими словами: „Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому. Мы, можетъ быть, разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія, а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, еслибы у насъ вышло что нибудь непріятное, и я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, еслибы неумышленно, хотя однимъ словомъ, кого нибудь обидѣлъ“. Прочитавъ различные документы, выражавшіе мысли и волю Государя относительно прекращенія крѣпостного состоянія и прочнаго окончательнаго устройства крестьянскаго быта, Ростовцевъ замѣтилъ: „сначала мы должны спѣваться нѣкоторое время, пока пріѣдутъ наши товарищи, члены эксперты, опытные помѣщики. Это для насъ очень важно“. Въ слѣдующее засѣданіе Ростовцевъ выяснилъ болѣе подробно цѣль и значеніе реформы. Согласно съ мыслью Императора, она должна была руководиться требованіями строгой справедливости и безпри-

---

[1]) Семековъ. т. I. н. с. Стр. 114.

страстія для обоихъ сословій и притомъ такъ, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ враждебнымъ столкновеніямъ между ними, и „чтобы въ мирномъ разрѣшеніи вопроса Россія нашла на долгое время вѣрное застрахованіе отъ государственныхъ потрясеній". Три условія должны быть соблюдены: 1) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ; 2) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены; 3) чтобы власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же не нарушался бы и общественный порядокъ. Затѣмъ онъ прочелъ нѣкоторыя свои мысли, которыя, по его мнѣнію, не безполезно было принять въ соображеніе: крестьяне, говорилъ онъ, должны получить полную возможность на пріобрѣтеніе въ собственность не только усадебныя земли, которыя не представляютъ собой обезпеченія ихъ быта, но и достаточное количество полевой земли. Къ обязательнымъ отношеніямъ, въ особенности къ барщинѣ, онъ относился отрицательно, такъ какъ они представляютъ собой то же крѣпостное право, только облеченное въ законныя формы, и потому еще болѣе для крестьянина невыносимы. Ежегодная плата крестьянами, какъ процентовъ, такъ и погашенія выкупного капитала, не должно быть болѣе цифры существующихъ повинностей, иначе не было бы улучшенія ихъ быта. Эти общіе принципы дополняли императорскіе рескрипты и основывали реформу на болѣе широкихъ, либеральныхъ началахъ чѣмъ тѣ, которыя раньше были указаны правительствомъ. Они согласовались вообще съ тѣми идеями, которыя мало по малу выяснились и распространились

благодаря широкому изученію вопроса и общественнымъ обсужденіямъ. Необходимо добавить, что Редакціонная комиссія должна была сообразоваться съ мнѣніями Главнаго комитета, выраженными въ его журналахъ. Къ сожалѣнію, эти мнѣнія не представляли собой ничего опредѣленнаго и законченнаго, такъ что противники реформы могли находить тамъ подтвержденіе своихъ же мыслей. Вслѣдствіе этого, Редакціонная комиссія должна была, основываясь на Высочайшихъ рескриптахъ, самостоятельно вырабатывать и отстаивать положенія, которыя, по ея мнѣнію, послужатъ на благо народа.

Редакціонная комиссія установила программу своихъ работъ, именно—порѣшила заняться приготовленіемъ систематическихъ сводовъ изъ положеній губернскихъ комитетовъ и краткимъ изложеніемъ статей и рукописныхъ замѣтокъ, представленныхъ раньше частными лицами въ Главный комитетъ. Въ основу же всего труда было положено отчетливое изученіе и сравненіе всѣхъ проектовъ губернскихъ комитетовъ. Этотъ элементъ труда былъ особенно важенъ, такъ какъ онъ представлялъ собой коллективную работу образованной части русскаго общества.

6-го марта члены Редакціонной комиссіи (члены-эксперты еще отсутствовали) поѣхали представиться предсѣдателю государственнаго совѣта, графу Орлову, который, подъ вліяніемъ Ростовцева, принялъ ихъ доброжелательно. Въ тотъ же день они представились Государю. При хорошихъ предзнаменованіяхъ начинала Редакціонная комиссія свою дѣятельность, ни одна грозная туча не омрачала еще горизонта; всѣ лихорадочно увлекались,

да и не удивительно: въ нѣсколько часовъ, дней, мѣсяцевъ приходилось переживать и передумывать то, что при другихъ обстоятельствахъ и другимъ поколѣніямъ пришлось бы переживать и передумывать десятки, а можетъ быть, и сотни лѣтъ. Многіе не переносили этой напряженной жизни и лихорадочнаго труда; живые примѣры для насъ — самъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, вложившіе въ святое дѣло всю свою жизнь. Самъ Государь проводилъ безсонныя ночи, прежде чѣмъ рѣшиться на какой нибудь серьезный шагъ. Отъ мала до велика всѣ жили, всѣ думали, всѣ хотѣли внести свою лепту въ великое гражданское дѣло.

Когда Ростовцевъ представилъ всѣхъ членовъ Александру II, Государь сказалъ слѣдующую рѣчь: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ. Я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю; мой выборъ палъ на васъ: обо всѣхъ васъ я слышалъ отъ вашего предсѣдателя... Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе... На случай сомнѣнія и недоразумѣній при исполненіи моихъ предначертаній, посредникомъ между вами и мной будетъ вашъ предсѣдатель. Онъ будетъ доводить обо всемъ происходящемъ до моего свѣдѣнія... Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду. Прощайте“.

Ростовцеву онъ пожалъ руку и поцѣловалъ его [1]).

---

1) Семеновъ—Т. I. Стр. 104.

По инициативѣ Ростовцева, желавшаго, чтобы вся Россія слѣдила за различными фазисами подготовленія реформы, работамъ комиссіи была дана самая широкая гласность. Дворянство поняло тогда сдѣланную имъ ошибку: своей оппозиціей, разсчитанной медленностью оно принудило правительство передать разработку окончательнаго проекта закона въ руки лицъ, преданныхъ реформѣ. Какъ только Редакціонная комиссія окончила изученіе предположеній дворянъ, комитеты отъ 21 губерній, выказавшіе наиболѣе ревности въ составленіи проектовъ положеній, были приглашены, какъ это обѣщалъ Императоръ, въ сентябрѣ 1858. г. прислать въ Петербургъ по два изъ своихъ членовъ, одного отъ большинства и одного отъ меньшинства, уполномоченныхъ представлять и защищать свои интересы. Это были депутаты перваго приглашенія. Представители другихъ комитетовъ должны были быть призваны позднѣе.

При этомъ извѣстіи дворянство пришло въ необычайное волненіе. Одни утверждали, что правительство, призывая въ столицу депутатовъ, устраивало настоящее собраніе нотаблей, изъ котораго естественно должны выйти генеральные штаты. Другіе съ радостью говорили о великомъ національномъ совѣтѣ, напоминающемъ Земскій соборъ, избравшій царя Михаила Ѳедоровича на царство. Отсюда до конституціи и хартіи вольностей одинъ шагъ.

Правительство намѣревалось сначала соединить депутатовъ перваго приглашенія въ одно собраніе, надѣясь, что противорѣчивыя мнѣнія просвѣтили бы ихъ взаимно относительно нуждъ реформы. Но вслѣдствіе чрезмѣр-

наго броженія умовъ, которое стремилось осложнить соціальную реформу политическимъ переворотомъ, правительство должно было передумать. Предвидя, что депутаты, объединенные въ одно собраніе, злоупотребятъ довѣріемъ правительства и поднимутъ вопросы, чуждые освобожденію, оно запретило совмѣстныя обсужденія и рѣшило, что депутаты будутъ выслушиваться отдѣльно. Депутатамъ объявили, чтобы они ограничивались примѣненіемъ общихъ началъ къ своимъ мѣстностямъ, чтобы мнѣнія свои они представили отдѣльно по каждой губерніи, чтобы они помогали другъ другу своей мѣстной опытностью, но чтобы подобныя совѣщанія не носили оффиціальнаго характера; въ заключеніе имъ было дозволено представить письменные отвѣты. Дѣйствительно, большинство депутатовъ ѣхало въ Петербургъ съ затаеннымъ намѣреніемъ уничтожить труды Редакціонной комиссіи. Министръ Ланской въ своей запискѣ [1]) такимъ образомъ характеризуетъ мнѣнія депутатовъ, раздѣляя ихъ на три категоріи: первое мнѣніе „тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными, матеріальными выгодами помѣщика. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянина, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства“. Второе мнѣніе: „оно выдѣлилось изъ направленія личнаго, матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованію рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса... Поставляя на

---

[1]) Записку писалъ Милютинъ.

первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно англійской, и, вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ... Настоящая цѣль, которой держатся люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли". Третье мнѣніе „принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостного права... Послѣдователи этого мнѣнія защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ обязательный или не обязательный, всего или части крестьянскаго надѣла, въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ" [1]). „Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать къ взаимному между собой соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ" [2]).

Рѣшеніе правительства, разбивавшее всѣ разсчеты депутатовъ, сильно разочаровало и раздражило ихъ. Они сгруппировались вокругъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, графа Петра Павловича Шувалова, устраивали въ его домѣ бурныя и страстныя собранія, гдѣ они давали волю своему недовольству, и кончили тѣмъ, что послали Ростовцеву проектъ адреса на Высочайшее имя, который былъ неоффиціально пред-

---

1) Иванюковъ.—Пад. крѣп. права. Стр. 176.

2) Ibid.

ставленъ Государю. Приводимъ этотъ адресъ, такъ какъ въ немъ вполнѣ выразились всѣ притязанія этихъ лицъ:

„По всему пространству неизмѣримой Россіи[1]) разнесся гласъ твой, Государь, призвавшій дворянство на великій трудъ преобразованія, коимъ должно ознаменоваться твое царствованіе.

„Первенцы земли русской отозвались съ усердіемъ на твое призваніе, и дворянство ввѣрило губернскимъ комитетамъ исполненіе обязанности составить проекты положеній, коими бы осуществились начала, выраженныя, Государь, въ твоихъ рескриптахъ.

„Проекты губернскихъ комитетовъ могли однако представлять только мѣстныя потребности, и ты, Государь, въ высокой мысли постигая недостатки такого разрозненнаго труда, далъ возможность сдѣлать его стройнымъ и славнымъ, приказавъ, чтобы комитеты, по устроенію своему, выбрали бы по два депутата *для засѣданія въ Главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія проектовъ положеній по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ.* (Строки курсивомъ—на подленномъ подчеркнуты карандашемъ собственной рукой Государя и противъ нихъ, сбоку написано имъ: „Никогда").

„Потребность, правильность, логичность этой мѣры, предписанной свѣтлою, царственною мыслью, возбудила всеобщую радость; но въ то время, какъ сердце Царя и сердце народа сливались ко благу отечества въ одно общее чувство, бюрократія сѣяла плевелы.

---

[1]) Семеновъ: Т. I. Стр. 615.

„Искажавшая въ губернскихъ комитетахъ дѣянія Царя и народа, искажавшая впродолженіе столькихъ лѣтъ всѣ лучшія царскія мысли и растравлявшая самыя благородныя чувства, бюрократія могла ли рѣшиться допустить, чтобы послѣдовало такое сближеніе, при которомъ Царь услышалъ голосъ своего народа иначе, какъ черезъ ея лживыя уста?!...

„Государь! воззри, что сдѣлали съ приказаніемъ, о коемъ торжественно соизволилъ ты объявить дворянству, и которое объявлено во всенародное свѣдѣніе? Бюрократія, чтобы ясно выразить, сколь мало комитеты имѣютъ значенія въ ея глазахъ, откинула по одному изъ депутатовъ, избранныхъ всѣмъ составомъ комитетовъ, и предоставила, въ противность самыхъ простыхъ понятій объ устройствѣ совѣщательныхъ собраній, членамъ отъ меньшинства, дробившагося иногда на два и на три мнѣнія, назначить своихъ депутатовъ. Вызвали депутатовъ изъ нѣсколькихъ губерній такъ, чтобы невозможно было составлять собранія и совокупное имѣть сужденіе, причемъ не руководствовались указаніемъ общихъ интересовъ губерній, раздѣленіемъ по однороднымъ полосамъ или какою либо системою, а сдѣлали вызовъ на удачу.

„Депутаты, прибывшіе въ С.-Петербургъ, встрѣтили величайшее пренебреженіе: министръ внутреннихъ дѣлъ не озаботился представить ихъ Вашему Величеству и даже Главному комитету; вдругъ же прислали не подписанное никѣмъ приглашеніе прибыть въ Редакціонную комиссію, и тутъ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ предъявилъ печатную, за подписомъ производителя дѣлъ Главнаго комитета, Буткова, инструкцію, въ которой, безъ

соблюденія какого либо порядка, установленнаго для объявленія Высочайшихъ повелѣній, приказанія Вашего Величества отмѣнены, и депутаты обязаны отвѣчать на вопросы, какіе Редакціонная комиссія признаетъ нужнымъ имъ дѣлать, причемъ роздана тетрадь таковыхъ вопросовъ, для разрѣшенія коихъ не только не было бы надобности созывать депутатовъ, но даже не стоило бы утруждать уѣздныхъ предводителей на мѣстахъ ихъ пребыванія.

„Прискорбіе наше, Государь, невыразимо!... Мы видѣли неоднократно втеченіе нынѣшняго дѣла, какъ Высочайшія повелѣнія противоставлялись бюрократіей одно другому или нарушались, но никогда смѣлость не доходила до такой степени, какъ она нынѣ представлена.

„Во всемъ ходѣ этого дѣла административная власть постоянно попирала законность и справедливость; но это совершалось въ губерніяхъ, въ темнотѣ канцелярскихъ переписокъ, тогда какъ нынѣ это ею творится передъ Государемъ и Россіею воочію для всѣхъ.

„Журналы Редакціонной комиссіи и всѣ дѣйствія административныя наполнены вредными гибельными началами, мы ихъ видимъ и лишены возможности ихъ обличить.

„Стремясь отъ всей души исполнить волю твою, Государь, и осуществить пламенное желаніе всего государства, дабы возстановлены были гражданскія права крестьянскаго сословія и упрочено было его благосостояніе, мы не только остановлены съ перваго шага, но поражены въ самомъ корнѣ своихъ надеждъ.

„Поставленные въ такое положеніе, мы не приходимъ однако въ уныніе: возлагаемъ упованіе свое на помощь

твою, Государь! Предавая виновниковъ въ нарушеніи повелѣній и посягательства на твое самодержавіе твоему правосудію, всеподданнѣйше просимъ повелѣть, чтобы приказаніе твое, торжественно дворянству объявленное, было исполнено.

„Позволь, Великій Государь, собраться всѣмъ депутатамъ, комитетами избраннымъ, не отстраняя назначенныхъ отъ меньшинства, въ собраніе Главнаго комитета и тамъ приступить къ общему, вѣрному разсмотрѣнію, согласованію и исправленію положеній губернскихъ комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ личнымъ твоимъ, Государь, или одного изъ членовъ царской фамиліи; это оказывается необходимымъ, ибо беззаконныя и недобросовѣстныя дѣйствія отняли у насъ всякое довѣріе къ лицамъ, распоряжавшимся отъ имени правительства по обсуживаемому нынѣ дѣлу".

Государь отнесся къ этому адресу неодобрительно, и Ростовцевъ отклонилъ депутатовъ отъ подачи оффиціальнаго адреса на Высочайшее имя. Послѣ этого депутаты вторично написали письмо, въ которомъ просили Ростовцева „повергнуть на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора" ходатайство о дозволеніи депутатамъ имѣть общее совѣщаніе съ Редакціонными комиссіями „по предъявленнымъ имъ вопросамъ и вообще по существу крестьянскаго положенія".

Но и эта просьба не была удовлетворена. Депутаты стали говорить, что отъ Государя скрываютъ истину, и что справедливымъ требованіямъ дворянства пресѣкаютъ пути.

Государь, внимательно слѣдившій за всѣмъ, что дѣ-

лалось вокругъ, хорошо понималъ, гдѣ истина и чего именно добивались депутаты. Онъ придавалъ гораздо больше значенія просьбамъ другихъ людей, въ искренности которыхъ онъ не сомнѣвался. Еще за мѣсяцъ до этого грустнаго инцидента, Государь прислалъ Ростовцеву письмо, полученное имъ отъ какого то неизвѣстнаго. Въ немъ онъ собственноручно написалъ: „получено мной изъ-за границы по почтѣ, полагаю, что должно быть отъ Герцена. Печатный проектъ (освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи) тотъ самый, который былъ приложенъ къ послѣднему номеру Колокола“. Государь, знавшій русскія теченія того времени за границей, приписалъ письмо Герцену и счелъ своей обязанностью препроводить его на разсмотрѣніе въ Редакціонную комиссію. Вотъ это письмо: [1])

„Государь! Если ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобъ освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, со всей землей, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда ты разрѣшишь великій вопросъ о пролетаріи, не нарушая ни чьихъ интересовъ—вопросъ, который не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы. Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнять права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи; то начало, кото-

---

[1]) Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Т. I. Стр. 808.

рое покойный Императоръ, твой отецъ, упрочнялъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами, то начало, великое значенiе котораго онъ понялъ, и за что потомство и исторiя отдадутъ ему должную справедливость!

„Государь! Вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, чтобы имѣть власть творить добрыя, великiя и безпримѣрныя дѣла, не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества. Не забывай, Государь, что ты Царь народа, котораго назначенiе осуществить ни словомъ, но дѣломъ заповѣдь Христа;—характеръ владѣнiя землею въ русской общинѣ есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда ни въ одной странѣ не существовало (хотя иные и силятся доказать противное), да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ; до русской земли это горе не коснулось.

„Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное владѣнiе и освободи крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, и тогда ты утвердишь осуществленiе христiанскаго начала на дѣлѣ, ты положишь основу царству Христову на землѣ, объ которомъ онъ пророчилъ; тогда не будетъ монарха тебѣ равнаго, ты будешь первымъ послѣ Христа. Да благословитъ тебя Богъ! Аминь“.

Письмо это съ приложеннымъ къ нему проектомъ получило должную оцѣнку.

Итакъ письмо дворянъ успѣха не имѣло, тѣмъ не менѣе непосредственное вмѣшательство Императора дѣлалось необходимымъ. 4-го сентября 1859 г. Государь

принялъ въ Царскомъ Селѣ депутатовъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами [1]): „Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ, и успѣха котораго, я вполнѣ. увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я, съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда еще былъ наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи. Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ началъ я это дѣло, съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда. Для разъясненія обязанностей вашихъ я велѣлъ составить инструкцію, которая вамъ предъявлена. Она возбудила недоразумѣнія; надѣюсь, что они разъяснились. Я читалъ ваше письмо, представленное мнѣ Яковомъ Ивановичемъ: отвѣтъ на него, вѣроятно, вамъ уже сообщенъ. Вы можете быть увѣрены, что ваши мнѣнія мнѣ будутъ извѣстны; тѣ, которыя будутъ согласны съ мнѣніемъ Редакціонной комиссіи, войдутъ въ ея положеніе; всѣ остальныя, хотя бы и несогласныя съ ея мнѣніемъ, будутъ представлены въ Главный комитетъ и дойдутъ до меня. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ. Прощайте, господа, до свиданья“.

---

[1]) Семеновъ. Т. I. 726.

Воронежскій депутатъ князь Гагаринъ отвѣчалъ, что дворяне готовы на жертвы, хотя бы онѣ простирались до трети ихъ достоянія. Тогда Государь сказалъ:

„Нѣтъ, такихъ значительныхъ жертвъ я не требую, я желаю, чтобъ великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ“ [1]).

Эта рѣчь, твердая и сдержанная, свидѣтельствовала, что Императору было извѣстно все, что происходило.

Съ своей стороны Ростовцевъ пригласилъ отъ имени Редакціонной комиссіи депутатовъ отъ дворянства на примирительный банкетъ. Обмѣнялись любезностями, но отношенія между депутатами и комиссіей продолжали быть по прежнему холодными и полными взаимнаго недовѣрія. Дворянство не могло согласиться играть только совѣщательную роль въ дѣлѣ реформы и позволить правительству, по его собственной иниціативѣ, освободить крестьянъ и уничтожить власть помѣщиковъ. Между тѣмъ комиссія думала, что крестьяне не имѣли уполномоченныхъ въ губернскихъ комитетахъ, а потому Императорская власть, стоявшая выше всѣхъ и въ силу этого безпристрастная, одна могла защищать сельскіе классы, опредѣлять взаимныя права, сдѣлать дѣйствительнымъ уничтоженіе помѣщичьей опеки, подготовить однимъ словомъ справедливое разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ.

Вскорѣ недовольные депутаты написали всеподданнѣйшіе адреса, въ которыхъ они излагали Императору свои обиды, жалобы и просьбы. Ростовцевъ въ это время

---

1) ibid.

былъ боленъ; тяжело ему было узнать о новой выходкѣ депутатовъ противъ Редакціонной комиссіи.

На Государя адреса эти произвели также угнетающее впечатлѣніе, что видно изъ слѣдующаго письма его къ Ростовцеву: „Крайне сожалѣю, любезный Яковъ Ивановичъ, что вы, какъ кажется, не на шутку занемогли. Убѣдительнѣйше прошу васъ себя поберечь и отложить важныя ваши занятія, пока совсѣмъ не оправитесь.

Обзоръ положенія святого нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всѣми свѣдѣніями, которыя до меня доходятъ съ различныхъ сторонъ. Между тѣмъ кромѣ Шидловскаго я еще получилъ 2 адреса отъ 10 и отъ 5 членовъ. Послѣдній въ особенности ни съ чѣмъ не сообразенъ и дерзокъ до крайности. По выздоровленіи вашемъ желаю, чтобы они всѣ были обсужены въ Главномъ комитетѣ въ моемъ присутствіи. Если гг. эти думаютъ своими попытками меня испугать, то они очень ошибаются.

Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святого дѣла, чтобы кто либо могъ меня остановить въ довершеніи онаго. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ его довершить.

Въ этомъ, какъ и всегда, надѣюсь на Бога и на помощь тѣхъ, которые, подобно вамъ, добросовѣстно желаютъ этого столь же искренно, какъ я, и видятъ въ этомъ спасеніе и будущее благо Россіи. Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ. Обнимаю васъ отъ всей души. *А.*“.

После категорическаго заявленія Императора въ Царскомъ Селѣ, подобное поведеніе было непочтительно по отношенію къ главѣ государства. Между тѣмъ адреса были разсмотрѣны въ Главномъ комитетѣ, послѣ чего депутаты получили выговоръ.

Раздраженіе дворянъ возрастало. Они рѣшились протестовать цѣлымъ сословіемъ противъ „злоупотребленій бюрократіи". Предстоящее созваніе трехлѣтнихъ дворянскихъ собраній являлось для нихъ удобнымъ случаемъ. Но планъ ихъ былъ разрушенъ: циркуляръ отъ правительства запретилъ дворянскимъ собраніямъ „имѣть сужденіе" по предметамъ, касающимся крестьянскаго быта. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ (Рязанское, Тверское, Владимірское, Ярославское), всецѣло подъ вліяніемъ своего оппозиціоннаго настроенія, подали петиціи Царю, въ которыхъ они выражали недовольство циркуляромъ. Циркуляръ, по ихъ мнѣнію, входилъ въ противорѣчіе съ основными законами Россійской имперіи, которые даютъ право дворянамъ разсуждать на выборахъ объ ихъ нуждахъ; между тѣмъ о нуждахъ дворянства нельзя ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, т. е. не затрогивая крестьянскаго вопроса. Тамъ же они просили полнаго равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, раздѣленія властей административной и судебной, введенія суда присяжныхъ. Послѣ этого правительство прибѣгло къ репрессаліямъ. Такъ, нѣсколько предводителей дворянства получили выговоръ, другіе были смѣщены, нѣкоторыя лица попали подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Втеченіе этихъ событій Царь объѣхалъ юго-западныя

губерніи. Вездѣ онъ входилъ въ прямое сношеніе съ дворянствомъ и выслушивалъ милостиво всѣ замѣчанія, увѣряя дворянство въ своей заботливости о немъ, уговаривая его не обращать вниманія на ложные слухи и вѣрить только ему и его слову. Вездѣ онъ объявлялъ, что его намѣренія ничуть не измѣнились, что дѣло освобожденія подвигалось медленно, но добросовѣстно, и что съ Божьей помощью оно будетъ доведено до конца.

Въ концѣ 1859 г. Александру II пришлось перенести глубокое горе. Ростовцевъ заболѣлъ, и состояніе его день ото дня ухудшалось. 5 января была сдѣлана ему операція. Ростовцевъ просилъ врачей не скрывать отъ него его настоящаго положенія, чтобы въ случаѣ близости смерти имѣть возможность переговорить съ Государемъ. Да и самъ Государь желалъ съ нимъ переговорить относительно его преемника; боясь однако преждевременно опечалить больного мыслью о смерти, онъ не рѣшался приступить къ этому вопросу.

Здоровье Ростовцева не могло возстановиться: его организмъ былъ слишкомъ подорванъ непомѣрными трудами и постоянной борьбой съ врагами Редакціонной комиссіи, которые во что бы то ни стало старались набросить тѣнь на ея труды въ глазахъ Государя и для этого не стѣснялись никакими интригами и закулисными дѣйствіями. Ростовцевъ всегда долженъ былъ находиться насторожѣ, чтобы имѣть возможность вовремя отпарировать ударъ. Зная, что состояніе его ухудшается, и не желая, чтобы смерть его застигла врасплохъ, Ростовцевъ попросилъ одного изъ членовъ Редакціонной комиссіи составить записку, въ которой Императоръ нашелъ бы

въ случаѣ нужды краткій отчетъ работъ комиссіи, къ тому времени вчернѣ уже законченныхъ. Ростовцевъ велѣлъ прочесть ее себѣ, причемъ диктовалъ къ ней нѣкоторыя поправки и дополненія. Находясь уже въ объятіяхъ смерти, онъ все еще занимался великимъ дѣломъ, которому всецѣло былъ преданъ до конца своей жизни. Нѣкоторыя сомнительныя статьи проекта не давали ему покоя. Такъ, одного изъ своихъ сотрудниковъ, князя Черкасскаго, онъ спрашивалъ: „Увѣрены ли вы такъ же, какъ я, что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ? Увѣрены ли вы такъ же, какъ я, что срочно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ, мы сдѣлали все, что могли только сдѣлать; совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но одинъ только саванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса“.

Одного изъ своихъ родственниковъ онъ спрашивалъ: „Читалъ ли ты записку и какъ ты ее находишь?“ Тотъ отвѣчалъ: „Вполнѣ ясною и успокоительною“.—Такъ она никого не испугаетъ?“ — „Напротивъ того, успокоитъ тѣхъ, которые прежде боялись“. — „Да чего же они боялись?“ — „Разумѣется потери своихъ интересовъ, а изъ этой записки видно, что интересы ихъ были и остаются въ виду у правительства“.

Въ ночь съ 5 на 6 февраля былъ кризисъ. Императоръ въ 4 часа утра поспѣшно пріѣхалъ къ Ростовцеву и оставался у его изголовья до его послѣдняго издыханія. Скрестивъ руки на груди, Государь стоялъ около четверти часа у постели, внимательно прислушиваясь

къ дыханію умирающаго, который снова едва слышнымъ голосомъ произнесъ слова: „Государь, не бойтесь, не бойтесь“. Дыханіе становилось рѣже и рѣже. Государь всталъ, началъ молиться и заплакалъ. Въ 6 ч. 47 м. утра Яковъ Ивановичъ скончался.

Въ тотъ же день Государю была представлена предсмертная записка Ростовцева, которую у послѣдняго не хватило силъ подписать. Государь прочелъ ее внимательно и сказалъ: „Бѣдный нашъ Яковъ Ивановичъ! Изъ разговоровъ съ нимъ я знаю, что въ своей запискѣ онъ оставилъ намъ, какъ бы завѣщаніе, которое будетъ для насъ священно. Одно только меня тревожитъ и не даетъ мнѣ покоя — это именно вопросъ о преемникѣ Якову Ивановичу. Нѣсколько разъ было у меня почти на языкѣ спросить его, кого бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, я свято исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило мнѣ высказаться. Я боялся огорчить больного, или напомнить ему объ опасности его положенія, о которой я зналъ отъ медиковъ“.

Ростовцевъ, какъ узналъ Государь, отдавалъ должное способностямъ, уму и преданности крестьянскому дѣлу многихъ изъ своихъ сотрудниковъ, однако онъ не считалъ для нихъ возможнымъ занять мѣсто предсѣдателя въ Редакціонной комиссіи, такъ какъ они не имѣли непосредственнаго отношенія къ Государю, и борьба съ противниками оказалась бы для нихъ вслѣдствіе этого непосильной. Что же касается до высокопоставленныхъ лицъ, какъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, извѣстный намъ графъ Киселевъ, Ланской и др., то здѣсь

являлись побочныя обстоятельства, препятствовавшія занять имъ этотъ постъ. Такъ, Великому Князю, какъ члену Царской фамиліи, неудобно было подвергнуться недоброжелательству и даже ненависти противниковъ освобожденія крестьянъ; кромѣ того Ростовцевъ ожидалъ, что Константинъ Николаевичъ сослужитъ великую службу Россіи и Государю въ качествѣ предсѣдателя Главнаго комитета. Графъ Киселевъ, обладая высокимъ государственнымъ умомъ, былъ слишкомъ старъ. У Ланского не было достаточно силы воли и энергіи. „Что же касается до графа Панина, то Ростовцевъ выражалъ убѣжденіе, что его отношеніе къ крестьянскому дѣлу будетъ вполнѣ зависѣть отъ выраженнаго ему лично желанія Государя, что онъ, при прохожденіи дѣла въ Главномъ комитетѣ, будетъ дѣйствовать исключительно согласно волѣ Его Величества, если только онъ будетъ знать ее съ полною опредѣлительностью, и что главное препятствіе въ назначеніи его предсѣдателемъ комиссій, по мнѣнію Ростовцева, заключалось въ полнѣйшей его непрактичности, совершенномъ незнакомствѣ съ бытомъ народа и въ странностяхъ его характера, дѣлающихъ личныя къ нему отношенія его сотрудниковъ почти невозможными; но что въ Главномъ комитетѣ никакой оппозиціи отъ него ожидать нельзя въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго указано Государю, волю котораго, по глубоко усвоенному имъ принципу, онъ ставитъ выше всякихъ своихъ соображеній“ [1]).

Мнѣніе Ростовцева, въ числѣ другихъ причинъ, имѣло свое вліяніе на назначеніе графа Панина.

---

[1]) Семеновъ. Т. II. Стр. 633.

9-го февраля были торжественно совершены похороны Ростовцева. По правую сторону погребальной колесницы слѣдовали верхомъ, въ траурѣ, самъ Царь, великіе князья и свита. По окончаніи панихиды, Императоръ и великіе князья съ помощью родственниковъ покойнаго несли гробъ до могилы, приготовленной въ церкви св. Ѳеодора въ Александро-Невской Лаврѣ. Вотъ какъ одинъ изъ современниковъ оплакиваетъ смерть Ростовцева: „Исторія будетъ знать, что Ростовцевъ сошелъ въ могилу во время пламеннаго служенія лучшимъ надеждамъ его отечества, что онъ умеръ и не выпустилъ изъ рукъ дорогого знамени.

Во имя той идеи, которой были подчинены всѣ послѣднія минуты его жизни, мы находимъ справедливымъ, съ этой точки зрѣнія, причислить его смерть къ разряду общественныхъ бѣдствій. Иногда одна черта свидѣтельствуетъ, что на днѣ человѣческаго сердца хранилась подъ спудомъ частица святыни. Хотя бы въ настоящее время милліоны голосовъ не были нашего мнѣнія, мы все таки увѣрены, что впослѣдствіи явятся тоже во множествѣ иные судьи, болѣе отрѣшенные отъ вліянія текущихъ событій, болѣе независимые, и дай Богъ, чтобы потомство повторило имя Ростовцева не въ укоризну другимъ“ [2]).

Послѣ смерти Ростовцева, многіе изъ членовъ Редакціонной комиссіи опасались, чтобы труды комиссіи не подверглись крупнымъ измѣненіямъ. Въ особенности можно было опасаться за величину надѣловъ, установлен-

---

[2]) Семеновъ. Т. II. Стр. 998.

ную комиссіей, такъ какъ большинство депутатовъ были даже противъ самаго умѣреннаго надѣленія крестьянъ землей. Но Государь успокоилъ сотрудниковъ Ростовцева, сказавъ одному изъ нихъ слѣдующее:

„Я не отступлю ни отъ чего такого, что выражено въ запискѣ покойнаго нашего друга, такъ честно дѣйствовавшаго согласно съ моей волей, и не только не допущу никакого измѣненія въ составѣ комиссіи, но и обезпечу вамъ составленіе проекта, согласно мнѣнію большинства, безъ всякаго препятствія со стороны предсѣдателя комиссій. Васъ, сотрудниковъ Якова Ивановича, прошу окончить ваше дѣло въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ вы его вели доселѣ. Проектъ вашъ, конечно, еще можетъ измѣниться только въ какихъ нибудь подробностяхъ, но то, что выражено по этому дѣлу покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ, останется неприкосновеннымъ. Разрѣшаю тебѣ слова мои сообщить своимъ товарищамъ“.

Онъ сказалъ также, что подумаетъ о назначеніи предсѣдателя, заранѣе поговоритъ съ тѣмъ, на кого падетъ его выборъ, и поставитъ ему условія его назначенія.

Послѣ многихъ соображеній, Государь окончательно остановился на графѣ Панинѣ. Графъ Панинъ былъ воспитанъ въ традиціяхъ Николаевской эпохи. Онъ былъ безличенъ и безгласенъ передъ лицами, которыя по общественному положенію стояли выше его; за то отъ людей, стоявшихъ на болѣе низкой ступени служебной лѣстницы, онъ требовалъ слѣпого повиновенія и безусловной преданности къ своей особѣ, что предполагаетъ полное обезличеніе подчиненнаго. Принимая все это во

вниманіе, трудно было себѣ представить графа Панина, недоступнаго, нелюдимаго, такъ мало уважающаго мнѣнія людей, стоящихъ ниже его по общественному положенію, въ качествѣ руководителя работъ коллегіи независимыхъ людей, призванныхъ къ участію въ великомъ дѣлѣ. Аристократъ до мозга костей, столбовой дворянинъ, владѣлецъ населенныхъ имѣній, въ глубинѣ души онъ не сочувствовалъ работамъ Редакціонной комиссіи. Правительство, по всей вѣроятности, не желало еще болѣе обострять недовольство дворянъ назначеніемъ лица, вполнѣ преданнаго реформѣ, какимъ былъ, напримѣръ, Милютинъ. Дворянство считало себя обиженнымъ; оно сознавало, что съ потерей населенныхъ имѣній, значеніе его, какъ первенствующаго сословія въ государствѣ, падаетъ; чтобы вознаградить себя, оно рѣшило добиться отъ правительства новыхъ льготъ. Одни полагали, что первенствующее положеніе дворянства можно удержать, предоставивъ ему право суда надъ бывшими крѣпостными, учрежденіемъ института почетныхъ мировыхъ судей; другіе желали поставить крестьянъ въ зависимыя поземельныя отношенія отъ помѣщиковъ; третьи—чтобы дворянству было предоставлено право участвовать въ законодательныхъ важнѣйшихъ дѣлахъ государства. Для этого необходимо было ввести въ Россіи аристократическую конституцію.

Правительство рѣшило пойти на компромиссъ и назначило предсѣдателемъ Редакціонной комиссіи графа Панина. Панинъ пріобрѣлъ симпатію Государя послѣ того какъ онъ выразилъ сочувствіе „направленію комиссіи, изложенному въ запискѣ Ростовцева“. Вручая

такой отвѣтственный постъ Панину, государь заботливо говорилъ: „Помните все, что вы мнѣ говорили. На выраженныхъ условіяхъ только ввѣряю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобъ вы могли меня обмануть“.

Великая княгиня Елена Павловна, горячо сочувствовавшая дѣлу освобожденія, узнавъ о новомъ назначеніи, выразила Государю свое удивленіе. Государь ей отвѣчалъ: „Да вы не знаете графа Панина. Его убѣжденіе— точное исполненіе моихъ приказаній“.

Съ своей стороны великій князь Константинъ Николаевичъ, услышавъ о томъ, что нѣкоторые члены Редакціонной комиссіи желаютъ выйти въ отставку, просилъ ихъ всѣхъ не дѣлать этого, „такъ какъ Государь очень твердъ въ своемъ намѣреніи довести трудъ до конца и очень хорошо знаетъ сущность дѣла“. Нужно сказать, что въ Редакціонной комиссіи съ самаго начала ея возникновенія всегда было меньшинство, не сочувствовавшее дѣлу реформы. Два члена ея, князь Паскевичъ и графъ Шуваловъ, подали въ отставку, такъ какъ они не были согласны съ главными положеніями, принятыми комиссіей. Ссылаясь на журналъ Главнаго комитета отъ 4 декабря, они утверждали, что ихъ мнѣнія не противорѣчатъ высочайшей волѣ. Вотъ какъ Ростовцевъ отзывался объ этомъ инцидентѣ: „хотя мы всѣ, конечно, сожалѣемъ объ удаленіи членовъ, которые могли бы принести комиссіямъ значительную пользу, но идти далѣе для предупрежденія этого обстоятельства намъ нельзя и неприлично послѣ желанія ихъ, выра-

женнаго такъ положительно и окончательно. Члены, подавшіе особое мнѣніе, къ сожалѣнію, желаютъ дать крестьянамъ свободу птицъ, а на это нельзя согласиться. Еслибы допустить это, то я нахожу, что намъ оставалось бы одно—закрыть комиссіи".

Государь согласился съ мнѣніемъ большинства комиссіи, т. е. съ тѣмъ, чтобы послѣ освобожденія крестьяне были надѣлены полевой землей въ собственность, и выразилъ желаніе, чтобы оба члена съ прежнимъ усердіемъ участвовали въ работахъ комиссіи, принеся въ жертву свое личное мнѣніе. Столкновеніе Ростовцева съ другимъ реакціонеромъ Михаиломъ Позенъ кончилось тѣмъ, что Государь согласился принять отставку послѣдняго.

Съ назначеніемъ графа Панина надежды реакціонеровъ вновь ожили.

Въ это время депутаты перваго призыва, послѣ девятимѣсячныхъ безплодныхъ волненій, должны были возвратиться домой. Вмѣсто нихъ должны были пріѣхать депутаты второго приглашенія. Послѣдніе прибыли въ Петербургъ, сильно предубѣжденные противъ Редакціонной комиссіи. Желая разсѣять недоразумѣнія и сообщить свои взгляды и свою волю, Александръ II принялъ депутатовъ и сказалъ имъ слѣдующее (21 февраля 1860):

„Господа! Я начну съ того, что повторю мою благодарность дворянамъ 3 Литовскихъ губерній, которые подали примѣръ, вызвавшись первые на общее намъ дѣло".

Обращаясь затѣмъ ко всѣмъ членамъ:

„Мнѣ остается повторить вамъ, господа, то, что губернскіе предводители, находящіеся между вами, уже отъ меня слышали. Вамъ извѣстно, какъ святое это дѣло близко моему сердцу, увѣренъ, что и вы считаете его святымъ. У меня двѣ цѣли или, лучше сказать, одна: благо государства. Я убѣжденъ, что въ томъ же самомъ заключается и ваша цѣль. Я хочу, чтобы улучшеніе быта крестьянъ было не на словахъ, а на дѣлѣ, и чтобы переворотъ совершился безъ потрясеній. Но для этого безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ вашей стороны обойтись невозможно. Я желаю, чтобъ эти пожертвованія были, сколь возможно, менѣе тягостны и обременительны для дворянъ.

Для занятій вашихъ здѣсь составлена инструкція, которая опредѣляетъ, въ чемъ должна заключаться прямая ваша обязанность. Вы должны отвѣчать на вопросы, вамъ предложенные. Впрочемъ, если найдете нужнымъ добавить къ тому свои соображенія, можете ихъ выразить въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, которыя будутъ разсмотрѣны и доведены до моего свѣдѣнія. Дѣйствуйте же единодушно къ общей пользѣ. Мнѣ извѣстно, что носились нелѣпые слухи, они могли вѣроятно дойти до васъ и здѣсь, будто я измѣнилъ свое довѣріе къ дворянству, — это ложь и клевета; не обращайте на это вниманіе, а вѣрьте мнѣ. При самомъ началѣ обратился я къ дворянству съ полнымъ довѣріемъ. Обращаясь теперь съ тѣмъ же довѣріемъ къ вамъ, я надѣюсь, что вы на дѣлѣ оправдаете мои ожиданія.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Панинъ, котораго я назначилъ предсѣдателемъ Редакціонной ко-

миссіи на мѣсто генералъ-адъютанта Ростовцева, знаютъ мысли мои и взглядъ мой по этому вопросу. Они могутъ подробно передать ихъ и вамъ. Вы должны намъ помочь, господа, съ Богомъ же принимайтесь за дѣло".

Обратясь къ графу Панину, Государь добавилъ:

„Рекомендую вамъ сотрудниковъ вашихъ; я увѣренъ, что они будутъ добросовѣстно работать. Прошу вести это дѣло къ извѣстнымъ результатамъ обдуманно и осторожно, только отнюдь не затягивая и не откладывая его въ долгій ящикъ.

„Прощайте, господа, — дай вамъ Богъ успѣха".

Депутаты перваго приглашенія требовали только частичныхъ измѣненій проектовъ Редакціонной комиссіи.

Такъ, Ярославскіе депутаты добивались высокой цыфры душевого оброка, права переселять крестьянъ съ усадьбъ, дорогихъ по своимъ мѣстнымъ выгодамъ, на пустопорожнія и безвыгодныя мѣста и обязательнаго выкупа, хотя это протоворѣчило рескрипту.

Владимірскіе депутаты желали лишить крестьянъ права пользоваться топливомъ изъ помѣщичьяго лѣса.

Тамбовскіе заявляли, что крестьянину въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи ничего не нужно, кромѣ его коноплянника, а въ южныхъ ему необходимо только полторы десятины; предоставленіе же большихъ надѣловъ можетъ даже повредить государственному хозяйству.

Астраханскій депутатъ говорилъ, что полевыя земли для крестьянъ негодны, поэтому надѣлять ими не стоитъ, а помѣщику эти земли на что нибудь да пригодятся.

Псковскіе, Нижегородскіе, Саратовскіе, Петербургскіе депутаты не желали допустить, чтобы цыфры, предло-

женныя ихъ комитетами, могли хоть нѣсколько быть измѣнены; между тѣмъ комитеты ихъ опредѣляли крестьянамъ самые нищенскіе надѣлы.

Депутаты второго призыва были гораздо откровеннѣе и смѣлѣе, такъ какъ они чувствовали уже за собой нѣкоторую силу. Многіе изъ нихъ прямо стояли за безземельное освобожденіе и называли членовъ Редакціонной комиссіи грабителями, революціонерами и соціалистами.

Доводы ихъ были слабы, но защищались они, не стѣсняясь доказательствами, имѣя въ виду только благо и преимущества одного своего сословія и совершенно забывая о безгласной крестьянской массѣ и царской волѣ. Между тѣмъ Редакціонная комиссія сдѣлала болѣе, чѣмъ слѣдовало, уступокъ въ интересахъ владѣльческаго класса. Нужно сказать, что Редакціонная комиссія высказалась за оставленіе крестьянамъ существовавшихъ надѣловъ, но такъ какъ въ нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣніяхъ большая часть земли находилась въ рукахъ крестьянъ, а въ другихъ имѣніяхъ крестьяне были совершенно обезземелены, то для обезпеченія какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, пришлось установить для каждой мѣстности высшія и низшія нормы надѣловъ. Нормы эти устанавливались путемъ сложныхъ соображеній и вычисленій. Для каждой мѣстности опредѣлялись 2 нормы, высшая и низшая: если въ извѣстной мѣстности высшая норма — 5 десятинъ, а низшая — 2, то это означаетъ, что крестьяне, имѣющіе болѣе 5 десятинъ, обязаны отдать излишекъ помѣщику; а всѣ помѣщики, у которыхъ крестьяне имѣютъ менѣе, чѣмъ

по 2 десятины, обязаны прирѣзать недостающій кусокъ до двухдесятинной нормы.

Государь желалъ, чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ улучшеніе своего быта; изъ предсмертной же записки Ростовцева видно, что вездѣ, гдѣ только оказывалась малѣйшая возможность понизить цифру наибольшихъ нормъ, земля у крестьянъ отрѣзывалась въ пользу помѣщика. По даннымъ, доставленнымъ губернскими комитетами, видно, что изъ 100 помѣщиковъ едва ли одному пришлось что нибудь прирѣзать въ пользу крестьянина. Такъ, въ Рязанской губерніи въ 73,3% имѣній надѣлы должны были остаться тѣ же, въ 25,8% земля должна была быть отрѣзана отъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и только въ 0,95% имѣній помѣщикъ долженъ былъ прибавить крестьянамъ самое незначительное количество земли. Слѣдовательно, на основаніи этихъ данныхъ, нѣсколько улучшался бытъ въ 0,95% случаевъ, а въ 25,8% случаевъ положеніе крестьянской массы ухудшалось [1]).

Депутаты второго призыва, поддерживаемые графомъ Панинымъ и реакціоннымъ меньшинствомъ комиссіи, положили всѣ свои усилія на то, чтобы еще болѣе понизить нормы максимальныхъ и минимальныхъ надѣловъ. Они было энергично принялись за дѣло, но встрѣтили сильный отпоръ со стороны большинства Редакціонной

---

[1]) Въ своей запискѣ Ростовцевъ обѣщалъ понизить цифры наибольшихъ надѣловъ и повысить (съ 8 до 9 р.) цифру оброка, „до крайняго, по убѣжденію комиссіи, предѣла возможности“. Отсюда можно заключить, насколько сильно было реакціонное вліяніе еще при жизни Ростовцева.

комиссіи, во главѣ котораго стояли такія личности, какъ Милютинъ, Самаринъ, Соловьевъ и кн. Черкасскій. Редакціонная комиссія добросовѣстно обсуждала ихъ предложенія и отвергла ихъ за незначительными исключеніями, такъ какъ она поняла, что невозможно было принять ихъ, не отказавшись отъ плодовъ настойчивыхъ усилій, не исказивъ добытыхъ результатовъ.

Графъ Панинъ, не привыкшій имѣть дѣло съ убѣжденными людьми, жаловался Государю на членовъ Редакціонной комиссіи, говоря, что они хотѣли сдѣлать изъ него лишь „исполнителя тѣхъ предположеній, которыми они распространили и истолковали Высочайшую волю“. Дѣйствительно, Панинъ разошелся съ большинствомъ Редакціонной комиссіи, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что былъ рѣшительнымъ противникомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія крестьянами землей. Онъ началъ затягивать дѣло, не подписывалъ многихъ журналовъ общихъ присутствій, другіе задерживалъ по цѣлымъ недѣлямъ; по отношенію къ членамъ Редакціонной комиссіи онъ былъ сухъ, холоденъ, не подавалъ имъ руки и наконецъ пересталъ являться на засѣданія, передавъ предсѣдательство Булгакову. 10 октября 1860 г. Редакціонная комиссія была закрыта, не успѣвъ окончательно просмотрѣть кодификацію положеній. Графъ Панинъ на закрытіе не явился.

Въ продолженіе 14 мѣсяцевъ и 6 дней своего существованія, комиссія составила цѣлый законодательный сводъ, обнимавшій вопросъ объ освобожденіи и вопросъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

Послѣ закрытія Редакціонной комиссіи, Государь пожелалъ видѣть у себя всѣхъ бывшихъ ея членовъ [1]), чтобы лично поблагодарить ихъ за всѣ ихъ труды. 1 Ноября Онъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобъ поблагодарить васъ за ваши добросовѣстные труды, которые требовали большихъ усилій и большой дѣятельности. Работа ваша была огромпая. Конечно, всякій человѣческій трудъ долженъ имѣть свои несовершенства. Вы сами это знаете, это очень хорошо знаю и я. Можетъ быть придется многое измѣнить; но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія будетъ вамъ благодарна, и поэтому я желалъ отъ души поблагодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ въ своемъ кругѣ будетъ содѣйствовать общему намъ благу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу. Я увѣренъ, что оно такъ же близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души“.

Окончательный проектъ Редакціонной комиссіи былъ представленъ 10 октября, въ день закрытія комиссіи, на разсмотрѣніе въ Главный комитетъ, причемъ Панинъ, въ противоположность Ростовцеву, хлопоталъ, чтобы весь ходъ работъ хранился въ строжайшей тайнѣ. На это послѣдовало согласіе Государя. Между тѣмъ, по окончаніи столькихъ работъ, послѣ столькихъ испытаній и перипетій, общественное мнѣніе находилось въ лихорадочномъ ожиданіи, возбужденіе было всеобщее.

---

1) Для Панина это было большой неожиданностью.

Не за долго до этого неожиданно былъ пораженъ параличемъ предсѣдатель Главнаго комитета, князь Орловъ, ярый защитникъ дворянскихъ правъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Это назначеніе совпадало съ желаніями всѣхъ друзей реформы, и надежды на благополучное окончаніе дѣла воскресли. Великій Князь положилъ всѣ свои старанія на то, чтобы сохранить результаты трудовъ комиссіи.

Въ Главномъ комитетѣ на первомъ же собраніи 10 октября 1860 г. возникло сильное разногласіе. Большинство, состоящее изъ 4 членовъ, въ томъ числѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, стояли за проектъ Редакціонной комиссіи, допуская нѣкоторыя измѣненія; самой важной уступкой, на которую они соглашались, было разрѣшеніе помѣщикамъ давать крестьянамъ, по взаимному съ ними соглашенію, взамѣнъ земель, которыя могли быть уступаемы имъ на выкупъ, даровые, уменьшенные надѣлы (получившіе въ народѣ названіе нищенскихъ).

Первое меньшинство изъ 3 членовъ, съ Муравьевымъ во главѣ, предлагало отсрочить окончательное устройство поземельныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками до обмежеванія владѣльческихъ дачъ. Второе меньшинство изъ 2 членовъ требовало, чтобы крестьяне были надѣлены по одной десятинѣ на душу, а чтобы остальныя земли отдавались крестьянамъ внаемъ. Графъ Панинъ, соглашаясь съ проектомъ Редакціонной комиссіи, оставался при особомъ мнѣніи по четыремъ вопросамъ: 1) онъ полагалъ предоставить помѣщикамъ вотчинную

полицію въ ихъ имѣніяхъ; 2) онъ не признавалъ, чтобъ право помѣщиковъ на земли ихъ, состоявшія въ надѣлѣ крестьянъ, признавалось по закону неполнымъ правомъ собственности помѣщика на эти земли; 3) онъ находилъ, что земли помѣщиковъ, не могли быть отданы крестьянамъ въ безсрочное пользованіе, такъ какъ такого вида владѣнія въ нашемъ законодательствѣ не существовало, и безсрочныхъ договоровъ оно вовсе не допускаетъ; 4) цыфры высшаго размѣра надѣловъ представлялись ему сомнительными [1]).

Государь выразилъ Великому Князю Константину Николаевичу свое желаніе, чтобы графа Панина, не насилуя его убѣжденій, уговорили присоединиться къ большинству, образовавшемуся въ комитетѣ, съ той цѣлью, чтобы это большинство по числу членовъ стало равно всѣмъ остальнымъ членамъ, несогласнымъ съ нимъ. Необходимо было вступить въ компромиссъ съ графомъ Панинымъ. Послѣдній, согласившись присоединиться по первымъ тремъ пунктамъ къ мнѣнію большинства, требовалъ въ свою очередь нѣкоторыхъ уступокъ по размѣрамъ высшихъ надѣловъ. Константинъ Николаевичъ согласился. И вотъ, графъ Панинъ 12 октября съ 2 ч. дня до поздней ночи уменьшалъ высшую норму земельныхъ надѣловъ, соотвѣтственно понижая и низшую. Цыфры, которыя устанавливались Редакціонной комиссіей впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были измѣнены въ нѣсколько часовъ. Правда, одинъ изъ бывшихъ членовъ комиссіи, уполномоченный вести переговоры съ графомъ

---

1) Семеновъ т. III стр. 76·8

Панинымъ относительно этого пункта, отстаивалъ сколько возможно установленныя нормы, тѣмъ не менѣе измѣненія были не маловажныя. Такъ, напримѣръ, 8-десятинный надѣлъ однимъ росчеркомъ пера обращался въ 7-десятинный; $3^3/_4$-десятинный въ $3^1/_2$-десятинный; въ Новороссійскихъ губерніяхъ 7 десятинъ высшаго надѣла перешли въ $6^1/_2$ и т. д.

Послѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ поправокъ соглашеніе состоялось, и проектъ перешелъ въ Государственный совѣтъ.

Членамъ Государственнаго совѣта дано было 13 дней на разсмотрѣніе: 1) проекта освобожденія, составленнаго комиссіей и 2) журнала Главнаго комитета. Первое засѣданіе подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя состоялось 28 января 1861 г.

Государь открылъ собраніе длинною рѣчью, въ которой онъ прежде всего выразилъ свою „непремѣнную волю", чтобы крестьянское дѣло было окончено возможно скорѣе, въ первую половину февраля, такъ какъ „всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства". Затѣмъ онъ предложилъ членамъ сдѣлать замѣчанія, „какія они найдутъ нужными", не забывая при этомъ, „что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ, и улучшеніе не на словахъ и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ". Затѣмъ, указавъ на то, что „крѣпостное право установлено самодержавною властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть Его прямая воля", Государь перешелъ къ краткому изложенію историческаго хода крестьянскаго дѣла, начиная съ царствованія Импера-

тора Павла и до послѣднихъ дней, причемъ выразилъ свою благодарность за добросовѣстные труды членамъ комитета и въ особенности Великому Князю Константину Николаевичу и закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Потому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я вправѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ. Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь, но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества. Теперь съ Божіей помощью приступимъ къ самому дѣлу“.

Засѣданія Государственнаго совѣта были очень бурныя; борьба шла по поводу земельнаго надѣла между либеральнымъ меньшинствомъ и реакціоннымъ большинствомъ, желавшимъ внести крупныя измѣненія въ законопроектъ Редакціонной комиссіи. Несмотря на вмѣшательство Государя, противники надѣленія землей составляли треть голосовъ.

Засѣданія Государственнаго совѣта начали затягиваться подъ различными предлогами. Такъ, министръ государственныхъ имуществъ, Муравьевъ, предлагалъ собирать дополнительныя данныя о надѣлахъ. Государь вынужденъ былъ назначить срокъ 15 февраля, когда Государственный совѣтъ долженъ былъ окончить свои

засѣданія, и регулировать его занятія. Только послѣ такого энергическаго вмѣшательства дѣло пошло быстро.

Измѣненія, сдѣланныя Главнымъ комитетомъ, были приняты большинствомъ голосовъ въ Государственномъ совѣтѣ и утверждены Государемъ. Во всемъ остальномъ проектъ Редакціонной комиссіи не потерпѣлъ измѣненій, такъ какъ Государь принималъ сторону меньшинства, стоявшаго за этотъ проектъ. 17 февраля Государственный совѣтъ закончилъ свою работу. Все это происходило въ строжайшей тайнѣ, такъ что даже многіе члены Редакціонной комиссіи не знали о судьбѣ ихъ проекта.

Составленіе Манифеста объ освобожденіи также было покрыто тайной по желанію графа Панина, который считалъ это необходимымъ условіемъ каждаго государственнаго дѣла. Манифестъ былъ первоначально составленъ Самаринымъ подъ редакціей Милютина, но графъ Панинъ нашелъ его слишкомъ длиннымъ и написаннымъ не достаточно оффиціальнымъ языкомъ.

Онъ испросилъ Высочайшаго позволенія предложить митрополиту Филарету взять на себя это дѣло. Для переговоровъ съ митрополитомъ въ Москву былъ посланъ директоръ департамента министерства юстиціи, Топильскій, съ проектомъ Манифеста Самарина и съ письмомъ отъ графа Панина, въ которомъ послѣдній сообщалъ желаніе Государя, чтобы Владыка принялъ на себя трудъ составить Манифестъ.

Митрополитъ Филаретъ, не вполнѣ сочувствовавшій дѣлу освобожденія, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; онъ просилъ уволить его отъ возлагаемаго на него порученія, ссылаясь на то, что этотъ предметъ

далекъ „отъ круга понятій и занятій“, въ которыхъ онъ вращается.

Чтобы добиться согласія митрополита, Топильскій обратился за содѣйствіемъ сначала въ Савинское подворье къ викарію Леониду и затѣмъ къ духовнику Филарета, жившему тогда въ Андроньевскомъ монастырѣ, который и уговорилъ митрополита принять возложенное на него порученіе.

Митрополитъ Филаретъ сократилъ почти вдвое представленный ему проектъ и сильно измѣнилъ его внѣшнюю форму: слогъ составленнаго имъ Манифеста болѣе напыщенъ, изобилуетъ риторическими оборотами и по изложенію мало понятенъ простому народу. Между прочимъ онъ исключилъ одно мѣсто изъ первоначальнаго проекта, въ которомъ день освобожденія назывался „радостнымъ“. Это опущеніе онъ мотивировалъ въ особой запискѣ слѣдующимъ образомъ: „не упомянулъ я о радости, чтобы отъ лица Царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлемому преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса; но многіе благонамѣренные люди ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія. Объявленіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостного права на крестьянъ и настоятельное побужденіе тѣхъ и другихъ войти въ рѣшительныя условія о земляхъ— вотъ мѣры благонадежныя. Но когда крестьянамъ возвѣщено будетъ право „постояннаго пользованія землею помѣщиковъ“, не затруднятся ли чрезъ сіе предполагаемыя соглашенія, такъ какъ въ семъ найдетъ для себя опору упрямство крестьянъ, которое проявляется у нихъ

и безъ законной опоры? При рѣшительномъ отчужденіи отъ помѣщиковъ земли, прежде ихъ согласія, хотя и безъ наименованія собственностью крестьянъ, помѣщики не найдутъ ли себя стѣсненными въ правѣ собственности и въ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. И сіе не подѣйствуетъ ли неблагопріятно на ихъ усердіе къ правительству“?..

Манифестъ митрополита Филарета былъ принятъ съ незначительными лишь измѣненіями и подписанъ Государемъ 19 февраля 1861 г.

Съ этого дня нѣсколько типографій печатали день и ночь новый законодательный актъ; работа не была еще вполнѣ закончена, какъ уже 5 марта телеграфъ разносилъ по всей Россіи радостную вѣсть о великомъ свѣтломъ праздникѣ—освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ рухнула вѣковая неправда, „порвалась цѣпь великая“, связывавшая неразрывно два сословія, и громадный снопъ свѣта ворвался въ тѣ закоулки, гдѣ раньше царили вѣковыя потемки.

Радостно встрѣтили этотъ день люди „теоретическаго прогресса“. Многіе при встрѣчѣ цѣловались, привѣтствуя другъ друга словами: Христосъ Воскресе. По собственнымъ словамъ Александра II, это былъ лучшій день его жизни.

17 апрѣля 1861 г. Государь повелѣлъ учредить въ память трудовъ по освобожденію крестьянъ золотую медаль, которая была разослана членамъ Редакціонной комиссіи, предсѣдателю ея и митрополиту Филарету. Въ тотъ же день былъ данъ рескриптъ на имя графа Панина, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ Госу-

даря, въ которомъ Государь выражалъ свою благодарность членамъ Редакціонной комиссіи въ слѣдующихъ словахъ: „За столь ревностные и полезные труды мнѣ пріятно изъявить мое особое, вполнѣ заслуженное благоволеніе всѣмъ вообще лицамъ, кои были призваны въ составъ Редакціонныхъ комиссій. Проникнутые однимъ желаніемъ быть полезными святому дѣлу, нынѣ съ благословенія Всевышняго приведенному къ окончанію, члены сихъ комиссій посвящали сему дѣлу все свое время, всѣ свои силы и способности, и, конечно, труды, ими подъятые, будутъ справедливо уважены и оцѣнены отечествомъ“.

Заслуги Ростовцева тоже не были забыты. Жена его и потомство, по повелснію Государя, были возведены въ графское достоинство. Въ рескриптѣ, данномъ на имя Вѣры Николаевны Ростовцевой, Государь, упомянувъ о заслугахъ ея покойнаго мужа, говоритъ: „Я призналъ за благо оказать предъ всѣми мое уваженіе къ его памяти знакомъ вниманія къ вамъ и семейству вашему, и указомъ сего числа, правительствующему сенату даннымъ, возвожу васъ съ нисходящимъ отъ покойнаго Якова Ивановича потомствомъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Извѣщая васъ о томъ, я съ симъ вмѣстѣ повелѣлъ препроводить къ вамъ медаль, установленную въ воспоминаніе великаго событія уничтоженія крѣпостной въ отечествѣ нашемъ зависимости. На ней вы увидите изображенное въ самомъ видномъ мѣстѣ слово благодарю. Сіе слово обращается и къ умершему супругу вашему, какъ бывшему однимъ изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ испол-

нителей моей воли. Такая медаль будетъ положена на гробницу его, а та, которая посылается къ вамъ, да сохранится навсегда въ семействѣ его и потомствѣ".

17-го же апрѣля былъ данъ рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, въ которомъ Государь выражалъ свое особое благоволеніе членамъ губернскихъ комитетовъ за ихъ „безкорыстное, постоянное усердіе" въ дѣлѣ освобожденія.

Недолго однако продолжались свѣтлые, счастливые дни, наступившіе вслѣдъ за объявленіемъ воли, реакція была уже наготовѣ и ждала только случая, чтобы наложить свою руку на дѣятельность государственныхъ людей. Прошелъ всего только мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ памятнаго дня 19 февраля, какъ Ланской и Милютинъ, два важныхъ дѣятеля по освобожденію крестьянъ, заслужившіе почетное мѣсто на лучшихъ страницахъ русской исторіи, принуждены были подать въ отставку. Проведеніе реформы было передано въ руки Валуева, относившагося равнодушно къ дѣлу освобожденія.

Глава XXIII.

Оглавленіе. Высочайшій Манифестъ 19-го февраля 1861 г.— Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, присоединенное къ Высочайшему Манифесту объ освобожденіи. — Общія положенія. — Спеціальныя положенія. — Переходный періодъ.

19-го февраля 1861 года Императоръ Александръ II скрѣпилъ своей подписью Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Приводимъ этотъ замѣчательный памятникъ русской исторіи, вмѣстѣ съ которымъ Россія вступила въ новый періодъ своего существованія:

„Божіимъ провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частью старыми законами, частью

обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властью помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостоянiе. Права помѣщиковъ были до нынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданiе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патрiархальныя отношенiя искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенiя крестьянъ. Но при уменьшенiи простоты нравовъ, при умноженiи разнообразiя отношенiй, при уменьшенiи непосредственныхъ отеческихъ отношенiй помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденiи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенiя ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопрiятному для ихъ благосостоянiя, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшенiямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сiе и приснопамятные предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненiю на лучшее положенiя крестьянъ; но это были мѣры частью нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованiю помѣщиковъ, частью рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованiю особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I издалъ постановленiе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившiй родитель Нашъ Николай I постановленiе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губернiяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленiе крестьянъ землей и ихъ повинности.

Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ россійскому дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего дворянскаго общества каждой губерніи, дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о по-

мѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость и, сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ—собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособлен-

ное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть со-

храненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщи-

камъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ мнѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому, и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа. Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостного права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами, возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ (Рим. XIII. 1), воздавать всѣмъ должное, и въ особен-

ности кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ.

Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе

земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго".

Императорскій манифестъ сопровождался важными дополненіями, гдѣ были изложены общія основанія реформы и предусмотрѣны и разрѣшены мелкія подробности ея. Краткій обзоръ положенія о крестьянахъ укажетъ намъ, съ какими затрудненіями встрѣчался законодатель и насколько успѣшно разрѣшилъ онъ тотъ вопросъ, отъ котораго зависѣла вся будущность Россіи.

Это положеніе заключаетъ въ себѣ общую часть и рядъ мѣстныхъ положеній для .различныхъ областей имперіи.

Общая часть содержитъ общія положенія, касающіяся дворовыхъ людей и крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; кромѣ того она содержитъ спеціальныя правила для каждой изъ этихъ категорій лицъ.

Законъ распространяетъ на крестьянъ такъ же, какъ и на дворовыхъ, права свободнаго человѣка, т.-е., право вступать въ бракъ, не спрашивая согласія помѣщиковъ; начинать иски и тяжбы по дѣламъ гражданскимъ и отвѣчать за себя, лично или черезъ повѣренныхъ, по дѣламъ уголовнымъ и полицейскимъ; быть

свидѣтелями и поручителями на общемъ основаніи законовъ для свободныхъ сословій имперій; переходить въ другія сословія и перечисляться въ другія общества; поступать на военную службу; отлучаться отъ мѣста жительства, соблюдая правила, установленныя для этого случая; поступать на государственную службу; входить въ договоры и обязательства; производить торговлю и ремесла; записываться въ цехи; открывать фабрики; пріобрѣтать въ собственность движимое и недвижимое имущество и распоряжаться имъ; и, наконецъ, помѣщать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія.

Положеніе опредѣляетъ кромѣ того, что крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, не могутъ подвергаться никакому наказанію, лишенію или ограниченію правъ состоянія иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей. Оно обезпечиваетъ также за крестьянами ихъ движимое имущество, какъ-то: домашній и рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и прочій инвентарь, которымъ они владѣли въ моментъ освобожденія. Недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя крестьянами въ прежнее время, укрѣпляются за ними съ согласія помѣщика или рѣшеніемъ мирового учрежденія.

Новое законоположеніе опредѣляетъ спеціально крестьянамъ слѣд. права: они могутъ образовывать сельскія общества; входить въ составъ сельскихъ сходовъ; принимать участіе въ избраніи старосты, сборщиковъ податей и другихъ должностныхъ лицъ; оно предоставляетъ въ постоянное пользованіе крестьянъ ихъ уса-

лебную осѣдлость и сверхъ того часть полевыхъ земель и угодій, которыми они до сихъ поръ пользовались, въ количествѣ, опредѣленномъ правительствомъ.

Дворовые получили всѣ права личныя и семейныя; они должны были въ теченіе двухъ лѣтъ подчиняться лишь тѣмъ временнымъ ограниченіямъ, которыя связаны съ обязательной службой ихъ владѣльцамъ. Но помѣщикъ не могъ требовать на службу дворовыхъ, состоявшихъ на оброкѣ или жившихъ на сторонѣ; оброкъ, платимый этими послѣдними, не долженъ былъ превышать 30 руб. въ годъ для мужчинъ и 10 руб. для женщинъ. По прошествіи двухъ лѣтъ дворовые могли остаться у своихъ владѣльцевъ на жалованьи по свободному договору или же покинуть ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ они должны были пріискивать себѣ средства къ существованію. Положеніе, давая дворовымъ людямъ, по выраженію Ростовцева, „свободу птицъ“, совершенно не обезпечивало ихъ быта. Оторванные отъ земли и привыкшіе къ праздной обстановкѣ, эти полтора милліона бывшихъ рабовъ, естественно, должны были увеличить ряды городского пролетаріата. Многіе изъ нихъ, въ особенности старики, должны были нищенствовать; неудивительно, если они сожалѣли о старомъ порядкѣ вещей, дававшемъ имъ пищу и кровъ.

Введеніе въ дѣйствіе правъ, дарованныхъ обѣимъ категоріямъ крѣпостныхъ, было отчасти отсрочено, отчасти ограничено слѣдующимъ образомъ: впродолженіи двухъ лѣтъ, считая со дня обнародованія закона, дворовые люди остаются въ полной зависимости отъ своихъ настоящихъ владѣльцевъ и обязаны или служить

имъ или платить имъ оброкъ. Съ своей стороны помѣщикъ не можетъ ни отослать ихъ отъ себя, ни передать кому-нибудь другому свои права на ихъ службу, права, которыя могутъ перейти только къ его законнымъ наслѣдникамъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ обязательной службы, помѣщикъ долженъ содержать своихъ людей и заботиться, кромѣ того, о тѣхъ, которые въ силу слабости, старости или дѣтства не въ состояніи служить. Въ случаѣ буйства, нерадѣнія, неповиновенія или дурного поведенія помѣщикъ можетъ наказать виновнаго черезъ полицію, причемъ онъ долженъ *дать письменное показаніе относительно проступковъ* виноватаго двороваго. Дворовые, въ случаѣ притѣсненія со стороны помѣщика, имѣютъ *право жаловаться мировому посреднику*, который защищаетъ потерпѣвшихъ въ томъ случаѣ, если жалобы ихъ основательны.

Владѣлецъ платитъ подати и денежныя повинности за людей, обязанныхъ оставаться на его службѣ. Онъ можетъ освободить ихъ, по обоюдному согласію, и до истеченія двухлѣтняго переходнаго времени; онъ можетъ освободить ихъ даже безъ ихъ согласія, причемъ обязанъ обезпечить ихъ денежной суммой на все время до истеченія двухлѣтняго срока.

По прошествіи переходнаго періода дворовые освобождаются навсегда отъ всякихъ обязанностей къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Съ тѣхъ поръ освобожденные будутъ лично отвѣчать за уплату подати. Они сами должны будутъ содержать свою семью и престарѣлыхъ родителей. Кромѣ того, каждый человѣкъ, способный ра-

ботать, обязанъ платить впродолженіи 6 лѣтъ въ деревнѣ и двухъ лѣтъ въ городѣ по рублю ежегодно для призрѣнія престарѣлыхъ, страждущихъ недугомъ и круглыхъ сиротъ изъ уволенныхъ дворовыхъ людей.

Крестьяне, проживающіе въ деревняхъ, одинаково будутъ находиться впродолженіи двухъ лѣтъ во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Этотъ періодъ времени предназначается на опредѣленіе ихъ дѣйствительнаго положенія въ различныхъ мѣстностяхъ. Помѣщики должны будутъ составить на основаніи формуляра, приложеннаго къ закону, уставную грамоту, въ которой должно быть опредѣлено количество населенія въ каждомъ имѣніи, размѣръ занимаемой крестьянами земли и размѣръ повинностей. Эти уставныя грамоты будутъ провѣряться на мѣстѣ мировымъ посредникомъ съ помощью мѣстнаго полицейскаго чиновника и землемѣра въ присутствіи землевладѣльца и шести уполномоченныхъ отъ общества крестьянъ. Затѣмъ онѣ утверждаются мировымъ посредникомъ.

Впродолженіи двухлѣтняго періода впредь до введенія уставной грамоты сохраняется дореформенное положеніе крестьянъ, съ присущими ему повинностями и попечительствомъ помѣщика надъ обществомъ, при слѣдующихъ измѣненіяхъ: добавочные сборы или дани сельскими произведеніями уничтожаются повсюду, за исключеніемъ сборовъ зерномъ, свекловицей и льномъ; крестьяне, платящіе оброкъ, не могутъ быть переведены на барщину противъ собственнаго желанія; оброкъ, платимый ими до обнародованія закона, не можетъ быть увеличенъ, а барщина ни въ какомъ случаѣ не должна

превышать 3 дней въ недѣлю для мужчины и 2 дней для женщины на каждую семью. Что касается подводной повинности, то разстоянія, на которыя можно было посылать подводы, и условія работы точно опредѣлены.

Переходный періодъ, этотъ компромиссъ между крестьянами и помѣщиками въ пользу послѣднихъ, на которомъ по тѣмъ или другимъ причинамъ Редакціонная комиссія принуждена была остановиться, съ трудомъ понимался крестьянской массой, что дало поводъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ. Крестьяне назвали временно-обязанныя отношенія „бабьей волей". Эти отношенія продолжались для нѣкоторыхъ (болѣе чѣмъ для 3 милліоновъ душъ обоего пола) до 1-го января 1883 г., когда, въ силу указа Императора Александра III (28-го декабря 1881 г.), крестьяне, не нуждаясь въ согласіи помѣщиковъ, должны были приступить къ выкупу. Въ польскихъ губерніяхъ реформа была проведена нѣсколько иначе, благодаря событіямъ 1863 года и содѣйствію извѣстнаго уже намъ Милютина, бывшаго члена Редакціонной комиссіи и товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Тамъ переходнаго періода не было вовсе, такъ какъ всѣ крестьяне могли немедленно приступить къ выкупу, который къ тому же былъ обязателенъ.

Съ своей стороны русскіе помѣщики, видя неподатливость и „неблагодарность" бывшихъ крестьянъ, должны были ухватиться за Положеніе Редакціонной комиссіи, какъ за якорь спасенія. Многіе изъ нихъ поняли, какъ права была комиссія, когда не соглашалась на болѣе значительныя уступки.

Втеченіе переходнаго періода крестьяне пользуются

нѣкоторыми изъ ихъ общественныхъ правъ; но попечительство надъ обществомъ и вотчинная полиція принадлежитъ помѣщику. Онъ слѣдитъ за уплатой податей и за сохраненіемъ общественнаго порядка; онъ можетъ требовать содѣйствія крестьянъ, чтобы препятствовать всякому покушенію на свою собственную безопасность или на безопасность лицъ, принадлежащихъ къ обществу, чтобы бороться съ наводненіемъ, эпидеміей, пожаромъ и т п. Онъ контролируетъ даже дѣйствія старосты и можетъ при случаѣ предложить самому крестьянскому обществу исключить одного изъ его членовъ; въ случаѣ несогласія общества, помѣщикъ представляетъ просьбу въ Губернское присутствіе.

Для введенія въ дѣйствіе новаго законоположенія учреждаются мировые посредники, Мировые съѣзды и Губернскія присутствія.

Мировыми посредниками могутъ быть потомственные дворяне, владѣющіе болѣе 500 десят. земли; землевладѣльцы, имѣющіе не менѣе 150 дес., но получившіе высшее образованіе въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ съ чиномъ, соотвѣтствующимъ XII классу; имѣющіе право голоса на дворянскихъ выборахъ. Мировые посредники назначаются губернаторомъ изъ списка кандидатовъ, составленнаго дворянствомъ каждаго уѣзда [1]).

Мировые съѣзды (съѣзды мировыхъ посредниковъ) происходятъ въ опредѣленное время и въ опредѣлен-

---

[1]) По первоначальному проекту мировые посреднки должны были избираться крестьянами изъ мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, но этотъ проектъ не получилъ осуществленія.

номъ мѣстѣ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства.

Губернскія присутствія находятся въ губернскихъ городахъ и состоятъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго государственными имуществами, губернскаго прокурора и четырехъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ, изъ которыхъ двое назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ и двое избираются предводителями дворянства. Крестьянъ въ этомъ учрежденіи нѣтъ, такъ что оно носитъ бюрократически-сословный характеръ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ уставной грамотѣ убавляется земельный надѣлъ, опредѣляемый мѣстнымъ положеніемъ, уменьшаются или увеличиваются крестьянскія повинности, мировой посредникъ можетъ представить ее на разсмотрѣніе Губернскаго присутствія или же уѣзднаго мирового съѣзда. На неправильныя дѣйствія мирового посредника или мирового съѣзда, какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ имѣютъ право жаловаться въ Губернское присутствіе. Срокъ на принесеніе жалобъ — трехмѣсячный.

Отъ удачнаго подбора посредниковъ зависѣлъ въ значительной степени успѣхъ реформы. Мировой посредникъ въ лучшемъ смыслѣ являлся защитникомъ темной массы: самая сущность дѣла требовала этого. Къ чести дворянства нужно сказать, что посредники, дѣйствовавшіе въ первые годы послѣ реформы, своимъ честнымъ и нелицепріятнымъ отношеніемъ къ дѣлу оказали народу великую услугу. Да и самое дѣло было такое правое и живое, а время такое гуманное, что

многіе изъ тѣхъ, которые раньше считались крѣпостниками, дѣлались невольно сторонниками бѣднѣйшаго класса.

Положеніе ихъ среди двухъ враждебно настроенныхъ лагерей было крайне щекотливое, а между тѣмъ имъ приходилось разбирать всѣ жгучія несогласія и спорныя дѣла. Они должны были съ одной стороны побѣждать упрямство людей, подчасъ очень своенравныхъ, а съ другой завоевывать довѣріе крестьянской массы, предубѣжденной противъ всякаго „барина". Но Самариныхъ, князей Черкасскихъ, бароновъ Розеновъ и др. впослѣдствіи смѣнили люди болѣе индифферентные, и реформа начала затягиваться; съ 1873 года и въ особенности съ 1875 г., когда должность мирового посредника была уничтожена, число выкупныхъ сдѣлокъ прогрессивно уменьшалось. Въ 1880 году только ничтожное количество крестьянъ (около 20,000 человѣкъ) могли приступить къ выкупу.

Глава XXIV.

Оглавленіе. Мѣстныя положенія. — Великороссійское положеніе. — Положенія для Малороссіи, западныхъ губерній и др. областей имперіи. — Выкупъ земель. — Мелкопомѣстныя имѣнія.

Съ цѣлью обезпечить бытъ крестьянъ и дать имъ возможность выполнить ихъ обязанности предъ правительствомъ и помѣщиками, представляется каждому сельскому обществу въ постоянное пользованіе *надлежащее*

количество земли, за которую крестьяне платятъ опредѣленный оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

Съ выкупомъ усадебной земли крестьяне освобождаются отъ платежа помѣщику той доли оброка, которая падаетъ на выкупныя усадьбы, и получаютъ ихъ въ полную собственность, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что впродолженіи первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія положенія, выкупныя усадьбы не могутъ быть передаваемы или закладываемы лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу крестьянъ.

Великороссія, Новороссія и Бѣлоруссія раздѣляются на 3 полосы: черноземная, не черноземная и степная полоса.

Эти три полосы подраздѣляются на 29 мѣстностей; для каждой мѣстности устанавливается особый размѣръ надѣла на душу.

Въ первыхъ двухъ полосахъ законъ устанавливаетъ для каждой мѣстности maximum и minimum (нормальный высшій надѣлъ и нормальный низшій) надѣла, считая minimum равнымъ одной трети maximum'а. Въ степной области устанавливается только одна норма для всѣхъ мѣстностей.

Мы ограничимся приведеніемъ только самыхъ характерныхъ цифръ. Въ черноземной полосѣ крестьяне получили менѣе всего земельнаго надѣла; высшій надѣлъ для каждаго лица мужского пола опредѣленъ въ 2 дес. 1800 кв. саж. ($2^3/_4$ десятины) и низшій надѣлъ въ 2200 кв. саж. ($^{11}/_{12}$ десятины). Въ степной полосѣ крестьяне получили болѣе всего земли: по 12 десятинъ для каждаго лица мужского пола. Въ этихъ предѣлахъ

проходитъ длинный рядъ цифръ, изъ чего можно заключить, насколько безконечно разнообразны были размѣры надѣловъ. Какъ мы уже говорили, при опредѣленіи высшихъ и низшихъ нормъ надѣловъ по мѣстностямъ сообразовались съ системою существовавшихъ надѣловъ земли. Слѣдовательно, земли, принадлежавшія крестьянамъ въ день утвержденія положенія, были оставлены за ними при измѣненіяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Для огражденія интереса помѣщиковъ было установлено постоянное отношеніе между тѣми землями, которыя останутся у нихъ, и тѣми, которыя перейдутъ въ собственность крестьянъ [1]).

Если сельское общество имѣло въ своемъ распоряженіи земли больше, чѣмъ это положено для высшаго надѣла данной мѣстности, то помѣщикъ можетъ отрѣзать себѣ излишекъ; во всякомъ случаѣ крестьяне имѣютъ право пользоваться впродолженіи 5 лѣтъ всею своей полевой землей и угодьями, уплачивая при этомъ дополнительный оброкъ. Если крестьянское общество занимаетъ часть земли ниже опредѣленнаго минимальнаго размѣра для данной мѣстности, то помѣщикъ долженъ дополнить недостающее количество земли; онъ не обязанъ этого дѣлать въ томъ случаѣ, если у него остается менѣе трети удобной земли для черноземной

[1]) У помѣщика должна была остаться $^1/_3$ его земель. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагала Редакціонная комиссія въ первый періодъ своихъ работъ. Позднѣе было постановлено, чтобы эту треть брать по отношенію однѣхъ удобныхъ земель; а также, чтобы помѣщичьей землей считать только ту землю, которая находится не далѣе 12 верстъ отъ надѣляемаго селенія.

полосы и менѣе половины для степной полосы. Послѣ того какъ надѣлъ будетъ установленъ согласно закону, помѣщикъ не можетъ быть принужденъ ни въ какомъ случаѣ увеличить его. Надѣлъ, причитающійся крестьянамъ въ постоянное пользованіе, можетъ быть уменьшаемъ, по добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами, до половины высшаго или указнаго надѣла. Если помѣщикъ даритъ крестьянамъ четверть высшаго или указнаго надѣла, то крестьяне, отказавшись отъ остальныхъ трехъ четвертей, освобождаются отъ всѣхъ повинностей, связанныхъ съ выкупомъ земли. Наконецъ, если населеніе по какой нибудь причинѣ уменьшается на $^1/_5$, то крестьяне могутъ отказаться отъ обязательнаго пользованія $^1/_5$ части земли и уменьшить пропорціонально этому цифру уплачиваемаго оброка.

По истеченіи 9 лѣтъ каждый крестьянинъ имѣетъ право отказаться отъ обязательнаго пользованія землей для переселенія на другія земли или для перехода въ другія общества и сословія, но не иначе, какъ по выполненіи условій, заключающихся въ общемъ положеніи, а именно: требуется согласіе общества, окончательный выкупъ усадьбы и пріобрѣтеніе земли, лежащей, по крайней мѣрѣ, за 15 верстъ отъ мѣста его жительства и занимающей пространство вдвое большее положеннаго высшаго или указнаго надѣла.

Такъ какъ пользованіе землей (полевыми угодьями) не связано срокомъ, то и временно-обязанное положеніе крестьянъ можетъ продолжаться безконечно.

Болѣе обезпеченными оказались крестьяне чернозем-

ной трехпольной полосы. Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени интересно ознакомиться съ матеріальнымъ бытомъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ экономическое положеніе другихъ крестьянъ, въ силу ихъ меньшей обезпеченности, выступитъ съ полной рельефностью. Подъ черноземною трехпольною полосой мы разумѣемъ губерніи Воронежскую, Калужскую, Курскую, Орловскую, Пензенскую, Рязанскую, Тамбовскую и Тульскую, которыя по плотности земледѣльческаго населенія занимаютъ первое мѣсто въ Европейской Россіи. Крестьяне этихъ губерній получили гораздо менѣе надѣльной земли, чѣмъ крестьяне другихъ мѣстностей, что объясняется плодородностью почвы въ названной полосѣ.

Чаславскій, изучившій основательно сельскій бытъ Россіи, нашелъ, что въ названныхъ губерніяхъ у крестьянъ недоимки будутъ отсутствовать лишь въ томъ случаѣ, если у нихъ будетъ не менѣе 4 десятинъ удобной земли. Между тѣмъ изъ 2.457,000 душъ мужского пола только 4% помѣщичьихъ крестьянъ получили болѣе 4 дес.,

остальные же 25% получили отъ 3 до 4 десятинъ
50% „ отъ 2 до 3 „
13% „ отъ 1 до 2 „
и 8% „ менѣе 1 десятины.

На основаніи соображеній Чаславскаго, 73% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ должны влачить свое существованіе и наиболѣе способствовать накопленію недоимокъ. Финансы Россіи, вполнѣ зависящіе отъ благосостоянія крестьянской массы, находились бы въ затруднительномъ положеніи, еслибы законодатель не

смягчилъ въ 1866 году нѣкоторыхъ промаховъ реформы 1861 года, а именно: въ 1866 году была сравнительно обезпечена другая половина податной массы — государственные крестьяне.

19°/₀	государств. крест.	получили	более	6 дес.
48°/₀	„	„	„	отъ 4 до 6 дес.
24°/₀	„	„	„	отъ 3 до 4 „
8°/₀	„	„	„	отъ 2 до 3 „
1°/₀	„	„	„	отъ 1 до 2 „
0,2°/₀	„	„	„	менѣе 1 десятины;

слѣдов., необезпеченныхъ государственныхъ крестьянъ около 33°/₀, т.-е. значительно меньше половины всѣхъ государственныхъ крестьянъ названныхъ губерній.

Если же принять во вниманіе всѣхъ крестьянъ данной мѣстности, т.-е. причислить къ нимъ и 40,000 душъ удѣльныхъ, которыя, по степени надѣленія землей, занимаютъ среднее мѣсто между помѣщичьими и государственными крестьянами, то изъ 4.775,000 крестьянъ нужно считать необезпеченными 66°/₀.

Оптимизмъ Редакціонной комиссіи, полагавшей, что уровень матеріальнаго благосостоянія народа немедленно повысится, и что въ скоромъ времени облегчится сборъ прямыхъ налоговъ, не оправдался. Правда, она предвидѣла горькую участь малоземельныхъ крестьянъ, число которыхъ должно было прогрессивно увеличиваться вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія, и въ лицѣ Милютина и его друзей проектировала широкую, организованную государствомъ переселенческую реформу, но реакція начала 60-хъ годовъ отодвинула этотъ жизненный вопросъ на задній планъ, а общественная мысль на-

чала работать въ другомъ направленіи, надъ осуществленіемъ новыхъ грандіозныхъ реформъ.

Съ проведеніемъ великой транс-сибирской желѣзной дороги переселенческій вопросъ опять властно выдвинется на первый планъ, и отъ благополучнаго разрѣшенія его будетъ зависѣть благоденствіе Россійской имперіи, въ лицѣ ея податной массы, на много лѣтъ. Отъ широты взглядовъ дѣятелей этого времени будетъ зависѣть та или иная постановка другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ кореннымъ экономическимъ переустройствомъ народнаго быта. Одна изъ самыхъ важныхъ реформъ — реформа народнаго образованія, поставленнаго на широкихъ основаніяхъ, девизомъ которой должно быть: „нѣтъ болѣе безграмотныхъ“. Повышеніе умственнаго и нравственнаго развитія крестьянскихъ массъ, сопутствуемое гуманнымъ законодательствомъ, болѣе всего можетъ предупредить капитализацію земли въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ лэндлордовъ. Оно избавитъ страну отъ такихъ ужасовъ аграрнаго неустройства, какіе мы видѣли въ Ирландіи. Горькій опытъ другихъ странъ долженъ служить живымъ примѣромъ для молодой Россіи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію повинностей, которыя должны соотвѣтствовать душевому надѣлу. Положеніе содержитъ подробныя правила относительно издѣльной повинности (поденная работа); maximum ея,

соотвѣтствующій высшему душевому надѣлу, равняется 40 днямъ въ годъ для мужчины и 30 днямъ для женщины. Въ имѣніяхъ, гдѣ земельный надѣлъ меньше, число рабочихъ дней на помѣщика пропорціонально уменьшается. Подводы могутъ быть потребованы въ предѣлахъ имѣнія и идутъ въ зачетъ рабочихъ дней, опредѣленныхъ закономъ. Въ теченіе переходнаго періода, крестьяне, бывшіе раньше на барщинѣ, могутъ переходить на оброкъ—только съ согласія владѣльца. Послѣ этихъ двухъ лѣтъ они имѣютъ право замѣнить издѣльную повинность оброкомъ, съ условіемъ, за годъ увѣдомить объ этомъ помѣщика. Что касается денежной повинности, положеніе, чтобы установить maximum ея, дѣлитъ страну на 4 полосы, которымъ соотвѣтствуютъ 4 категоріи оброковъ. Основная цифра равняется 9 р. въ годъ съ человѣка. Въ богатыхъ и промышленныхъ мѣстностяхъ оброкъ колеблется между 10 и 12 р., онъ спускается до 8 р. въ менѣе удобныхъ мѣстахъ.

Благодаря существованію кругового другъ за друга ручательства, оброкъ будетъ вноситься обществомъ черезъ сельскаго старосту или особаго сборщика. Каждый крестьянинъ можетъ впрочемъ платить свою долю прямо помѣщику, если ни помѣщикъ, ни общество не будутъ имѣть ничего противъ этого.

Размѣръ оброка, опредѣленнаго въ уставной грамотѣ, останется неизмѣннымъ впродолженіи 20 лѣтъ. По истеченіи этого срока, по просьбѣ помѣщика или кре-

стьянъ, производится переоброчка на тѣхъ основаніяхъ, которыя укажетъ правительство.

Положеніе отличаетъ отъ другихъ повинностей оброкъ, уплачиваемый за усадебную осѣдлость (подъ этимъ названіемъ подразумѣваются строенія, огороды, сады, выгоны, коноплянники, водопой, однимъ словомъ все, что находится въ предѣлахъ деревни). Это различіе было необходимо по той причинѣ, что усадебную осѣдлость нужно было выкупить отдѣльно и обязательно. Усадебныя земли раздѣлены на 4 категоріи, которымъ соотвѣтствуетъ различный оброкъ. Наконецъ, положеніе опредѣляетъ правила для обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей.

Что касается барщины (издѣльной повинности), опредѣляемой положеніемъ и уставными грамотами, то крестьяне, живущіе въ общинѣ, являются всѣ вмѣстѣ отвѣтственными за нихъ; тамъ, гдѣ нѣтъ такого учрежденія, крестьянинъ отвѣчаетъ самъ за себя. Чтобы принудить крестьянъ къ выполненію ихъ повинностей, помѣщикъ можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ мировому посреднику. Денежныя повинности будутъ взыскиваться такъ же строго, какъ государственныя подати, и неаккуратный должникъ будетъ подвергаться штрафу въ размѣрѣ 1 копейки въ мѣсяцъ съ каждаго рубля, оставшагося въ недоимкѣ. Отвѣтственное за всѣхъ общество будетъ вносить помѣщику въ установленный срокъ всю сумму оброка; за нимъ сохраняется право взыскивать съ каждаго изъ своихъ членовъ его долю подати. Оно облечено къ тому же очень широкой властью: запоздавшій должникъ можетъ быть отданъ какъ бы

во временную кабалу сосѣднему крестьянину, чтобы заработать своимъ трудомъ то, что онъ долженъ въ общественную сумму; онъ можетъ быть отданъ подъ опеку и лишенъ права располагать своимъ имуществомъ, пока не выплатитъ недоимки; его недвижимое имущество можетъ быть продано, за исключенiемъ усадебной осѣдлости; могутъ также продать часть движимаго имущества и строенiй и все, что не составляетъ особой необходимости въ хозяйствѣ.

Если само общество неаккуратно въ уплачиванiи оброка, то мировой посредникъ можетъ приказать старостѣ никого не увольнять по паспортамъ изъ деревни и не возобновлять паспортовъ тѣмъ, которые зарабатываютъ хлѣбъ на сторонѣ; онъ можетъ по своему усмотрѣнiю смѣнить должностныхъ лицъ общества, распорядиться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ на заработки по контрактамъ; пустить въ продажу все имущество крестьянъ, за исключенiемъ предметовъ первой необходимости; отнять у нихъ часть земли и отдать ее въ аренду на три года съ торговъ.

Въ томъ случаѣ, если несостоятельность произойдетъ отъ случайныхъ причинъ (пожара, эпидемiи и т. п.), мировой посредникъ долженъ довести объ этомъ въ отчетѣ до свѣдѣнiя Губернскаго присутствiя и просить для общества денежнаго пособiя изъ государственной казны.

Тѣ же принудительныя мѣры могутъ быть употреблены противъ крестьянъ, гдѣ принципъ круговой поруки отсутствуетъ. Взысканiе будетъ производиться со всякаго задолжавшаго. По истеченiи 9 лѣтъ можетъ быть продана съ публичнаго торга даже выкупленная уса-

дебная осѣдлость, вслѣдствіе несостоятельности крестьянина.

Вотъ тѣ строгія мѣры, которыя обезпечивали правильность податной машины, но врядъ ли онѣ соотвѣтствовали дѣйствительной неаккуратности плательщиковъ. Во второй періодъ работъ Редакціонной комиссіи оброкъ вообще былъ увеличенъ: такъ, для черноземной полосы онъ увеличился на 1 рубль (9 рублей); вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы знаемъ, надѣлы были уменьшены; другими словами, получилось новое увеличеніе оброка, такъ какъ повинности пропорціонально не уменьшились. Если къ этимъ повинностямъ прибавить еще все возраставшіе государственные и земскіе сборы и платежи для содержанія крестьянскихъ должностныхъ лицъ, то доходъ, получаемый съ надѣльной земли, въ большей половинѣ случаевъ, врядъ ли достаточенъ для покрытія только этихъ прямыхъ налоговъ [1]). Въ справедливости сказаннаго мы можемъ убѣдиться, просматривая областные отдѣлы нашихъ журналовъ за послѣднее десятилѣтіе, которые приводятъ довольно краснорѣчивыя цифры относительно увеличенія числа безземельныхъ и повсемѣстной убыли крестьянскаго скота.

Съ другой стороны мы знаемъ, что недоимки растутъ, между тѣмъ народъ отказываетъ себѣ въ пищѣ и одеждѣ. Лебеда, растущая въ качествѣ сорной травы во ржи и употребляемая въ болѣе богатыхъ экономіяхъ для

---

[1]) Подушная подать была увеличена въ 1863 и 1867 г. Государственный земскій сборъ возросъ къ 1874 г. почти вдвое (съ 57 коп. до рубля).

корма свиней, сдѣлалась обычной и почти необходимой примѣсью въ хлѣбѣ (до 50%) въ мѣстностяхъ, въ которыхъ урожай ниже средняго; тоже самое нужно сказать о хлѣбѣ изъ отрубей или свекловицы (во время голодовки 1891 года народъ не брезгалъ и отбросами свекловицы, т.-е. чистой волокниной) съ примѣсью незначительнаго процента непросѣянной муки. Все это показываетъ, насколько можетъ быть изобрѣтателенъ народный умъ, когда дѣло идетъ о желѣзномъ законѣ борьбы за существованіе. Въ обыкновенный не голодный годъ заурядньмъ явленіемъ въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ является хлѣбъ, къ которому примѣшано значительное количество картофеля, приготовленнаго особымъ образомъ. Нужда указываетъ, какой процентъ картофеля долженъ быть прибавленъ къ ржаной мукѣ.

Обвиненіе русскаго народа въ пристрастіи къ вину не выдерживаетъ серьезной критики. Извѣстно, что въ среднемъ на Западѣ выпиваютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи. Если же объяснять пристрастіе къ вину наслѣдіемъ крѣпостного порядка, то въ этомъ отношеніи въ первые же годы послѣ освобожденія народная жизнь сдѣлала значительные успѣхи; такъ въ 1864 году водка производилась въ количествѣ 27 милліоновъ ведеръ, черезъ десять лѣтъ, въ 1874 году, производство ея уменьшилось на 3%, тогда какъ за то же время количество населенія увеличилось на 10%. Число кабаковъ за то же время уменьшилось на 40%. Въ 1863 году было 257000 кабаковъ, въ 1875 г.—139000 и только въ 1881 году замѣчается нѣкоторое увеличеніе ихъ:—146000. Эти

цифры еще очевиднѣе доказываютъ, что крѣпостной порядокъ болѣе способствовалъ народному пьянству, чѣмъ это думаютъ. Если же мы примемъ во вниманіе, что пьяницы выходятъ преимущественно изъ разоряющихся хозяйствъ, то немного ошибемся, сказавъ, что главнымъ потребителемъ водки является самая бѣдная часть податного населенія.

Повышенная смертность въ Россіи указываетъ на усиленную борьбу человѣческаго организма съ одной, двумя, тремя десятинами земли, не могущими дать того количества продуктовъ, которое необходимо русскому человѣку при данныхъ условіяхъ его существованія. Въ этомъ весь трагизмъ его положенія. Недостатокъ въ пищѣ, въ тепломъ жилищѣ, въ одеждѣ, обуви, изнурительная работа, подтачивающая, въ особенности быстро, хрупкій организмъ женщины, вполнѣ объясняютъ намъ поразительно низкій уровень средней жизни въ Россіи и высокую цифру смертности. Цифры дѣлаются рельефнѣе, если сравнивать Россію съ сѣверными ея сосѣдками Швеціей и Норвегіей, которыя находятся вмѣстѣ съ Россіей приблизительно въ однихъ и тѣхъ же климатическихъ условіяхъ. По статистическимъ даннымъ, въ Россіи умираетъ ежегодно 36 человѣкъ на 1000, въ Норвегіи — ровно вдвое меньше. По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, въ 1877 году смертность въ Россіи равнялась приблизительно 33 на 1000 человѣкъ. Въ Пермской губ. смертность достигала до 50 случ. на 1000 человѣкъ.

Если переложить на деньги убытокъ для государственной экономіи, происходящій отъ болѣзней и прежде-

временной смерти такого громаднаго количества людей (принимая, понятно, въ разсчетъ среднюю продуктивность человѣческаго труда), то этотъ убытокъ выразится не въ тысячахъ, а въ милліонахъ рублей. Принявъ Швецію и Норвегію за образецъ, мы можемъ сказать, что Европейская Россія теряетъ ежегодно до 1½ милліона душъ обоего пола.

Чтобы покончить съ повинностями, скажемъ, что десятины крестьянскаго надѣла были обложены неравномѣрно. Исходя изъ соображенія, что меньшее количество земли обусловливаетъ болѣе интенсивное хозяйство, Редакціонная комиссія придала громадное значеніе первой десятинѣ и обложила ее выше, чѣмъ вторую, вторую выше, чѣмъ третью и т. д. По мнѣнію комиссіи, во вторую и третью и т. д. десятины крестьянинъ не въ состояніи вложить столько труда и оборотнаго капитала, какъ въ первую, а потому и выгоды, получаемыя со второй, третьей и т. д. десятины, не столь значительны, какъ съ первой десятины. А между тѣмъ для всякаго крестьянина ясно, что, чѣмъ надѣлъ значительнѣе, тѣмъ хозяинъ богаче и тѣмъ больше дохода получаетъ онъ съ каждой десятины въ отдѣльности. На одной, двухъ или даже трехъ десятинахъ невозможно содержать необходимаго скота, отъ чего должно страдать удобреніе, крестьянинъ же вынужденъ за дорогую плату нанимать луга и выгоны у сосѣдняго помѣщика. Подобное намѣренное или ненамѣренное незнакомство съ русской дѣйствительностью принесло свои горькіе плоды: появился типъ сельскаго пролетарія, надѣленнаго землей, не обезпечивающей ни повинностей, ни крестьянина,

съ его минимальными потребностями. Редакціонная комиссія много потеряла отъ того, что не былъ приведенъ въ исполненіе одинъ изъ проектовъ Ростовцева, который предполагалъ создать при комиссіи еще подкомиссію совѣщательнаго характера. Ростовцевъ предполагалъ вызвать крестьянскихъ старостъ и небогатыхъ помѣщиковъ, непосредственно знакомыхъ съ условіями народной жизни, съ правомъ совѣщательнаго голоса. Эти эксперты должны были отвѣчать на слѣдующіе 2 вопроса: „понятно ли вамъ то, что написано, и можно ли то, что написано, исполнить у васъ съ пользою"? Редакціонная комиссія во второй періодъ своихъ работъ должна была считаться съ ихъ отвѣтами. Но смерть помѣшала Ростовцеву выполнить этотъ планъ.

Малороссія, Украйна и Литва получили отдѣльныя мѣстныя положенія, благодаря особому господствующему порядку распредѣленія крестьянской земли и еще болѣе благодаря специальному характеру населеній.

Въ Великоруссіи общество или міръ основано на общинномъ владѣніи землей и на круговой другъ за друга отвѣтственности.

Въ Малороссіи, наоборотъ, земледѣлецъ владѣетъ землей по наслѣдственному праву; община тамъ не имѣетъ значенія. Таковы различія, на которыхъ основывалась Редакціонная комиссія.

Собственно, существуютъ три положенія: 1) для Малороссіи, именно для губерній Черниговской, Полтавской и части Харьковской; 2) для Украйны, въ которую входятъ Кіевская, Подольская и Волынская губерніи; 3) для Литвы, т.-е. для Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской губерніи.

Положенія, уважая обычаи и духъ учрежденія отдѣльныхъ мѣстностей, удержали порядокъ частнаго владѣнія землей по наслѣдственному праву. Законодатель не задавался цѣлью вводить общинное владѣніе или круговую отвѣтственность тамъ, гдѣ это противно мѣстнымъ традиціямъ. Вся Малороссія была раздѣлена на 9 мѣстностей, въ которыхъ были установлены максимальные душевые надѣлы, колеблющіеся между $2^3/_4$ и $4^1/_2$ десятинами. Кромѣ того, по положенію, минимальный надѣлъ долженъ равняться половинѣ максимальнаго; въ случаѣ, если земельная собственность крестьянъ будетъ ниже этого минимальнаго надѣла, помѣщикъ долженъ добавить имъ земли. Въ Малороссіи ко дню освобожденія образовалось нѣсколько категорій крестьянъ: пѣшіе, тяглые и безземельные батраки. Пѣшими назывались крестьяне, не имѣвшіе скота; они были надѣлены скуднѣе, чѣмъ тяглые, владѣвшіе по меньшей мѣрѣ парою воловъ. Батраки работали на помѣщика и получали за это плату натурой. Такъ какъ Малороссійское положеніе, вообще говоря, удерживаетъ за крестьянами тѣ участки земли, которыми они пользовались до освобожденія, то, чтобы обезпечить бытъ обезземеленныхъ крестьянъ, количество надѣльной земли въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вычисляется для всего крестьянскаго общества по числу ревизскихъ душъ.

Что касается Украйны и Литвы, то положенія не устанавливаютъ для нихъ ни высшей, ни низшей нормы, такъ какъ въ этихъ двухъ областяхъ инвентарныя правила опредѣляютъ количество земли, предназначаемой для крестьянъ. Положенія для Малороссіи и Украйны

удерживаютъ издѣльную повинность (барщину, панщину), опредѣляемую мужичьими пѣшими днями; упряжные рабочіе дни не полагаются; послѣдняя повинность очень убыточна для крестьянъ, а иногда разорительна, въ случаѣ смерти или гибели рабочаго скота. Законъ принимаетъ нормальнымъ пѣшій семейный участокъ, размѣръ котораго для Украйны опредѣляется указаніями инвентарныхъ правилъ и для Малороссіи выражается величиной, которая въ полтора раза больше высшаго душевого надѣла.

Положенія уничтожаютъ обязательный женскій трудъ и сокращаютъ мужскіе рабочіе дни.

Денежная (оброкъ, чиншъ) или издѣльная повинность за пѣшій полевой участокъ и за усадебную осѣдлость исчисляется соразмѣрно съ количествомъ удобной земли. Въ Малороссіи размѣръ оброка колеблется смотря по мѣстностямъ отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 80 к., работой отъ 12 до 21 дня за десятину пѣшаго и добавочнаго полевого участка. Въ Украйнѣ денежная повинность назначена была въ размѣрѣ отъ 1 р. 35 к. до 3 р. 30 к. за коренной и дополнительный надѣлъ; издѣльная повинность отъ 8 до 20 дней. Въ обѣихъ мѣстностяхъ денежная повинность за усадебную осѣдлость равняется 5 р. 10 к. съ десятины.

Въ Литвѣ упряжная повинность и работа женщинъ удерживаются согласно съ прежними инвентарными правилами, но съ пониженіемъ инвентарныхъ повинностей на 10%, именно съ сокращеніемъ числа мужскихъ и женскихъ сгонныхъ и пригонныхъ дней. Если же на который либо крестьянскій участокъ причтется свыше

23 рабочихъ дней съ десятины удобной земли, то издѣльная повинность еще уменьшается до этого размѣра. Право на рыбныя ловли принадлежитъ въ предѣлахъ всего имѣнія помѣщику; крестьяне могутъ пользоваться рыбною ловлею, отбывая повинности. Право на охоту принадлежитъ также помѣщику, однако крестьянамъ не воспрещается на мірской землѣ истреблять хищныхъ или вредныхъ для хозяйства птицъ и звѣрей.

Что касается крестьянскихъ земель, то постановлено, что надѣлы не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ (ни при введеніи въ дѣйствіе положенія и составленія уставной грамоты, ни впослѣдствіи) уменьшаемы болѣе, чѣмъ на $^1/_6$ часть; остальныя пять шестыхъ образуютъ неприкосновенную землю крестьянскаго надѣла, предназначеннаго для обезпеченія быта крестьянъ.

Кромѣ того, общія правила положенія одинаково прилагаются какъ къ Малороссіи, Украйнѣ и Литвѣ, такъ и ко всѣмъ другимъ частямъ Имперіи.

Положеніе содержитъ спеціальныя дополнительныя правила, относящіяся, какъ къ крѣпостнымъ Области Войска Донского, Ставропольской губ., Сибири и Бессарабской губерніи, такъ и къ крѣпостнымъ заводовъ и фабрикъ.

Въ Землѣ Войска Донского сверхъ льготъ, вообще предоставленныхъ дворовымъ людямъ, дозволено было имъ, по прекращеніи обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, зачисляться въ казачье сословіе. Указный размѣръ крестьянскаго надѣла на душу колеблется отъ 3 до $4^1/_2$ десятинъ. Если помѣщикъ надѣлитъ крестьянъ количествомъ земли, меньшимъ противъ указнаго надѣла, то при исчисленіи оброка, слѣдуемаго съ крестьянъ изъ

восьмирублеваго душевого оброка, четыре рубля относятся къ первой десятинѣ указнаго надѣла, а остающіеся 4 рубля раскидываются равномѣрно на всю остальную часть указнаго душевого надѣла.

Положеніе о выкупѣ земель крестьянами относится ко всей Россіи. Законъ признаетъ абсолютную необходимость выкупа усадебной земли [1]). Выкупъ полевыхъ земель и угодій, отведенныхъ въ постоянное пользованіе крестьянамъ, допускается только съ согласія помѣщика, т.-е. за помѣщикомъ оставляется какъ-бы инціатива въ выкупѣ его собственной земли. Если крестьянинъ выкупалъ не менѣе трети высшаго (въ степной полосѣ—указнаго) надѣла на душу, а въ селеніяхъ, гдѣ общинное пользованіе замѣнено подворнымъ, не менѣе двухъ душевыхъ надѣловъ высшаго размѣра, то онъ могъ разсчитывать на содѣйствіе правительства. При пріобрѣтеніи въ собственность крестьянами полнаго надѣла, опредѣленнаго въ условной грамотѣ, выдается въ ссуду 80% всей суммы; при пріобрѣтеніи уменьшеннаго надѣла 75% всей суммы. Въ Литвѣ подворный участокъ не могъ быть уменьшаемъ болѣе, какъ до десяти десятинъ; участки же, недостигшіе десятидесятиннаго размѣра, могли быть пріобрѣтаемы только въ полномъ составѣ. Законъ не запрещалъ крестьянамъ покупать меньшее количество угодій, но онъ не распространялъ правилъ о выдачѣ выкупныхъ ссудъ на сдѣлки этого рода.

Выкупъ усадебныхъ земель производится посредствомъ капитализаціи оброка, который ежегодно уплачивается

---

1) Т.-е. законъ не требовалъ въ этомъ случаѣ согласія ни помѣщика, ни крестьянина.

крестьяниномъ помѣщику за усадебную землю, изъ 6% въ Великороссійскихъ, Новороссійскихъ, Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерніяхъ, изъ 5% въ Украйнѣ и Малороссіи.

Примѣръ. Если крестьянинъ платитъ 6 рублей оброка, то, капитализируя оброкъ, получаемъ всю сумму, которую крестьянинъ долженъ уплатить помѣщику, а именно: 100 р. (6 умноженное на $16^2/_3=100$). Ссуда, которую крестьянинъ можетъ получить отъ государства, равна 80 рублямъ, когда онъ выкупаетъ полный надѣлъ, и 75 р., когда онъ выкупаетъ уменьшенный.

Что касается пріобрѣтенія полевыхъ угодій (пахатныхъ земель, сѣнокосовъ и др.), то съ согласія помѣщика крестьяне могутъ выкупать въ полную собственность отведенныя имъ въ постоянное пользованіе полевыя угодья въ полномъ ихъ составѣ или только часть этихъ угодій; причемъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ положеніи о выкупѣ, оказывается правительствомъ содѣйствіе выдачею выкупной ссуды, которая должна быть постепенно уплачиваема. Уплата производится взносомъ ежегодныхъ процентовъ 5 на 100 и 1% на погашеніе капитала впродолженіи 49 лѣтъ. Часть ссуды выдается помѣщику государственными 5% банковыми билетами, вмѣсто же остальной части ссуды назначается въ пользу помѣщика, впредь до погашенія этой ссуды, непрерывный доходъ изъ казны въ размѣрѣ 5% въ годъ.

Законъ признаетъ мелкопомѣстными имѣніями тѣ имѣнія, которыя содержатъ населенія не больше 21 души мужского пола или менѣе того, и которыя по количе-

ству земли не достигаютъ извѣстныхъ предѣловъ, различныхъ въ разныхъ полосахъ.

Крестьяне этихъ имѣній, которые до освобожденія совсѣмъ не имѣли земельнаго надѣла, не могутъ требовать его. Они получаютъ усадебную осѣдлость на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ другіе крестьяне, и одинаково съ ними могутъ выкупать ее. Тѣ же, которые не имѣютъ ни угодій, ни усадебной осѣдлости, приравниваются къ дворовымъ людямъ. Это означаетъ, что послѣ двухлѣтней обязательной службы у ихъ прежнихъ владѣльцевъ они свободны переселиться въ другое мѣсто и именно на казенныя земли. Государство доставитъ имъ даромъ по 100 балокъ лѣса для жилища и дастъ имъ, кромѣ того, по 20 р. на семью, чтобы облегчить ихъ первыя затраты при переселеніи, или по 35 руб. въ томъ случаѣ, если нельзя будетъ имъ доставить необходимаго строевого лѣса.

Наконецъ они получатъ по 20 рублей для пріобрѣтенія необходимыхъ земледѣльческихъ орудій. Кромѣ того, они будутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами и льготами въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока. Съ согласія мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, государство можетъ пріобрѣсти въ собственность ихъ имѣнія. Сумма, слѣдуемая за покупку, будетъ выплачиваться при капитализаціи дохода изъ 6%. Кромѣ того будутъ назначены изъ государственной казны денежныя воспомоществованія [1]) владѣльцамъ мелкихъ помѣстій, которые вслѣдствіе освобожденія ихъ крестьянъ оказались бы въ затруднительномъ положеніи.

---

[1]) 5 милл. рубл.

Глава XXV.

Оглавленіе.—Радость населенія.—Отношеніе деревни.—Волненія крестьянъ.- Отчеты губернаторовъ.—Значеніе мировыхъ посредниковъ.— Составленіе уставныхъ грамотъ.—Открытіе сельскихъ обществъ и волостей.—Нѣкоторыя мѣропріятія министерства.

4 Декабря 1860 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи будущихъ Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій подъ названіемъ временныхъ комиссій. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской увѣдомилъ объ этомъ губернаторовъ, прибавивъ, что отъ удачнаго подбора въ учреждаемыя комиссіи лицъ, которымъ присвоивается обширный кругъ дѣятельности и весьма значительныя права, будетъ зависѣть не только благосостояніе двухъ сословій, но и спокойствіе цѣлаго края. Въ то же время собранія предводителей должны были произвести выборы членовъ отъ дворянства. Ко времени обнародованія положеній Губернскія присутствія были уже образованы, только мировые посредники еще не были назначены.

Съ своей стороны Государственная Канцелярія приняла всѣ мѣры, чтобы возможно скорѣе отпечатать Манифестъ и Положеніе [1]): Губернаторамъ было предложено немедленно приготовить необходимыя средства для быстраго и по возможности одновременнаго доставленія ихъ во всѣ приходы и во всѣ помѣщичьи имѣнія. Кромѣ того, командированы были въ губерніи генералъ-

1) Первый былъ напечатанъ въ 220,000 экз., втор. въ 190,000.

майоры и флигель-адъютанты свиты Его Величества, снабжённые отъ имени Александра II особою инструкціею, которая уполномочивала ихъ объяснять крестьянамъ, что, получивъ новыя права, они не могутъ выходить изъ повиновенія установленнымъ властямъ, но должны отправлять повинности и пользоваться своими правами въ томъ порядкѣ, какой указанъ въ Манифестѣ и Положеніи. Въ случаѣ неповиновенія или ослушанія со стороны крестьянъ, флигель-адъютанты должны были отправляться на мѣсто безпорядковъ и принимать всѣ мѣры для ихъ прекращенія; отчетъ обо всемъ они должны были отдавать непосредственно Императору.

5 Марта 1861 года Высочайшій Манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ, о чемъ было сообщено по телеграфу во всѣ губерніи. Повсемѣстное обнародованіе окончилось въ 28 дней [1]).

Замедленіе произошло отчасти отъ того, что типографіи не могли заготовить вовремя необходимое количество экземпляровъ, такъ что съ Манифестомъ было отправлено небольшое число положеній. Только 18 марта типографіи могли закончить эту громадную работу.

Послѣ обнародованія положеній циркуляръ министра в. д. (22 марта) губернаторамъ еще разъ подчеркивалъ ту мысль, что успѣхъ возложеннаго на нихъ избранія мировыхъ посредниковъ составляетъ одну изъ первостепенныхъ заботъ правительства; при этомъ излагались требованія, которымъ должны были удовлетворять посредники.

---

[1]) 2 Апр. былъ обнародованъ Манифестъ въ Кишиневѣ.

Министерству предстояла довольно трудная и отвѣтственная задача слѣдить за ходомъ реформы, исправлять и пополнять своевременно недостатки и пробѣлы положенія, объединять разрозненныя дѣйствія отдѣльныхъ учрежденій и лицъ и чутко откликаться на всѣ запросы деревни. Однимъ словомъ, оно должно было внести жизнь въ то дѣло, надъ которымъ такъ лихорадочно трудилась Редакціонная комиссія; *оно должно было замѣнить собой Редакціонную комиссію* и, сдѣлавшись проводникомъ ея воззрѣній, внести въ новыя учрежденія тотъ духъ, которымъ были проникнуты ея лучшіе дѣятели. Но, какъ мы уже говорили, проводникомъ идей Редакціонной Комиссіи сдѣлалось министерство Валуева, которое относилось къ чужому дѣтищу по меньшей мѣрѣ пассивно. Не желая итти противъ воли Государя, оно только старалось придерживаться буквы закона и дальше этого не шло [1]. Такимъ

[1] „Дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ обнимала слѣдующіе предметы: 1) устраненіе недоразумѣній и волненій крестьянъ; 2) устройство мѣстныхъ по к. дѣламъ учрежденій и к. общественнаго управленія; 3) опредѣленіе обязат. поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и прекращеніе этихъ отношеній указанными въ законѣ путями; 4) распредѣленіе между помѣщиками и крестьянами сбора на учрежденія по к. дѣламъ; 5) отправленіе крестьянами казенныхъ, земскихъ и рекрутской повинностей; 6) воспособленіе помѣщикамъ большепомѣстныхъ и мелкопомѣстныхъ имѣній; 7) примѣненіе положеній къ устройству быта населенія казенныхъ горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ, населенія оружейныхъ и иныхъ заводовъ военнаго вѣдомства, удѣльныхъ и государств. крестьянъ, бессарабскихъ царанъ и вольныхъ людей западныхъ губерній;

отношеніемъ оно еще болѣе подчеркнуло слабыя стороны положенія. Пострадали отъ этого не одни крестьяне, но и помѣщики, и, можетъ быть, главнымъ образомъ помѣщики; а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы это неудачное министерство не дѣлало попытокъ наклонить вѣсы въ сторону послѣднихъ.

Общее впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, было „благопріятно" [2]). Съ различныхъ концовъ Россіи благодарное населеніе присылало депутатовъ, чтобы привѣтствовать Александра II. 21 Марта 1861 г. депутація отъ крестьянъ явилась къ дворцу въ Москвѣ, чтобы выразить благодарность Императору и поднести ему по древнему обычаю хлѣбъ—соль. Александръ II съ великими князьями, своими дѣтьми, вышелъ къ нимъ. Одинъ почтенный 70-лѣтній старикъ съ длинными сѣдыми волосами и бородой въ краткихъ выраженіяхъ выразилъ чувства благодарности отъ лица крестьянъ. Затѣмъ онъ попросилъ удостоить крестьянъ—показать государыню. Когда она появилась на балконѣ, то при видѣ ея, всѣ пали на колѣни и привѣтствовали ее громкимъ ура.

Въ Петербургѣ были не менѣе значительныя манифестаціи. Такъ, 12 марта нѣсколько тысячъ крестьянъ, фабричныхъ и ремесленниковъ явились къ зимнему дворцу и поднесли хлѣбъ—соль и адресъ, въ которомъ бла-

8) нѣкоторые другіе вопросы?!, возбужденные предпринятою реформою и послѣдовательно возникавшіе при введеніи ея въ дѣйствіе. См. Обзоръ дѣйствій м. в. д. по крестьянскому дѣлу. СПБ. 1864, стр. III—IV.

2) ibid.

годарили царя въ слѣд. выраженіяхъ: мы пришли благодарить тебя за права гражданскія, которыя ты даровалъ намъ, за жизнь, которую ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастіе, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастіе нашихъ дѣтей и внуковъ. Государь явился къ нимъ и сказалъ: Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше... Поняли-ли, дѣти, что для васъ сдѣлано въ пользу вашего блага, въ Мною объявленномъ вамъ Манифестѣ?"

— „Мы чувствительно благодаримъ Ваше Императорское Величество за Ваши великія благодѣянія, которыми вы обновили жизнь нашу". Затѣмъ Государь, упомянувъ о значеніи Николая I въ дѣлѣ реформы, закончилъ: „Благодарю васъ; Я доволенъ вами".

Обѣ столицы не знали еще какимъ образомъ будетъ принятъ Манифестъ и Положеніе въ деревнѣ. Всѣ понимали серьезность переживаемаго времени. Дальновидныхъ людей болѣе всего смущало, какъ отнесется деревня къ нѣсколько искусственному временно-обязанному положенію.

А между тѣмъ мировые посредники, которые должны были играть въ реформѣ важную роль, не были назначены, и можно было ожидать осложненій, очень опасныхъ при повальномъ невѣжествѣ народныхъ массъ. Нужно было замѣнить институтъ крѣпостного права новымъ порядкомъ вещей... Совершенная работа, казалось, исчезала предъ обширностью задачи, которую предстояло выполнить, и великое дѣло общественнаго обновленія возставало всецѣло со всѣми своими осложненіями. Чтобы предотвратить опасности, пред-

ставляемыя переходнымъ состояніемъ, было предложено губернаторамъ допустить мировыхъ посредниковъ къ исполненію обязанностей ad interim, до утвержденія ихъ сенатомъ. Кромѣ того необходимо было выбирать съ возможно большею осмотрительностью этихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла большею частью судьба новаго закона. Посредники должны были растолковать крестьянамъ настоящій смыслъ положеній, чтобы предупредить могущіе произойти безпорядки и столкновенія.

Между тѣмъ, вслѣдъ за радостью и благодарностью, съ которою сельско населеніе приняло манифестъ 19 февраля, наступило нѣкоторое недоумѣніе и даже разочарованіе. Въ умѣ крестьянъ долгое время не могло совмѣститься понятіе о личной свободѣ съ понятіемъ объ обязательныхъ повинностяхъ въ пользу помѣщиковъ за предоставляемую крестьянамъ въ постоянное пользованіе землю [1]).

Манифестъ и положеніе были написаны тяжелымъ казеннымъ языкомъ, такъ что даже интеллигентные люди не сразу освоивались съ сущностью того, что было написано на этихъ 700 страницахъ. Опять приходится вспомнить Ростовцева и его неосуществленный проектъ о крестьянахъ экспертахъ, которые между прочимъ должны были отвѣчать на вопросъ: „понятно ли вамъ то, что написано“? Юрій Самаринъ, одинъ изъ членовъ Редакціонной комиссіи, глубоко сожалѣлъ, что они не составили болѣе краткаго положенія приблизительно изъ сотни статей, написанныхъ сжатымъ, яснымъ и понятнымъ языкомъ. Въ „Русской Старинѣ“ [2]) г. Кры-

[1]) ibid.

[2]) 1892 г. № 4 стр. 87.

ловъ такимъ образомъ описываетъ затрудненія крестьянъ, при чтеніи объемистой книги: врученную старостѣ книгу Положенія всѣмъ міромъ понесли къ попу, чтобъ отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенія. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго столяра. Съ большими предосторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, вынулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуская ни единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще могъ одолѣвать и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ кончилъ только къ вечеру. Онъ говорилъ: „всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людямъ растолковать". Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ чья земля, лѣсъ, луга и другія угодья, а столяръ до сумерокъ продержалъ и ничего не опредѣлилъ. Обращались къ седьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ указъ Сената, что вовсе крестьянамъ не понравилось. Привели затѣмъ въ избу старую дѣву, начетчицу. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала... пришить къ книгѣ застежки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода явилась пустая, а посланный разсказалъ, что такая же „книга" есть и въ томъ селѣ, но грамотѣй сколько ни старался, понять ее не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца.

Подводчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ хорошо „толкуетъ", и крестьяне довольны. Такихъ „толковниковъ" стала кое-гдѣ забирать полиція, что, конечно, еще больше усилило довѣріе къ нимъ крестьянъ. Чтецовъ возили изъ села въ село, кормили, поили, и лучшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше находилъ „правовъ" въ книгѣ. Изъ манифеста крестьяне только то усвоили, что два года будетъ все по-старому, и къ таинственной „книгѣ" „охладѣли".

Въ глазахъ крестьянина земля принадлежала земледѣльцамъ, соединеннымъ въ общество; помѣщикъ былъ только временнымъ владѣльцемъ земли, котораго царь уполномочилъ требовать работы и податей. Свою мысль крестьяне формулировали слѣдующимъ образомъ: „мы господскіе, а земля наша". Они понимали освобожденіе, какъ уничтоженіе дворянской привилегіи, влекущее за собой немедленное уничтоженіе повинностей, экспропріацію помѣщичьей собственности и возвращеніе земли сельскимъ обществамъ. Новое законодательство, освящая совершенно другого рода принципы, сталкивалось съ самыми закоренѣлыми, самыми древними народными понятіями. Крестьяне не могли допустить, чтобы сохранились повинности и чтобы ихъ могли обязать выкупать землю, на которую они смотрѣли, какъ на свою собственность, землю, орошаемую ихъ потомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Невѣжественные и подозрительные, они пришли къ тому, что помѣщики ихъ обманываютъ, и что новый манифестъ даруетъ имъ землю безъ выкупа. Свое недовѣріе они перенесли и на правительственныхъ лицъ, которымъ было поручено разъяснять

крестьянамъ ихъ новыя права и обязанности. Слѣдствіемъ этого были всевозможные недоразумѣнія и безпорядки, которые начались уже съ апрѣля 1861 года. Явились подстрекатели, которые по невѣжеству или въ собственныхъ видахъ неправильно толковали законъ и „вводили въ заблужденіе цѣлыя селенія, поддерживая въ крестьянахъ нерасположеніе къ исполненію повинностей и недовѣріе къ властямъ и помѣщикамъ“ [1]).

Вотъ какимъ образомъ описываетъ этотъ моментъ одинъ оффиціозный источникъ [2]): въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне имѣли большую, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, возможность ознакомиться съ положеніемъ, никакихъ почти недоразумѣній не произошло. Но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Казанской и Пензенской губерній, къ сожалѣнію, произошли безпорядки, вынудившіе правительство принять строгія мѣры для водворенія спокойствія.

Въ деревняхъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи явились толкователи изъ среды народа, которые, собирая съ крестьянъ деньги, начали объяснять имъ Положенія въ превратномъ видѣ и возбуждать крестьянъ къ неповиновенію. Одинъ изъ таковыхъ толкователей, крестьянинъ села Бездны, Антонъ Петровъ, искажая смыслъ статей, объяснялъ крестьянамъ, что онъ доискался въ Положеніяхъ чистой воли, и началъ призывать крестьянъ къ открытому нарушенію порядка,

---

[1]) ibid.

[2]) Обзоръ Царствованія Государя Императора Александра II и его реформъ 1855—1871. Спб. 1871.

внушая, чтобы они не боялись никакихъ угрозъ и не довѣряли никакимъ распоряженіямъ и убѣжденіямъ властей, потому что онѣ подкуплены помѣщиками. Разсылая своихъ довѣренныхъ по разнымъ деревнямъ и даже другимъ уѣздамъ губерніи, Антонъ Петровъ вскорѣ успѣлъ привлечь на свою сторону не только крестьянъ села Бездны, но и окрестныхъ деревень. Немедленно по полученіи извѣстія о такихъ безпорядкахъ въ селѣ Безднѣ, прибыли на мѣсто Спасскій предводитель дворянства, чины земской полиціи и вслѣдъ за ними командированный по Высочайшему повелѣнію въ Казанскую губернію, для содѣйствія губернскому начальству при введеніи новыхъ о крестьянахъ положеній, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоръ графъ Апраксинъ. Принятыя съ ихъ стороны мѣры увѣщанія не имѣли никакого успѣха. Крестьяне на всѣ убѣжденія отвѣчали криками „воля“. Такое упорство со стороны крестьянъ, въ виду возроставшаго количества сообщниковъ Петрова, начинавшихъ являться даже изъ Самарской и Симбирской губерній, побудило графа Апраксина потребовать находившіяся вблизи военныя команды. Между тѣмъ, впродолженіи нѣсколькихъ дней волненіе еще болѣе усилилось. Вынужденный необходимостью дѣйствовать рѣшительно, графъ Апраксинъ прибылъ вторично въ село Бездну уже съ вооруженною командою. Онъ нашелъ собравшуюся противъ дома Антона Петрова толпу, числомъ до пяти тысячъ человѣкъ, которая увеличивалась постоянно вновь прибывавшими крестьянами. Оставивъ команду на нѣкоторомъ разстояніи, графъ Апраксинъ послалъ для увѣщанія крестьянъ

сперва двухъ находившихся при немъ адъютантовъ Казанскаго военнаго губернатора, а потомъ сельскаго священника, которые долго говорили крестьянамъ, убѣждая ихъ разойтись и угрожая, что, въ противномъ случаѣ, они приведены будутъ въ послушаніе оружіемъ; но ни увѣщанія адъютантовъ, ни слова священника не имѣли никакого дѣйствія. Тогда графъ Апраксинъ, подъѣхавъ къ толпѣ, лично объяснялъ крестьянамъ возложенное на него порученіе и убѣждалъ ихъ выдать Антона Петрова и разойтись по домамъ, объявивъ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, онъ употребитъ въ дѣло войско; но и на это убѣжденіе, неоднократно повторенное, крестьяне отвѣчали криками. Видя, что всякія дальнѣйшія мѣры убѣжденія не только не поколебали бы заблужденія крестьянъ, но еще могли болѣе укоренить въ нихъ рѣшимость сопротивленія; что возбужденное волненіе успѣло развиться въ значительной степени и не могло быть усмирено иначе, какъ вооруженною силою, и что всякая потеря времени, въ виду увеличивавшейся постоянно толпы, могла только вести къ болѣе пагубнымъ послѣдствіямъ—графъ Апраксинъ приказалъ одной шеренгѣ сдѣлать залпъ, послѣ котораго снова было увѣщаніе, но совершенно безполезно. Тогда принуждены были сдѣлать нѣсколько залповъ, потому что крестьяне начали въ большомъ числѣ выходить изъ дворовъ съ крикомъ за кольями и угрожали окружить малочисленную команду. Наконецъ, толпа разсѣялась и послышались крики о выдачѣ Антона Петрова, который, между тѣмъ, хотѣлъ скрыться, но, будучи предупрежденъ двумя казаками, захватившими

приготовленную для него лошадь, вышелъ изъ дома передъ войско, неся Положеніе о крестьянахъ надъ головою, и былъ взятъ вмѣстѣ съ выданными имъ тутъ же сообщниками. Убито было крестьянъ 55, ранено 71. Антонъ Петровъ былъ преданъ суду по полевому уголовному положенію. Судъ приговорилъ его казнить смертію (разстрѣлять), и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ присутствіи жителей села Бездны и селеній всего Спасскаго уѣзда. Такихъ-же строгихъ мѣръ для водворенія спокойствія потребовало волненіе, возникшее въ селѣ Кандаевкѣ, Керенскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Главнымъ подстрекателемъ и руководителемъ этого волненія былъ крестьянинъ села Высокаго, Леонтій Егорцевъ. Принадлежа къ сектѣ Молоканъ, онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе на жителей всего окрестнаго края. Изъ деревень сосѣднихъ четырехъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерній стеклись въ Кандаевку до 10,000 крестьянъ, которые, съ криками „воля!“ „воля!“ разъѣзжая по селеніямъ, били старшинъ и сотскихъ, перехватывали разсыльныхъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, командированный въ Пензенскую губернію Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-майоръ Дренякинъ поспѣшилъ прибыть въ Кандаевку съ тремя ротами Казанскаго полка. Впродолженіи двухъ дней онъ не прибѣгалъ къ силѣ, надѣясь, хотя и тщетно, убѣжденіями склонить крестьянъ къ покорности. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что духъ своеволія быстро распространяется во всѣ стороны, глубоко проникаетъ въ Моршанскій уѣздъ, Тамбовской губерніи,

и что всѣ крестьяне смотрятъ на Кандаевку. Все это заставило приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Послѣ неудачной попытки образумить крестьянъ и убѣдить ихъ разойтись, генералъ-майоръ Дренякинъ предупредилъ упорствующихъ, что онъ прикажетъ стрѣлять и, получивъ въ отвѣтъ: „дѣлайте что хотите", рѣшилъ открыть огонь; въ толпѣ, стоявшей на улицѣ, было до тысячи человѣкъ (всего-же въ деревнѣ, считая оставшихся въ дворахъ, до 7,000). Дано было три залпа и послѣ каждаго пробовали вновь убѣждать крестьянъ, но безуспѣшно. Это упорство съ ихъ стороны объяснилось впослѣдствіи показаніемъ самихъ крестьянъ, что Егорцевъ убѣждалъ ихъ выдержать три залпа, увѣряя, что послѣ этого имъ дадутъ чистую волю. Убито было 8, ранено 26 человѣкъ; но это не произвело никакого вліянія на крестьянъ. Тогда генералъ-майоръ Дренякинъ рѣшился испытать, — нельзя ли отхватить хотя нѣсколько человѣкъ изъ толпы, что и было исполнено удачно безъ кровопролитія. Захвачено было и выведено изъ толпы 410 человѣкъ; остальные же разбѣжались. Упорство крестьянъ было такъ велико, что даже захваченные и окруженные войскомъ 410 человѣкъ не просили о помилованіи, а кричали: „всѣ до одного умремъ, а не покоримся", и стали виниться только тогда, когда приступили къ наказанію зачинщиковъ, которые немедленно были преданы суду и наказаны по мѣрѣ вины.

„Въ Тамбовской г. между крестьянами обнаружились сильныя уклоненія отъ исполненія повинности, но всюду достаточно было прибыть властямъ и военнымъ коман-

дамъ, чтобы возстановить порядокъ. Довольно часто приходилось прибѣгать къ розгамъ".

Въ Черниговской губ. главнымъ пунктомъ безпорядковъ было селеніе Безугловка (Нѣжинскій уѣздъ) и слобода Каменская (Новгородсѣверск.). Въ Безугловку было введено три баталіона солдатъ. Что касается каменскихъ крестьянъ, то они не только сами отказывались отъ исполненія барщинныхъ работъ, но силою препятствовали и другимъ работать въ усадьбѣ помѣщика. Примѣръ каменскихъ крестьянъ увлекъ къ безпорядкамъ 25 селеній (около 9000 душъ). Послѣ наказанія и заключенія въ оковы главныхъ зачинщиковъ, порядокъ былъ возстановленъ. Въ Смоленской губ., читаемъ мы [1]), безпорядки проявились сильно и упорно въ Гжатскомъ уѣздѣ въ имѣніи князя Голицына. Крестьяне перестали исполнять работы на владѣльца, не слушали увѣщаній священниковъ и не хотѣли признавать подлинности читанныхъ имъ Манифеста и Положеній, а по прибытіи въ имѣніе солдатъ, бросились на нихъ, съ намѣреніемъ отнять у нихъ ружья. При этомъ столкновеніи безъ выстрѣловъ 3 солдата были ранены, 22 крестьянина задавлены натискомъ толпы и 23 сильно ушиблены. Когда же 125 чел. крестьянъ были отдѣлены отъ толпы и подвергнуты полицейскому наказанію, то остальные на колѣняхъ просили прощенія. Въ Витебской губ. для подавленія волненій (во всѣхъ инфляндскихъ уѣздахъ) потребовалось введеніе военныхъ командъ и расположеніе ихъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ

---

[1]) Обзоръ дѣйствій м. в. д. стр. 4.

годарили царя въ слѣд. выраженіяхъ: мы пришли благодарить тебя за права гражданскія, которыя ты даровалъ намъ, за жизнь, которую ты обновилъ для насъ, за наше настоящее счастіе, котораго не знали отцы и дѣды наши, за будущее счастіе нашихъ дѣтей и внуковъ. Государь явился къ нимъ и сказалъ: Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше... Поняли-ли, дѣти, что для васъ сдѣлано въ пользу вашего блага, въ Мною объявленномъ вамъ Манифестѣ?"

— „Мы чувствительно благодаримъ Ваше Императорское Величество за Ваши великія благодѣянія, которыми вы обновили жизнь нашу". Затѣмъ Государь, упомянувъ о значеніи Николая I въ дѣлѣ реформы, закончилъ: „Благодарю васъ; Я доволенъ вами".

Обѣ столицы не знали еще какимъ образомъ будетъ принятъ Манифестъ и Положеніе въ деревнѣ. Всѣ понимали серьезность переживаемаго времени. Дальновидныхъ людей болѣе всего смущало, какъ отнесется деревня къ нѣсколько искусственному временно-обязанному положенію.

А между тѣмъ мировые посредники, которые должны были играть въ реформѣ важную роль, не были назначены, и можно было ожидать осложненій, очень опасныхъ при повальномъ невѣжествѣ народныхъ массъ. Нужно было замѣнить институтъ крѣпостного права новымъ порядкомъ вещей... Совершенная работа, казалось, исчезала предъ обширностью задачи, которую предстояло выполнить, и великое дѣло общественнаго обновленія возставало всецѣло со всѣми своими осложненіями. Чтобы предотвратить опасности, пред-

ставляемыя переходнымъ состояніемъ, было предложено губернаторамъ допустить мировыхъ посредниковъ къ исполненію обязанностей ad interim, до утвержденія ихъ сенатомъ. Кромѣ того необходимо было выбирать съ возможно большею осмотрительностью этихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла большею частью судьба новаго закона. Посредники должны были растолковать крестьянамъ настоящій смыслъ положеній, чтобы предупредить могущіе произойти безпорядки и столкновенія.

Между тѣмъ, вслѣдъ за радостью и благодарностью, съ которою сельско населеніе приняло манифестъ 19 февраля, наступило нѣкоторое недоумѣніе и даже разочарованіе. Въ умѣ крестьянъ долгое время не могло совмѣститься понятіе о личной свободѣ съ понятіемъ объ обязательныхъ повинностяхъ въ пользу помѣщиковъ за предоставляемую крестьянамъ въ постоянное пользованіе землю [1]).

Манифестъ и положеніе были написаны тяжелымъ казеннымъ языкомъ, такъ что даже интеллигентные люди не сразу освоивались съ сущностью того, что было написано на этихъ 700 страницахъ. Опять приходится вспомнить Ростовцева и его неосуществленный проектъ о крестьянахъ экспертахъ, которые между прочимъ должны были отвѣчать на вопросъ: „понятно ли вамъ то, что написано“? Юрій Самаринъ, одинъ изъ членовъ Редакціонной комиссіи, глубоко сожалѣлъ, что они не составили болѣе краткаго положенія приблизительно изъ сотни статей, написанныхъ сжатымъ, яснымъ и понятнымъ языкомъ. Въ „Русской Старинѣ“ [2]) г. Кры-

---

[1]) ibid.

[2]) 1892 г. № 4 стр. 87.

ловъ такимъ образомъ описываетъ затрудненія крестьянъ, при чтеніи объемистой книги: врученную старостѣ книгу Положенія всѣмъ міромъ понесли къ попу, чтобъ отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенія. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго столяра. Съ большими предосторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, вынулъ книгу и началъ читать съ первой страницы, не пропуская ни единаго слова. Столяръ былъ чтецъ не бойкій; солдатскія письма онъ еще могъ одолѣвать и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ Сенату онъ кончилъ только къ вечеру. Онъ говорилъ: „всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людямъ растолковать". Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ чья земля, лѣсь, луга и другія угодья, а столяръ до сумерокъ продержалъ и ничего не опредѣлилъ. Обращались къ дьячку, но тотъ быстро и невнятно прочелъ указъ Сената, что вовсе крестьянамъ не понравилось. Привели затѣмъ въ избу старую дѣву, начетчицу. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала... пришить къ книгѣ застежки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода явилась пустая, а посланный разсказалъ, что такая же „книга" есть и въ томъ селѣ, но грамотѣй сколько ни старался, понять ее не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца.

Подводчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ хорошо „толкуетъ“, и крестьяне довольны. Такихъ „толковниковъ“ стала кое-гдѣ забирать полиція, что, конечно, еще больше усилило довѣріе къ нимъ крестьянъ. Чтецовъ возили изъ села въ село, кормили, поили, и лучшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше находилъ „правовъ“ въ книгѣ. Изъ манифеста крестьяне только то усвоили, что два года будетъ все по-старому, и къ таинственной „книгѣ“ „охладѣли“.

Въ глазахъ крестьянина земля принадлежала земледѣльцамъ, соединеннымъ въ общество; помѣщикъ былъ только временнымъ владѣльцемъ земли, котораго царь уполномочилъ требовать работы и податей. Свою мысль крестьяне формулировали слѣдующимъ образомъ: „мы господскіе, а земля наша“. Они понимали освобожденіе, какъ уничтоженіе дворянской привилегіи, влекущее за собой немедленное уничтоженіе повинностей, экспропріацію помѣщичьей собственности и возвращеніе земли сельскимъ обществамъ. Новое законодательство, освящая совершенно другого рода принципы, сталкивалось съ самыми закоренѣлыми, самыми древними народными понятіями. Крестьяне не могли допустить, чтобы сохранились повинности и чтобы ихъ могли обязать выкупать землю, на которую они смотрѣли, какъ на свою собственность, землю, орошаемую ихъ потомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Невѣжественные и подозрительные, они пришли къ тому, что помѣщики ихъ обманываютъ, и что новый манифестъ даруетъ имъ землю безъ выкупа. Свое недовѣріе они перенесли и на правительственныхъ лицъ, которымъ было поручено разъяснять

въ 10% случаевъ приходилось натыкаться на серьезныя препятствія. Но и здѣсь также встрѣчались свои недоразумѣнія. Такъ въ 1862 году, по донесенію тверского губернскаго прокурора министру юстиціи Панину, возникло дѣло о тверскихъ мировыхъ посредникахъ [1]). Эти посредники подняли вопросъ „о необходимости обязательнаго для крестьянъ выкупа земель, состоявшихъ у нихъ въ пользованіи, и о настоятельности немедленнаго отвода ихъ надѣловъ къ однимъ мѣстамъ". По общему согласію они написали свое постановленіе, чтобы представить его высшему правительству. По словамъ Н. Семенова, это было принято въ Петербургѣ за возбужденіе народа противъ власти и за неповиновеніе уставамъ 19 февраля. Тотъ же Семеновъ говоритъ, что графъ Панинъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ представили его такъ, что приказано было арестовать 13 мировыхъ посредниковъ и заключить въ крѣпость съ преданіемъ суду Правительствующаго Сената [2]).

Мало по-малу крестьяне начали отдавать себѣ болѣе ясный отчетъ въ своемъ положеніи. Начиная съ этого времени полюбовное заключеніе уставныхъ грамотъ стало подвигаться быстрѣе. Мировые посредники не встрѣчали затрудненій, когда уставная грамота подтверждала существовавшій порядокъ вещей, но часто имъ приходилось уменьшать земельный надѣлъ крестьянъ и переносить деревню на другой край имѣнія. Вотъ эти то

[1]) Семеновъ, н. с. т. II, стр. 682.

[2]) Всѣхъ дѣлъ о мировыхъ посредникахъ до 19 февраля 1864 года было возбуждено 75.

обстоятельства и порождали недовольства, жалобы и всевозможныя осложненія.

Но во всякомъ случаѣ опасенія реакціонеровъ были напрасны. Съ каждымъ годомъ количество безпорядковъ уменьшалось. Такъ въ 1863 году крупныхъ безпорядковъ, дошедшихъ до свѣдѣнія министерства, было значительно меньше (всего 122 случая). Открытое сопротивленіе воинской командѣ было только въ Пермской губерніи, причемъ было ранено 9 казаковъ и 13 крестьянъ. По большей части безпорядки обусловливались тѣмъ, что въ 1863 году крестьяне ожидали дарованія имъ *новой воли* [1]; они были убѣждены, что 19 февраля 1863 г. прекращаются всѣ обязательныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ. Вотъ почему они отказывались отъ исполненія повинностей въ пользу владѣльцевъ. Чтобы развязаться съ помѣщикомъ, они требовали четвертного надѣла, не добиваясь согласія на то помѣщика, а также казеннаго выкупа. Такого рода безпорядки были въ 16 губерніяхъ, главнымъ образомъ въ черноземныхъ [2]. Въ 1864 году было еще менѣе волненій.

Чтобы устранить поводы къ безпорядкамъ, министерствомъ были приняты слѣдующія мѣры: положеніе крестьянъ, обремененныхъ смѣшанною повинностью и чрезмѣрными оброками, было облегчено; въ предупрежденіе вліянія на крестьянъ лицъ, уличаемыхъ въ подстрекательствѣ къ неповиновенію и безпорядкамъ, Высо-

---

[1]) Обзоръ дѣйствія министерства внутр. дѣлъ, стр. 123.

[2]) Кіевской (36), Пензенской (7), Саратовской (8), Волынской, Воронежской, Полтавской, Подольской, Симбирской, Херсонской, Черниговской и др.

чайше разрѣшено было въ видѣ временной мѣры, если такія лица не будутъ обвинены по суду за недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, а между тѣмъ возвращеніе ихъ на мѣсто жительства будетъ признано опаснымъ, высылать ихъ въ другія губерніи подъ надзоръ полиціи на сроки не болѣе 2 лѣтъ. Чтобы убѣдить крестьянъ въ неосновательности распространенныхъ между ними ложныхъ слуховъ о новой волѣ, распубликованы были слова, которыя крестьяне слышали отъ самого Государя при проѣздѣ его въ Крымъ и во время пребыванія въ Москвѣ.

Несмотря на то, что министерство прилагало всѣ свои усилія къ тому, чтобы уставныя грамоты составлялись немедленно, число ихъ къ концу 1861 года не превышало 3470, изъ нихъ было введено въ дѣйствіе только 2993, въ томъ числѣ подписано крестьянами 1751, не подписано 1242. А въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр. Литовскихъ, Минской, Волынской и Астраханской до 1 января 1862 года не было введено ни одной уставной грамоты. Чтобы нѣсколько ускорить дѣло, по повелѣнію Государя былъ командированъ въ мартѣ 1862 года управлявшій земскимъ отдѣломъ Я. Соловьевъ въ Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Витебскую губерніи. Въ 1862 году дѣло пошло успѣшнѣе во всѣхъ губерніяхъ, и къ 19 февраля 1863 года составлено было 102,522 уставныхъ грамотъ и изъ нихъ введено въ дѣйствіе 92,001. Несмотря на то, что циркуляромъ губернаторамъ была сообщена воля Царя ускорить введеніе уставныхъ грамотъ и окончить это дѣло не позже 1 іюня 1863 года, даже къ

1 мая 1864 года оказалось еще нѣсколько невведенныхъ (12) уставныхъ грамотъ.

Грамоты (111,564) принадлежали имѣніямъ, въ которыхъ водворено до 10.013,000 крестьянъ. По 75,412 грамотамъ 5.300,190 крестьянъ оставались въ обязательныхъ отношеніяхъ.

Въ высшей степени интересно, какое количество просьбъ и жалобъ поступило на разрѣшеніе министерства. До 1 марта 1864 года поступило 6083 прошенія: изъ нихъ около 2000 отъ помѣщиковъ и около 4000 отъ крестьянъ.

Начало открытія сельскихъ обществъ и волостей, хотя и въ весьма немногихъ мировыхъ участкахъ, относится къ концу апрѣля 1861 года. По словамъ отчета [1]), открытіе волостей съ самаго начала имѣло замѣтное вліяніе на общій ходъ дѣла; новыя сельскія и волостныя власти облегчили посредниковъ въ разбирательствѣ хозяйственныхъ споровъ и жалобъ; недоразумѣнія и безпорядки въ отправленіи повинностей стали рѣже. Во многихъ мѣстахъ крестьяне сейчасъ же поняли всю важность открываемыхъ учрежденій и изъявляли радость и признательность. По словамъ отчета, они отправляли молебствія, составляли приговоры объ установленіи постоянныхъ праздниковъ въ эти дни, писали благодарственныя письма Государю и дѣлали даже пожертвованія на пріобрѣтеніе и постройку домовъ для волостныхъ правленій. Въ другихъ же мѣстахъ населеніе уклонялось отъ образованія волостей, питая ка-

[1]) Обзоръ дѣйствій м. в. д. Спб. 1864 г. стр. 24.

кое то недовѣріе ко всему, что исходитъ отъ правительственныхъ лицъ. Въ министерствѣ получены были свѣдѣнія о возникавшихъ по этому поводу безпорядкахъ и недоразумѣніяхъ изъ Гродненской, Подольской и Ковенской губерній; въ послѣдней губерніи въ имѣніи графа Тышкевича въ Биржанской волости сопротивленіе крестьянъ введенію новыхъ учрежденій было особенно продолжительно и упорно, и, хотя, наконецъ, волость и была образована, но выборы были произведены значительнымъ меньшинствомъ крестьянъ, большинство же долго не признавало новаго управленія. Полный порядокъ въ этой волости возстановленъ былъ только въ 1862 году [1]).

Открытіе волостей было закончено менѣе чѣмъ въ годъ. Въ 44 губерніяхъ было образовано 8751 волость, причемъ на каждую приходилось среднимъ числомъ по 1174 души.

Скоро въ губернскія присутствія поступили ходатайства о присоединеніи нѣкоторыхъ малонаселенныхъ волостей къ сосѣднимъ, чтобы облегчить крестьянъ въ расходахъ на содержаніе общественнаго управленія. Дѣйствительно, сборъ на этотъ предметъ былъ разнообразенъ: отъ 25 к. съ души и менѣе до 1 р. и болѣе.

Для нѣкотораго обезпеченія сельскаго населенія было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ и упорядоченіи продовольственной части въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Послѣ этого были изданы 1 ноября 1861 года временныя правила о выдачѣ пособій по случаю пожаровъ

---

[1]) ibid. стр 25.

крестьянамъ. 7-го же апрѣля 1864 года былъ утвержденъ проектъ взаимнаго страхованія отъ огня строеній въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Съ 1861 года начали поступать въ губернскія присутствія приговоры крестьянъ объ открытіи училищъ. Министерство не нашло нужнымъ создавать „излишнія формальности, которыя могли бы затруднить и охладить въ крестьянахъ зарождавшуюся потребность обученія своихъ дѣтей грамотѣ“, вслѣдствіе чего оно и разъяснило, что для открытія училищъ достаточно утвержденія крестьянскихъ приговоровъ губернскими присутствіями. Никакихъ ассигновокъ на открытіе новыхъ училищъ сдѣлано не было; не смотря на это втеченіе только двухъ лѣтъ въ 39 губерніяхъ было открыто по инипіативѣ населенія 5775 школъ — количество огромное, если принять во вниманіе, что дореформенный порядокъ могъ основать не болѣе 3389 школъ съ ничтожнымъ числомъ учащихся. Такъ какъ число желавшихъ учиться было слишкомъ велико, то министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило снестись съ министерствомъ государственныхъ имуществъ о безплатномъ обученіи крестьянъ-собственниковъ и временно-обязанныхъ въ училищахъ, открытыхъ въ казенныхъ селеніяхъ стараніями графа Киселева. О всеобщемъ обученіи народа грамотѣ и о великихъ послѣдствіяхъ этой гуманной мѣры, значеніе которой европейцы уже давно признали, мало кто въ то время помышлялъ. Правда, передовые дѣятели сознавали все великое значеніе этой идеи, но не они теперь вершили судьбами дорогого для нихъ дѣла. Самарины и Черкасскіе проявляли благотворную

дѣятельность въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, а Милютины подготавливали реформу въ западномъ краѣ, охваченномъ польскимъ волненіемъ. Понятно, что подобнаго рода дѣятельность была слишкомъ скромна для этихъ государственныхъ людей, и не тамъ они должны были прилагать свои силы.

Да Милютина, пожалуй, и не хватило бы для новаго грандіознаго дѣла. Нужно знать, какъ строго относился этотъ человѣкъ къ своимъ обязанностямъ и какъ горячо любилъ онъ Россію. „Заботливостью своею, говоритъ хроникеръ [1]), своевременнымъ вниманіемъ къ извѣстіямъ лишь о возможномъ урожаѣ и своевременными распоряженіями о доставкѣ хлѣба въ нуждающіяся мѣстности, — онъ предупреждалъ крайнія бѣдствія голода, раззорившія нѣкоторыя наши губерніи съ гораздо большей силой, какъ до его вступленія директоромъ хозяйственнаго департамента (1852), такъ и по удаленіи его изъ министерства (1861)“. Хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ любимымъ дѣтищемъ Милютина, который долго питалъ надежду преобразовать его въ министерство, настолько важной считалъ онъ эту отрасль государственнаго управленія.

Чтобы хотя нѣсколько представить себѣ чудный обликъ этого дѣятеля, достаточно обратиться къ его дневнику и письмамъ къ женѣ. Приводимъ нѣсколько отрывковъ.

(23 мая 1857 года). Терпѣнія нужно много. До сихъ поръ я еще не много подвинулъ дѣло, и, когда справ-

---

[1]) Русская старина. 1881 г. Іюль, стр. 410.

люсь, не вижу конца... (27 мая) Я цѣлый день работаю кромѣ обѣденнаго времени, которое стараюсь сократить сколько можно... А дѣло все-таки идетъ медленно... Вмѣсто окончанія (однѣхъ) работъ,—набѣгаютъ новыя, съ которыми едва, едва справляюсь. Голова совсѣмъ утомлена.

3 іюня. Жизнь моя движется, какъ маятникъ. Утромъ за работою, вечеромъ тоже. Труды ползутъ ужасно медленно... Бываютъ минуты совершеннаго отчаянія. На прошлой недѣлѣ дурныя вѣсти объ неурожаѣ насъ очень напугали. Дожди могутъ нѣсколько поправить дѣло, и ты легко себѣ представишь, какъ я радовался этому извѣстію. Нѣсколько дней пропало за этимъ неожиданнымъ дѣломъ.

17 іюня. Я началъ было писать (Киселеву) письмо, но здѣсь всякая минута, которую я отрываю отъ департаментской работы, кажется мнѣ преступленіемъ. Работаю съ 9 часовъ утра до 2 ночи кромѣ обѣда [1])... и т. д. Такого рода неутомимая дѣятельность, а также неустанная борьба съ разнообразными препятствіями подточили здоровье Н. А. Милютина. Онъ умеръ 28 января 1872 года послѣ продолжительной нервной болѣзни. Похороненъ Николай Алексѣевичъ въ Москвѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря [2]). Некрасовъ посвятилъ его памяти свое замѣчательное стихотвореніе „Кузнецъ“:

---

[1]) Ibid. стр. 401—410.

[2]) Могила Н. А. Милютина находится по лѣвую руку отъ входной лѣстницы въ трапезную при храмѣ во имя Успенія Божіей Матери, близь самаго входа въ нее. На сѣрыхъ каменныхъ

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ.
„Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,“ —
Думалъ — „исправятъ потомъ“.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно донынѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебя знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ гражданинъ.

Но вернемся къ нашему предмету.

Изъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ распоряженій министерства нужно упомянуть о слѣдующихъ.

Еще во время господства крѣпостного права, многіе помѣщичьи крестьяне и дворовые уходили „въ бѣги“ и скрывались иногда долгое время. Но уже лѣтомъ 1861 года они, узнавъ о новыхъ вѣяніяхъ, начали возвращаться на прежнія мѣста жительства и просить о принятіи ихъ въ общества. Бѣглые, числившіеся по 10 ревизіи и возвратившіеся до утвержденія уставной грамоты, имѣли право вступить въ общество и получить надѣлъ. Тѣ же, которые не записаны по 10 ревизіи, должны были, какъ бѣглые, подвергнуться, согласно съ

плитахъ лежитъ массивная гранитная плита, на боковой сторонѣ которой—имѣется скромная надпись: Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Род. 6 іюля 1818 г., — скончался 28 января 1872 года. Рядомъ по лѣвую руку находится памятникъ графини Маріи Дмитріевны Милютиной.

точнымъ смысломъ закона, отвѣтственности и ссылкѣ. Но, по словамъ отчета, отвѣтственность за побѣгъ отъ помѣщиковъ, при существованіи крѣпостного права, и ссылка за это на поселеніе были не примѣнимы послѣ того, какъ признано необходимымъ уничтожить навсегда крѣпостное право. Поэтому было рѣшено, чтобы бѣглые приписывались къ тѣмъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, которыя изъявятъ согласіе ихъ принять, или же къ обществамъ государственныхъ крестьянъ, не испрашивая ихъ согласія, если только у нихъ имѣются лишнія земли. Кромѣ того, они были освобождены отъ казенныхъ и земскихъ податей въ продолженіи 3 лѣтъ.

Послѣ изданія рескриптовъ многіе помѣщики обнаружили желаніе уклониться отъ обязанности отвести крестьянамъ надѣльную землю; съ этою цѣлью они фиктивно „переуступили“ часть крестьянскихъ угодій другимъ лицамъ; пользоваться же этими землями продолжали крестьяне, которые и не знали даже о совершившейся сдѣлкѣ. Въ моментъ освобожденія бывшіе крѣпостные очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи наравнѣ съ дворовыми. Губернскія присутствія рѣшали этотъ вопросъ въ пользу крестьянъ, оставляя за ними всѣ земли, которыми они ранѣе владѣли. Министерство съ своей стороны не рѣшалось измѣнить рѣшеній губернскихъ присутствій, оно только настаивало на томъ, чтобы подобные случаи какимъ нибудь образомъ согласовать „съ правилами мѣстнаго положенія *о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, о разверстаніи угодій* и о другихъ способахъ замѣны, опредѣленныхъ Положеніями; оно имѣло въ виду во всякомъ

случаѣ облегчить затруднительное положеніе помѣщиковъ. Въ то же время было постановлено въ защиту разоренныхъ крестьянъ (6 дек. 1861 г.), что помѣщикъ обязанъ оказать имъ необходимое пособіе на возведеніе усадебныхъ строеній, а до этого времени дать имъ какое либо помѣщеніе въ имѣніи, чтобы они не оставались безъ крова.

Бывали и такого рода случаи. Владѣльцы имѣнія въ одной изъ Великороссійскихъ губерній переселили своихъ крестьянъ (22 д. м. п.) въ землю Войска Донского. Крестьяне должны были продать за безцѣнокъ все свое имущество и хозяйственное обзаведеніе на своей родинѣ. На Дону они жили въ землянкахъ, получая для продовольствія мѣсячину. Послѣ обнародованія положеній помѣщики лишили этихъ крестьянъ пристанища и продовольствія [1]). Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе тягостное, что они не имѣли возможности обзавестись хозяйствомъ. Министерство въ этомъ случаѣ нашло нужнымъ возвратить на прежнее мѣсто жительства только тѣхъ изъ нихъ, которые не *изъявятъ желанія получить увольнительныя свидѣтельства* или водвориться въ землѣ Войска Донского, если такое водвореніе окажется возможнымъ.

---

[1]) Обзоръ дѣйствій м в. д. стр. 53.

Глава XXVI.

Оглавленіе.—Операція выкупа.

Реформа ставила своей цѣлью сдѣлать освобожденнаго крестьянина собственникомъ, какъ усадебной, такъ и полевой земли, принадлежавшей помѣщику. Но до выкупа она предоставила эти земли только въ пользованіе крестьянамъ, значительно ограничивъ помѣщичьи права собственности на эти земли; помѣщикъ получалъ какъ бы арендную плату за пользованіе землей, лишившись права распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Эта арендная плата опредѣлялась положеніями и могла измѣняться сообразно съ измѣненіемъ цѣнности земли только черезъ каждыя 20 лѣтъ. Какъ мы уже упоминали, право собственности помѣщиковъ на усадебныя земли были болѣе всего ограничены, такъ какъ законъ ставилъ въ непремѣнное условіе немедленный выкупъ ея. Выкупъ же полевыхъ угодій могъ происходить только съ согласія помѣщика. Крестьянинъ, прежде чѣмъ сдѣлаться собственникомъ, становится въ особыя обязательныя поземельныя отношенія къ помѣщику, которыя могли быть прекращены помѣщикомъ, если онъ подаритъ крестьянамъ $^1/_4$ нормальнаго надѣла, но для этого требовалось согласіе послѣднихъ. Рядомъ съ частными сдѣлками, по которымъ крестьяне могутъ пріобрѣтать земли безъ содѣйствія правительства, сдѣлками, основанными на обоюдномъ соглашеніи сторонъ, законъ даетъ помѣщику право требовать выкупа, который такимъ образомъ ста-

новился для крестьянъ обязательнымъ. Въ случаѣ частныхъ сдѣлокъ, какъ мы уже говорили, оброкъ капитализировался изъ 6% (т.-е. за каждый рубль ежегоднаго оброка назначалась выкупная сумма въ 16 р. 67 к.), и правительство тотчасъ же выплачивало помѣщику 4/5 всей суммы, предоставляя послѣднюю 1/5 уплачивать крестьянину. Когда же выкупъ происходилъ по требованію помѣщика, т.-е. становился обязательнымъ, помѣщикъ получалъ отъ правительства всего на всего 4/5 всей слѣдуемой суммы, и въ этомъ случаѣ отдѣльный крестьянинъ и общество сохраняли только право уменьшить свою долю до законнаго minimum'а.

Реформа, отмѣняя крѣпостное право, ничего не говоритъ о вознагражденіи помѣщика за дарованіе личной свободы крѣпостному, она требовала вознагражденія за землю. Но это только повидимому, de facto было нѣсколько иначе. Дѣло въ томъ, что при опредѣленіи величины оброка или платежа за землю, принимали во вниманіе не одну стоимость земли, но и различные заработки и отхожіе промыслы. Далѣе—неудачное постановленіе Редакціонной комиссіи платить за первую десятину высшаго надѣла половину высшаго душевого оброка, за вторую десятину—четверть, создавало непомѣрно высокія цѣны для минимальныхъ и среднихъ надѣловъ [1]). Не удивительно, что въ концѣ концовъ

1) Нужно помнить, что въ общемъ къ крестьянамъ должна была перейти земля въ томъ размѣрѣ, какимъ крестьяне пользовались до своей эмансипаціи. Въ большей части случаевъ этотъ размѣръ былъ значительно ниже высшаго или максимальнаго надѣла! Если мы примемъ во вниманіе, что за третью часть надѣла платежъ

(въ особенности въ нечерноземной полосѣ) помѣщики получали значительно больше, чѣмъ стоила земля на самомъ дѣлѣ. Этотъ излишекъ, о которомъ положеніе умалчиваетъ, и должно считать вознагражденіемъ помѣщиковъ за освобожденіе личности крестьянъ и за потерю всѣхъ выгодъ, соединенныхъ съ крѣпостнымъ правомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но правительство приходило къ крестьянину на помощь, выдавая ему ссуду „съ разсрочкой уплаты ея на продолжительный срокъ". Вмѣстѣ съ заключеніемъ выкупной сдѣлки, крестьянинъ дѣлается собственникомъ, а казна принимаетъ на себя уплату процентовъ и капитала по особымъ изданнымъ для этой цѣли правительствомъ процентнымъ бумагамъ, принадлежащимъ помѣщикамъ. Крестьяне съ своей стороны должны были вносить ежегодно въ теченіе 49 лѣтъ по $5^1/_2\%$ на погашеніе долга и на уплату процентовъ и по $^1/_2\%$ для покрытія расходовъ по веденію выкупной операціи (всего 6% ежегодно). Но и при всемъ этомъ приступить немедленно къ выкупу было чрезвычайно выгодно для крестьянъ и совершенно невыгодно для помѣщиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, платя за каждые 100 р. выкупной оцѣнки надѣльной земли ежегодно по 4 р. 80 к. (при 80 р. ссуды) или 4 р. 50 к. (при 75 р. ссуды) крестьянинъ дѣлался черезъ 49 лѣтъ собственникомъ. Въ противномъ случаѣ

за десятину былъ на 50—90% выше дѣйствительной стоимости земли, то мы поймемъ всю важность этой неудачной статьи положенія.

онъ долженъ былъ бы платить по 6 р. въ годъ до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ не согласится приступить къ выкупной сдѣлкѣ. А если это такъ, если помѣщикамъ невыгодно было приступить къ выкупу, что же заставляло ихъ дѣйствовать во многихъ случаяхъ противъ своихъ выгодъ? Дѣло въ томъ, что большинство изъ нихъ крайне нуждалось въ деньгахъ для веденія хозяйства, для найма рабочихъ и для разсчетовъ съ банкомъ, въ которомъ были заложены ихъ имѣнія. Въ 1858 г. было заложено 44,166 имѣній, и на нихъ числилось долгу 425,503,061 р. Послѣ освобожденія многимъ изъ помѣщиковъ пришлось бы закладывать имѣнія, еслибы на помощь къ нимъ не пришла выкупная операція. Потребность въ деньгахъ была настолько велика, что правительство должно было озаботиться учрежденіемъ съ 1864 г. частныхъ земельныхъ банковъ [1]. Уступчивость помѣщиковъ при сдѣлкахъ и объясняется нуждою ихъ въ деньгахъ и ни въ коемъ случаѣ не давленіемъ со стороны крестьянъ, которое не могло быть очень сильнымъ, такъ какъ крестьяне были слишкомъ слабой стороной. По словамъ Ходскаго [2], „благодаря стѣсненному въ денежномъ отношеніи положенію помѣщиковъ передъ 1861 г. и въ послѣдующее время, крестьянская реформа была въ общемъ выгодна для крестьянъ, и недостатки „положенія“ не дали въ дѣйствительности почувствовать себя во всей силѣ“. По 1 ян-

---

[1] Въ 1866 г. основаніе общества взаимнаго поземельнаго кредита. Въ 1872 г. учрежденіе 11 акціонерныхъ земельныхъ банковъ.

[2] Земля и земледѣлецъ. Т. II. 1891. Стр. 47.

варя 1877 г. въ 39 губерніяхъ изъ общаго числа (40,186) утвержденныхъ сдѣлокъ 65% состоялись по требованію помѣщиковъ. При отсутствіи задолженности и при болѣе низкой оцѣнкѣ земли врядъ ли этотъ процентъ былъ бы такъ высокъ. Въ нечерноземной полосѣ для помѣщиковъ представлялось очень выгоднымъ требовать обязательнаго выкупа земли, несмотря даже на потерю 20%, такъ какъ оцѣнка земли была слишкомъ высокой. И дѣйствительно, больше всего сдѣлокъ этого рода было совершено въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Что касается мѣстностей, гдѣ земля была оцѣнена сообразно своей дѣйствительной стоимости, то тамъ помѣщикамъ выкупъ не представлялъ никакихъ выгодъ. Если же они и заключали сдѣлку, то старались удержать возможно большее количество земли въ своихъ рукахъ [1]). Съ этой цѣлью они ухватились за статью положенія, которая позволяла крестьянамъ отказаться отъ $^3/_4$ высшаго надѣла и получить за это отъ помѣщика четвертной гагаринскій надѣлъ. Такъ какъ плата за надѣльную землю была выше арендной платы, то крестьянамъ казалось очень выгоднымъ согласиться на четвертной надѣлъ, чтобы арендовать недостающую землю по болѣе сходной цѣнѣ [2]). Но вскорѣ, благодаря большему спросу на землю, арендная плата на нее значительно возросла, и крестьяне начали

---

1) Тамъ, гдѣ оцѣнка была произведена выше нормы, помѣщики напротивъ старались уступить возможно большее количество земли.

2) Такъ въ Оренбургской, Уфимской, Самарской, Пермской, Саратовской и Таврической губ. число крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю безъ содѣйствія правительства, колебалось между 35% и 75% общаго числа крестьянъ тѣхъ губерній.

считать себя обманутыми. Во многихъ случаяхъ помѣщики, не понимая своихъ выгодъ, упорно отказывались отъ дарованія четвертного надѣла, въ другихъ же, наоборотъ, всѣми способами старались принудить крестьянъ къ совершенію сдѣлки [1]). Къ 1-му января 1878 г. число крестьянъ, сдѣлавшихся собственниками безъ содѣйствія правительства, было 640,380 человѣкъ; 63% ихъ относятся къ двумъ первымъ годамъ; въ слѣдующіе годы количество сдѣлокъ уменьшается.—Это указываетъ, что крестьяне увидѣли на практикѣ всю невыгоду четвертного надѣла. Попавъ въ полную экономическую зависимость отъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ и разорившись, крестьяне мстили; такъ, напримѣръ, они начинали поджигать помѣщичьи строенія и т. п. Съ другой стороны они представляли благодарный матеріалъ для агитаторовъ, которые не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Задолженность дворянскаго землевладѣнія облегчила выкупную операцію: такъ, до 1 января 1881 г. нужно было выпустить процентныхъ бумагъ всего на 445,864,807 р., такъ какъ помѣщичьяго долгу бывшимъ кредитнымъ установленіямъ было немногимъ меньше (302,666,578 р.). Какъ мы уже говорили, было выпущено два рода бу-

---

[1]) Напримѣръ, въ селѣ Обиточномъ, Таврич. губ., крестьяне, послѣ долгаго упорства, согласились наконецъ принять четвертной надѣлъ. Графиня Толстая отмстила имъ за такое упорство. Крестьяне принуждены были арендовать землю въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, въ силу чего разорили свои хозяйства и лишились половины скота.—Пренія и постановленія Таврическаго собранія XV очереди. сессіи.

магъ: первыя изъ нихъ можно было продать на биржѣ, а другія, именныя, врученныя помѣщикамъ, можно было перемѣщать только съ большимъ трудомъ, благодаря формальностямъ. Но нужда въ деньгахъ была столь велика, что никакія формальности не могли помѣшать продажѣ бумагъ. Предложеніе было значительно выше спроса, а это способствовало паденію ихъ цѣнности. Съ обезцѣненіемъ бумагъ правительство боролось съ трудомъ и не всегда съ успѣхомъ. Эта мѣра способствовала разоренію помѣщичьяго землевладѣнія, такъ какъ помѣщики, лишившись живого капитала, нуждались въ немедленномъ вознагражденіи. 49-лѣтній срокъ для выкупа земли былъ назначенъ на основаніи того соображенія, что крестьяне не справятся съ своими платежами въ болѣе короткій срокъ. Но разсчетъ этотъ оказался невѣрнымъ, такъ какъ, хотя недоимка и накопилась, но не такая значительная, на какую разсчитывали; такъ что операція неожиданно дала государству чистый доходъ въ нѣсколько милліоновъ рублей (среднимъ числомъ 2,544,000 руб. въ годъ), всего 38,320,382 р. въ концѣ 1876 г. Если этотъ капиталъ уже въ 1876 г. достигъ почти 40 милліоновъ рублей, то черезъ 49 лѣтъ онъ долженъ былъ по меньшей мѣрѣ утроиться. По смыслу 143 ст. о выкупѣ, эта сумма должна была пойти на регулированіе выкупной операціи. Получалось довольно странное явленіе: съ одной стороны образовалась недоимка въ нѣсколько милліоновъ рублей, съ другой—доходъ, превышавшій недоимку болѣе, чѣмъ втрое. По смыслу положенія, надо было или

уменьшить чрезмѣрные платежи [1]), или же простить недоимку. Это и было сдѣлано. Указомъ отъ 28 декабря 1881 г. выкупные платежи были понижены для всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ вообще на 1 р. съ душеваго надѣла для Великороссіи и на 6% съ годоваго оклада платежа для Малороссіи. Кромѣ того крестьяне, на которыхъ накопилось много недоимокъ и хозяйство которыхъ было въ разстройствѣ, получили еще особое пониженіе. Въ 39 губерніяхъ платежи были понижены на 10,965,474 р. въ годъ, причемъ 42% всей суммы пошли на пониженіе платежей особенно задолженныхъ хозяйствъ; такъ что пониженіе колебалось отъ 16% (Херсонская губ.) до 92% (Олонецкая губ.) годового оклада. Казна и послѣ этой операціи осталась въ выигрышѣ. Дѣло въ томъ, что эти десять милліоновъ съ избыткомъ покрывались ежегодными поступленіями отъ капитала [2]), образовавшагося послѣ операціи выкупа (2,000,000 р.), отъ ликвидацій бывшихъ кредитныхъ установленій, такъ какъ долгъ помѣщиковъ былъ переведенъ на крестьянъ (7,000,000 р.), и наконецъ отъ самой выкупной операціи, которая ежегодно давала чистую прибыль (2,500,000 р.). Слѣдовательно, въ концѣ концовъ выкупная операція, образовавъ свободный капиталъ въ 40,000,000 р., создастъ въ 1931 г. еще новый капиталъ, если только эти деньги не будутъ употреблены, согласно съ точнымъ смысломъ положенія,

---

1) На ½ %.

2) Капиталъ этотъ въ 1882 г. долженъ былъ превышать 40,000,000 р.

на нужды самой операціи. Пониженіе было распространено и на новую категорію помѣщичьихъ крестьянъ, которая съ 1 января 1883 г. должна была приступить къ обязательному выкупу. Къ 1 января 1878 г. приступило къ выкупу 81, 4% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ что во временно обязанномъ отношеніи оставалось около 1,882,696 душъ. Такимъ образомъ реформа 1883 г. дополнила реформу 1881 г. Въ 1862—63 г. приступило къ выкупу 16,7%, въ слѣдующіе годы этотъ процентъ быстро понижается и доходитъ въ 1870 г. до 3,9% и въ 1877 г. до 1,7%. Отсюда нужно заключить, что для многихъ крестьянъ временно-обязанное положеніе продолжалось бы слишкомъ долго, еслибы въ 1881 г. не было повелѣно приступить къ обязательному выкупу. Такимъ образомъ, только въ 1932 году послѣдній крестьянинъ по закону развяжется съ крѣпостными обязательствами. И черезъ сколько лѣтъ должна была бы совершиться реформа по программѣ Главнаго комитета, если по программѣ Редакціонной комиссіи на совершеніе ея потребовалось 71 годъ. Кромѣ того недостатки положенія выразились еще въ другой формѣ. По статьѣ 165, крестьянинъ, желающій выкупиться, можетъ внести до срока выкупную ссуду, послѣ чего общество обязывается отрѣзать соотвѣтственный кусокъ земли, по возможности къ одному мѣсту. Кулаки и деревенскіе богачи стали вносить, главнымъ образомъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, выкупъ отъ имени крестьянина — собственника земли, въ силу чего безземельный крестьянинъ дѣлался неисправнымъ плательщикомъ въ

отношеніи другихъ платежей и повинностей, за платежную исправность которыхъ должно было отвѣчать общество. Такимъ образомъ этотъ досрочный выкупъ, разоряя крестьянина и общество, приносило пользу только кулаку. На самомъ дѣлѣ, напримѣръ, въ Симбирской губ. при досрочномъ выкупѣ платили по 19 р. за десятину, тогда какъ цѣна десятины земли отъ 50 до 150 р. Законъ 23 марта 1882 г. еще болѣе облегчилъ выкупъ земли, позволивъ крестьянину вносить не всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, а часть ея [1]). Къ сожалѣнію не было издано другой статьи, которая бы фактически закрѣпляла выкупленный участокъ за прежнимъ хозяиномъ и препятствовала бы такимъ образомъ капитализаціи крестьянской земельной собственности. 14 декабря 1893 г. былъ изданъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, но врядъ ли и онъ задержитъ процессъ обезземеленія, такъ сильно подвинувшійся впередъ послѣ 91 года [1]).

---

[1]) Послѣднія мѣропріятія мин. госуд. имуществъ говорятъ о серьезномъ намѣреніи правительства приступить къ улучшенію быта крестьянъ.

Глава XXVII.

Оглавленіе. — Удѣльные крестьяне. — Крестьяне западныхъ губерній.

Указами отъ 20 іюля 1858 г. и 26 августа 1859 г. дарованы были удѣльнымъ крестьянамъ права личныя и по имуществу, одинаковыя съ другими свободными сельскими сословіями, но къ окончательному устройству ихъ быта приступили уже послѣ 19 февраля 1861 г. Высочайшимъ указомъ 5 марта 1861 года министру императорскаго двора и удѣловъ предложено было составить проектъ правилъ объ устройствѣ быта крестьянъ, причемъ надѣленіе землей должно было происходить на основаніи правилъ, установленныхъ въ положеніи о помѣщичьихъ крестьянахъ. Кромѣ того крестьяне могли сохранить за собой за прежнія повинности всѣ ихъ земли впродолженіи пяти лѣтъ со дня обнародованія указа. Оброки за угодья, отведенныя имъ въ постоянный надѣлъ, оставались прежніе. Усадебную осѣдлость удѣльные крестьяне должны были выкупать по той же оцѣнкѣ, какая была установлена для помѣщичьихъ крестьянъ; выкупъ полевыхъ угодій долженъ былъ происходить съ разсрочкой по добровольному соглашенію съ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у крестьянъ предполагалось отрѣзать запасныя земли, не понизивъ оброка.

Министръ двора и удѣловъ [1]) внесъ въ Главный комитетъ проектъ дополненій, въ которыхъ предполагалъ запасную землю оставить по прежнему въ пользованіи крестьянъ втеченіе 20 лѣтъ, а оброки отнести равномѣрно какъ на надѣльную, такъ и на запасную землю. Такъ какъ эти дополненія уменьшали доходъ удѣльнаго вѣдомства на 250000 р., то Главный комитетъ отклонилъ предложеніе министра, который въ силу этого долженъ былъ составить новый проектъ. Къ счастью для удѣльныхъ крестьянъ, въ положеніи отъ 26 іюня 1863 г. министру двора и удѣловъ удалось въ концѣ концовъ отстоять первоначальныя основанія, и потому удѣльные крестьяне оказались значительно обезпеченнѣе помѣщичьихъ. Удѣльные крестьяне получали землю въ собственность при условіи обязательнаго выкупа, причемъ прежніе оброки были просто обращены въ выкупные платежи, которые крестьяне должны были платить впродолженіи 49 лѣтъ. Далѣе, крестьянамъ давались однѣ удобныя земли, и земля отрѣзывалась только въ особыхъ случаяхъ. Выкупная операція была произведена безъ выпуска новыхъ процентныхъ бумагъ, потому что онъ сопровождался бы паденіемъ ихъ цѣнности [2]). Такъ какъ удѣльное вѣдомство съ реформой жертвовало почти четвертью милліона рублей годового дохода [3]),

---

[1]) Онъ былъ озабоченъ „исполненіемъ Высочайшей воли не столько въ формѣ, сколько въ сущности и цѣли Всемилостивѣйшихъ попеченій о благѣ сельскаго сословія“.

Ходскій. — Земля и земледѣлецъ. Т. II, стр. 117.

[2]) Это и случилось съ помѣщичьими бумагами.

[3]) До реформы уд. вѣдомство получало съ крестьянъ 2.961,000 руб. въ годъ.

то, чтобы гарантировать его отъ могущихъ быть недоимокъ, Главный комитетъ постановилъ выдать ему всю сумму сполна изъ государственнаго казначейства. Крестьяне должны были имѣть уже дѣло съ казной на общемъ основаніи, подобно помѣщичьимъ крестьянамъ.

Удѣльные крестьяне были лучше надѣлены, чѣмъ помѣщичьи. Кромѣ того нужно сказать, что бытъ ихъ былъ дѣйствительно улучшенъ, такъ какъ они въ общемъ получили большее количество земли сравнительно съ тѣмъ, какимъ они пользовались до реформы. Въ среднемъ на душу они получили 4,8 десятины (отъ 2,1 дес. въ москов. губ. до 7,7 въ астрах. губ.).

Къ юго-и-сѣверозападнымъ губерніямъ относятся Кіевская, Подольская, Волынская, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и Инфляндскіе уѣзды Витебской губ. Крестьянское населеніе занимается здѣсь исключительно, если не считать свеклосахарной промышленности, земледѣліемъ. Положеніе крестьянъ здѣсь было значительно хуже, чѣмъ въ Великороссіи, такъ какъ большинство изъ нихъ было обезземелено еще за долго до реформы. Правительство сочло необходимымъ нѣсколько оградить права крестьянъ и въ 1847 г. ввело въ указанныхъ губерніяхъ инвентари. Оно установило опредѣленныя повинности за крестьянскую землю, которая должна была находиться въ непремѣнномъ пользованіи крестьянъ.

Въ 1852 и 1854 гг. постановлено распространить украинскія инвентарныя правила и на литовскія губерніи, и съ этой цѣлью были пересмотрѣны несовершенныя инвентарныя правила сѣверозападныхъ губерній,

дѣйствовавшія съ 1846 г.. 14 мая 1855 г. государственный совѣтъ утвердилъ инвентарныя правила, по которымъ, между прочимъ, на каждаго работника приходилось по $4^3/_4$—9 десят..

Но дѣло было неорганизовано; напримѣръ, даже въ югозападныхъ губерніяхъ инвентари составлялись самими помѣщиками, и никто ихъ не провѣрялъ. Результатомъ этого были многочисленныя злоупотребленія. Количество неприкосновенной крестьянской земли всюду показывалось невѣрно. Ясно, что положеніе 19 февраля, признавъ существующіе инвентарные подворные надѣлы, тѣмъ самымъ какъ бы узаконило малоземельность [1]) довольно значительной части крестьянъ.

Наступили событія 1863 г., въ которыхъ приняло участіе и польское дворянство, недовольное, вообще говоря, реформой. Какъ слѣдствіе этихъ событій, было измѣненіе русской аграрной политики въ западныхъ губерніяхъ. Извѣстно, что въ этихъ губерніяхъ между помѣщиками и крестьянами до 1863 г. почти не было совершено выкупныхъ сдѣлокъ. Дѣло въ томъ, что обязательный выкупъ по требованію помѣщика былъ допущенъ тамъ только подъ условіемъ окончательной повѣрки крестьянскихъ повинностей особыми повѣрочными комиссіями, а полюбовныхъ соглашеній почти не было. Положеніе дѣлъ было крайне смутное, и въ концѣ концовъ между крестьянами и помѣщиками возникло сильное взаимное раздраженіе. Вмѣшательство правительства

---

[1]) Весь приростъ населенія обыкновенно не надѣлялся землей, полевой надѣлъ отводился въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ.

являлось необходимымъ. Мѣстный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ представленіе „облегчить и ускорить прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ“. Въ отвѣтъ на это представленіе 1 марта 1863 г. состоялся Высочайшій именной указъ Правительствующему Сенату, по которому обязательныя отношенія крестьянъ въ Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской губерніяхъ и 4 уѣздахъ (Инфл.) Витебской губерніи прекращались съ 1 мая того же года, такъ какъ вводился обязательный выкупъ, причемъ выкупные платежи понижались на 20% противъ оброковъ, назначалась „окончательная повѣрка крестьянскихъ повинностей и утвержденіе выкупныхъ актовъ“, чтобы исправить выкупные договоры, составленные неправильно. Всѣ деньги съ крестьянъ должны были поступать въ мѣстныя казначейства и оттуда уже выдавались помѣщикамъ. Указъ этотъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на крестьянское населеніе, которое „приняло его съ благодарностью“. Офицеры и чиновники, посланные объявлять указъ, сопровождались очень часто воинскими командами для защиты отъ инсургентовъ [1]). Ихъ миссія была окончена къ началу мая, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Ковенской и Гродненской губерній, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ возстаніе было въ самомъ разгарѣ, и потому дѣло эмансипаціи нужно было отложить до болѣе удобнаго времени.

Повѣрочныя комиссіи были организованы только къ концу августа, начинали же онѣ дѣйствовать только по

---

[1]) Обзоръ дѣйствій министер. внутр. дѣлъ, стр. 154.

мѣрѣ „водворенія въ краѣ порядка“. Изъ частныхъ мѣръ надо отмѣтить слѣд.: нѣкоторымъ категоріямъ крестьянъ были возвращены ихъ земельные участки, отобранные у нихъ помѣщиками до обнародованія положенія 19 февраля 1861 г., напримѣръ—лѣснымъ сторожамъ или хозяевамъ, которые были обезземелены еще въ 1846 г., съ момента введенія инвентарныхъ правилъ. Кромѣ того постановлено (29 февраля 1864 г.) по соглашенію съ помѣщиками надѣлить приписанныхъ къ имѣніямъ въ Инфляндскихъ уѣздахъ Витебской губерніи батраковъ по $1^1/_2$ десятины на семью и на постройку жилищъ отпустить имъ лѣсъ изъ казенныхъ дачъ, или же переселить ихъ на казенныя земли. Повѣрочнымъ комиссіямъ предоставлено было право разбирать жалобы крестьянъ на неправильно составленныя уставныя грамоты и постановлять рѣшенія.

Что касается украинскихъ губерній, то еще въ 1860 г. князь Васильчиковъ доказывалъ необходимость обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, мотивируя это „особымъ политическимъ состояніемъ края“.

Помѣщики старались покончить всѣ дѣла съ крестьянами возможно скорѣе, что было во всякомъ случаѣ благоразумно, такъ какъ инвентарныя правила, которыя должны были служить основаніемъ для составленія уставныхъ грамотъ, были крайне неопредѣленны; а это позволяло сдѣлать значительныя измѣненія въ реакціонномъ духѣ. Съ этой цѣлью многіе дворяне Кіевской и Подольской губерній ходатайствовали объ обязательномъ выкупѣ для всѣхъ имѣній безъ исключенія, причемъ соглашались даже не требовать отъ крестьянъ дополнительныхъ

платежей. Объ этомъ же хлопоталъ и князь Васильчиковъ (30 ноября 1861 г.). Главный комитетъ отклонилъ это ходатайство, мотивируя невозможностью сдѣлать исключеніе только для 3 губерній.

Въ такомъ положеніи было дѣло до 1863 г., когда указомъ отъ 30 мая повелѣно было „прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; съ 1 сентября того же года запрещено было уменьшать надѣлъ при выкупѣ, даже еслибы крестьяне этого и пожелали [1]), такъ какъ надѣлы у нихъ и безъ того были назначены небольшіе. Предписано было повѣрить всѣ уставныя грамоты, причемъ обратить вниманіе, правильно ли онѣ составлены. Обнародованіе указа было произведено 30 августа 1863 г., а введеніе въ дѣйствіе новыхъ постановленій было начато только весной 1864 г. Почти всѣ мировые посредники были уволены, а на мѣсто ихъ назначены были лица „не изъ мѣстныхъ дворянъ — землевладѣльцевъ“. Съ 1 января 1864 г. обязательный выкупъ былъ введенъ въ Могилевской губ. и бѣлорусскихъ (восточныхъ) уѣздахъ Витебской.

Въ западныхъ губерніяхъ площадь крестьянскихъ надѣловъ была увеличена въ общемъ на 25 — 70%, а повинности уменьшены на 60—82%. Такимъ образомъ крестьяне получили на душу отъ 2,39 (Подольская) до 5,6 (Минская) десятинъ. Бывшіе государственные крестьяне въ тѣхъ же мѣстностяхъ получили земли нѣсколько больше и платятъ за нее меньше. Хотя, сравнительно съ великорусскими крестьянами, крестьяне

---

[1]) На сѣв.-западныя губ. это правило не распространялось.

западныхъ губерній были надѣлены лучше, но не на столько, чтобы земля обезпечивала имъ повинность [1]). Кромѣ того осталось большое количество крестьянъ, бобылей, однодворцевъ, которые не получили никакого надѣла.

Глава XXVIII.

Оглавленіе. — Государственные крестьяне.

Матеріальное положеніе государственныхъ крестьянъ до 1861 г. было удовлетворительное, благодаря заботливому отношенію къ нимъ министерства государственныхъ имуществъ въ лицѣ графа Киселева. Достаточно сказать, что замѣчательная аграрная политика графа Киселева вызвала такое сильное недовольство въ реакціонной партіи, что она добилась его отставки въ 1857 г. Намъ кажется умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ спеціально о мѣропріятіяхъ графа Киселева. Николай I, который ничего не могъ сдѣлать въ пользу помѣщичьихъ крестьянъ, оказалъ громадную услугу Россіи, поддержавъ графа Киселева въ его благотворной дѣятельности.

Положеніе государственныхъ крестьянъ до 1837 г. было неудовлетворительное: такъ, болѣе 300000 кре-

---

[1]) Янсонъ говоритъ, что масса крестьянъ не можетъ уплачивать не только подать, но и доставить средства къ существованію своимъ семействамъ.

стьянъ и бобылей были безземельные, около 20% крестьянъ не имѣло совершенно скота; на крестьянахъ накопилось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ громадное количество недоимокъ. Переселенческое дѣло было совершенно не устроено. Многія казенныя земли были заарендованы кулаками и сдавались ими крестьянамъ по тройной цѣнѣ. А между тѣмъ казенныхъ земель, не приносившихъ никакого дохода, было громадное количество.

Киселевъ принялъ двѣ нормы надѣловъ — въ 8 десят. на душу для малоземельныхъ губерній, т.-е. гдѣ было мало казенныхъ земель, и 15 десят. для многоземельныхъ; кромѣ того были образованы особые крестьянскіе семейные участки (отъ 15 до 60 десят.); съ правомъ наслѣдственнаго пользованія за извѣстную плату (подать). Въ теченіе почти 20 лѣтъ министерство дѣятельно работало, и въ результатѣ надѣлили землей болѣе 200000 душъ, выдавъ имъ болѣе 3 милліоновъ рублей пособія; кромѣ того оно прирѣзало около 3½ милліоновъ десятинъ въ дополнительный надѣлъ малоземельнымъ крестьянамъ [1]).

Было переселено и устроено на новыхъ мѣстахъ до полумилліона душъ обоего пола. Для насъ это слишкомъ драгоцѣнныя данныя, такъ какъ они могли бы послужить основаніемъ для устройства быта переселенцевъ въ Сибири въ будущемъ.

Во время управленія Киселева министерство произ-

---

[1]) Такимъ образомъ почти 10 милліоновъ государственныхъ крестьянъ получили 53 милліона десятинъ, т.-е. около 5½ десят. на душу за самые умѣренные платежи.

вело цѣлый рядъ кадастровыхъ работъ, состоявшихъ въ опредѣленіи доходовъ казенныхъ селеній, съ цѣлью уравнять платежи государственныхъ крестьянъ, сообразовавъ ихъ съ доходностью земли. Къ сожалѣнію, предпринятая и отчасти исполненная кадастровая работа осталась безъ примѣненія, благодаря смерти Николая I [1]) и выходу Киселева въ отставку.

Муравьевъ, назначенный вмѣсто Киселева министромъ государственныхъ имуществъ (1857 г.), выказалъ себя не такимъ дальновиднымъ и бережливымъ хозяиномъ, какимъ былъ Киселевъ. Строгій принципъ пропорціональнаго обложенія доходности и уравненія податей былъ оставленъ, и на первый планъ выдвинуто было немедленное увеличеніе доходовъ казны.

Въ 1859 г. была издана утвержденная Муравьевымъ инструкція для оцѣнки казенныхъ земель, состоящихъ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ. По этой инструкціи налогъ на промыслы былъ замѣненъ повышенной платой за усадебную землю въ селеніяхъ, занимающихся промыслами. Оброчная подать должна была составляться на основаніи оцѣночнаго дохода съ земли (отъ 25 до $33^1/_3{}^0/_0$) [2]). По этой инструкціи были произведены кадастровыя работы въ 14 губерніяхъ.

---

[1]) Въ 1855 году Киселевымъ былъ представленъ Николаю I докладъ, въ которомъ онъ высказывалъ свои desiderata.

Переведя подать съ души на землю и промыслы, министерство успѣло уравнять платежи селеній одной и той же губерніи и высказывало надежду въ будущемъ уравнять и всѣ губерніи между собой. Николай I написалъ на докладѣ: „обратить на этотъ предметъ особое вниманіе“.

[2]) Прежде только $12^0/_0$.

Такимъ образомъ на каждую ревизскую душу получилось увеличеніе оклада на 46% [1]). Положеніе государственныхъ крестьянъ было неопредѣленное; не говоря уже о томъ, что подать отличалась крайней неравномѣрностью, она могла повышаться въ силу простого административнаго распоряженія, помимо законодательной власти. Такъ, 31 декабря она была повышена на 5% въ губерніяхъ, въ которыхъ кадастровыя работы еще не были произведены, и на 10% въ остальныхъ губерніяхъ, т.-е. окадастрованныхъ. Въ 1862 г. въ такомъ же порядкѣ введенъ былъ особый сборъ на совсѣмъ уже иныхъ основаніяхъ, именно—губерніи, исправныя въ податномъ отношеніи, были обложены выше.

5 марта 1861 г. былъ изданъ указъ на имя министра государственныхъ имуществъ о составленіи проекта „примѣненія главныхъ началъ положенія 19 февраля къ государственнымъ крестьянамъ“, „для вящщаго обезпеченія ихъ быта“. Проектъ этотъ, представленный Муравьевымъ въ Главный комитетъ 17 октября 1861 г., вызвалъ горячія обсужденія, причемъ мнѣнія членовъ комитета раздѣлились: меньшинство (Бахтинъ и Адлербергъ) находило, что государственные крестьяне владѣютъ землей безъ ограниченія срока, и что по закону земля эта считается общественнымъ имуществомъ [2]); большинство же (7 членовъ) утверждали, что многія статьи свода законовъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ,

---

1) По отдѣльнымъ губерніямъ отъ 6 до 80%.

2) Сводъ законовъ, т. IX, стр. 669.

что земли, которыми пользуются казенные крестьяне, представляютъ „собственность казны" и служатъ важнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. По Высочайшему повелѣнію дѣло это было перенесено въ Государственный совѣтъ, гдѣ мнѣнія также раздѣлились; меньшинство согласилось съ меньшинствомъ комитета и постановило предоставить крестьянамъ распоряжаться означенными землями, но безъ права отчуждать ихъ; 38 же членовъ большинства, мотивировали свою мысль такъ же, какъ и большинство комитета. 28 января 1863 г. мнѣніе большинства было утверждено Государемъ, вслѣдствіе чего и было поручено разработать проектъ общаго положенія о государственныхъ крестьянахъ особой комиссіи, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ сенаторъ Гакъ. Комиссія, кромѣ проэкта общаго положенія, представила еще (12 февр. 1863 г.) два частныхъ положенія, одинъ для 9 западныхъ губерній, а другой для остальныхъ губерній. Проэкты эти не встрѣтили полнаго сочувствія ни въ Главномъ комитетѣ, ни въ обществѣ. И. С. Аксаковъ писалъ: „заставить государственныхъ крестьянъ выкупить свой надѣлъ — это то же, что заставить дубъ выкупать свои корни". Дѣло осложнялось тѣмъ еще, что въ западныхъ губерніяхъ, объятыхъ мятежемъ, русскіе чиновники резсчитывали на льготную продажу имъ казенныхъ мнѣній и „громко твердили о необходимости скорѣйшаго водворенія въ краѣ русскаго землевладѣнія". Министерство государственныхъ имуществъ сочло даже своимъ долгомъ оффиціально объяснить, что до устройства государственныхъ крестьянъ, въ судьбѣ которыхъ главнымъ образомъ

заинтересовано государство, не можетъ быть и рѣчи о преждевременной продажѣ земли чиновникамъ. Во время этого замедленія произошла перемѣна во взглядахъ высшаго правительства, и дѣломъ и стали руководить люди, солидарные съ меньшенствомъ Главнаго комитета, талантливымъ выразителемъ котораго явился Н. А. Милютинъ.

25 Января 1865 г. Государь разрѣшилъ вновь обсудить основанія реформы, „не стѣсняясь началами, указанными въ мнѣніи Государственнаго совѣта 28 янв. 1863 г.“, но обо всѣхъ измѣненіяхъ необходимо было довести до свѣдѣнія Государя. 18 Января 1866 г. Государь утвердилъ проэктъ Главнаго комитета объ административномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, которые передавались во владѣніе „общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ“. Крайній срокъ для этой передачи былъ назначенъ 1 ноября 1866 г. Дѣло въ послѣднее время шло такъ быстро, что для многихъ лицъ законъ 18 января явился пріятной неожиданностью.

Что касается поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, то въ Главномъ комитетѣ произошли существенныя измѣненія въ возрѣніяхъ. Комитетъ единогласно призналъ, что земли, составляя собственность казны, предоставлены правительствомъ въ надѣлъ крестьянскимъ обществамъ, безъ ограниченія времени и срока, а также высказался за то, что должно *указать путь для перехода государственныхъ крестьянъ въ*

полныхъ собственниковъ земель, состоящихъ въ ихъ владѣніи [1]).

Для того, чтобы ускорить дѣло поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, комитетъ рѣшилъ поручить дальнѣйшее развитіе этихъ главныхъ началъ министрамъ госуд. имуществъ, внутр. дѣлъ и финансовъ вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Милютинымъ, къ которому Государь питалъ полное довѣріе. Милютинъ же долженъ былъ представить этотъ проектъ, до внесенія его въ Главный комитетъ, съ объяснительной запиской Государю, согласно его желанію.

При такихъ то обстоятельствахъ и появилось въ томъ же году Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ. Къ сожалѣнію, дѣятели 66 г. высказались крайне неопредѣленно объ одномъ очень важномъ вопросѣ, именно—о надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, и въ этомъ отношеніи начала положенія мало чѣмъ отличаются отъ началъ, высказанныхлъ въ рискриптѣ 1863 г. Другими словами—Положеніе 66 г. есть неудачный компромиссъ между началами, указанными въ мнѣніи госуд. совѣта 28 янв. 1863 г. и вѣяніями 1866 г.

Положеніе 1866 г. даетъ государственнымъ кресть-

---

[1]) „Такъ какъ обращеніе крестьянъ въ собственниковъ отведеннаго имъ надѣла указано во всѣхъ доселѣ изданныхъ положеніяхъ о крестьянахъ, какъ необходимое средство къ упроченію ихъ быта, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и въ отношеніи государственныхъ крестьянъ должны быть указаны удобнѣйшіе способы къ обращенію земель ихъ надѣла въ полную ихъ собственность“. Ходскій.—Земля и земледѣлецъ. Т. II, стр. 180.

янамъ ихъ надѣльныя земли и земли, состоящія въ ихъ пользованіи, за государственную оброчную подать [1]). Закрѣплялись эти земли за крестьянами „владѣнною записью“.

Въ Положеніи можно найти два роца статей — однѣ, болѣе неопредѣленныя, утверждающія, что государственный крестьянинъ полный собственникъ, такъ какъ *онъ можетъ распоряжаться* данной ему во владѣніе землей (ст. 14, 15), другія, болѣе опредѣленныя и какъ бы противорѣчащія первымъ, признаютъ за крестьянами только *право пользованія*. Кромѣ того, Положеніе 66 г. неудачно указало „путь для перехода государственныхъ крестьянъ въ полныхъ собственникомъ земель, состоящихъ въ ихъ владѣніи“. Дѣло въ томъ, что оно затрудняло выкупъ, заставивъ крестьянъ вносить единовременно не мѣне 100 р. и затѣмъ погашать остальную суму. по [соглашенію съ бонкомъ, втеченіе 15 — 20 лѣтъ. Деньги надо было вносить государственными бумагами, что представляло немаловажное затрудненін для крестьянъ, не имѣвшихъ никакого понятія объ этихъ бумагахъ. Такимъ образомъ законъ, отказавъ государственнымъ крестьянамъ въ кредите, предоставилъ имъ выкупать свой надѣлъ собственными усиліями и поставилъ ихъ въ отношеніи выкупа въ худшія условія, чѣмъ помѣщичьихъ. Кромѣ того, положенін ихъ было потому худшимъ, что оно было неопредѣленнымъ. Дѣйствительно, умѣ-

[1]) Переоброчка, какъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, должна была совершаться черезъ каждыя 20 лѣтъ.

ренная оброчная подать, которая дѣлала ненужнымъ выкупъ земли, могла быть увеличена сообразно съ новою оцѣнкою земли и новыми вѣяніями въ государствѣ. Такимъ образомъ, реформа была исполнена, и законодательство, совершивъ реформу помѣщичьихъ крестьянъ въ 1881 году, должно было довершить реформу государственныхъ въ 1886 году.

Въ Положеніи 24 мая 1866 г. не было опредѣлено, какимъ образомъ составлять владѣнныя записи, а также не были изданы правила объ опредѣленіи оброчной подати. Значительная область была оставлена на разрѣшеніе будущаго. Не кроется ли въ этомъ объясненіе той неопредѣленности закона 24 ноября 1866 г.? Въ самомъ дѣлѣ, фактическое осуществленіе реформы должно было, въ глазахъ дѣятелей 1866 г., исправить всѣ недостатки ея. Мы не можемъ предугадать, чѣмъ завершилась бы реформа, еслибы во главѣ дѣятелей того времени продолжалъ стоять Милютинъ. Извѣстно, что, благодаря своей тяжкой болѣзни (первное переутомленіе), онъ долженъ былъ оставить всѣ дѣла и ѣхать за границу для поправленія здоровья. Между тѣмъ въ 1866—72 годахъ былъ изданъ рядъ инструкцій, которыя дополняли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняли указъ 1866 г. Положеніе вводилось не сразу повсемѣстно, а постепенно по губерніямъ. Такъ, инструкція, 1867 г. касалась только 14 губерній... Инструкція 1868 г. 13 губерній и т. д. Кромѣ того, инструкція 1867 г. полагала совершенно другія основанія при опредѣленіи оброчной подати, чѣмъ инструкція 1868 г. Такимъ образомъ только въ 9 губерніяхъ удержались прежнія оброчныя подати, а въ другихъ 27 онѣ были увеличены на 2,006,145 р.

Государственные крестьяне были надѣлены болѣе щедро [1]), чѣмъ помѣщичьи, причемъ они были обременены значительно меньшими платежами. [2])

Кромѣ того нужно принять во вниманіе, что не всегда надѣльная земля у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ была удобной. Дѣло въ томъ, что признать землю удобной или неудобной вполнѣ зависѣло отъ мирового посредника; слѣдовательно—отъ справедливаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу мирового посредника зависѣлъ весь успѣхъ реформы. "Но если даже, говоритъ Ходскій, при поземельномъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, благодаря господствовавшему духу времени и прекрасному въ общемъ контингенту первыхъ мировыхъ посредниковъ, послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, старались отстаивать справедливые интересы крестьянъ, то при устройствѣ государственныхъ крестьянъ, гдѣ не было страдательной стороны, гдѣ отъ части своихъ правъ на землю должна была отказаться казна или правительство, которое само же предпринимало реформу, а priori можно уже предположить въ общемъ весьма благопріятныя для крестьянъ условія осуществленія реформы".

Лучше государственныхъ крестьянъ были устроены

---

[1]) Отъ 3,3 десят. на душу въ Московск. губ. до 15,7 десят. въ Астраханской: въ среднемъ—5,7 десят. на душу.

[2]) Отъ 37 коп. на десятину (Самарская) до 1 р. 15 к. Московская. Въ среднемъ 75 к. на душу. Въ общемъ выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ превышаютъ оброчную подать болѣе чѣмъ на $100^0/_0$ и составляютъ довольно значительный процентъ (около 70) всей суммы платежей.

нѣмцы-колонисты (законъ 4 іюня 1871 г.), которые получили въ среднемъ около 10 десятинъ на душу, съ платой отъ 33 к. (Екатериносл. губ.) до 1 р. 61 к. Петерб. губ.) за десятину; менониты, которые, согласно съ обѣщаніемъ правительства Екатерины, должны были платить по 15 коп. оброчной подати съ десятины; сарептскіе колонисты, платившіе по 7 коп. (въ силу закона 7 іюя 1785 года), а греки и армяне даже по пяти. коп. съ десятины.

Какъ мы уже упонимали, въ 1886 г. была довершена неполная реформа 1866 г. Къ сожалѣнію, эта реформа была совершена не сама по себѣ, а въ близкой связи съ другой важной реформой, а именно отмѣной подушной подати. Дѣло въ томъ, что правительство не рѣшалось отмѣнить подушную подать, дававшую ежегодно казнѣ около 50,000,000 р., не замѣнивъ ее другимъ доходомъ. Министръ финансовъ Н. Х. Бунге предложилъ, для возмѣщенія убытокъ казначейства, увеличить болѣе чѣмъ низкіе платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ и тѣмъ какъ бы сравнять ихъ съ помѣщичьими крестьянами. Въ силу этого съ 1 янв. 1886 г. подушная подать была отмѣнена для всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а съ 1 янв. 1887 г. и для другихъ категорій крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была увеличена на 45% и оброчная подать, причемъ принимали только во вниманіе, чтобы увеличеніе это не превышало сложенной съ каждой души подушной подати [1]). Кромѣ того законъ 28 мая 1886 г.

[1]) Переоброчки же, о которой говорилъ законъ 1866 г., сдѣлано не было.

постановлялъ произвести преобразованіе оброчной подати на основаніяхъ, необходимыхъ для окончательнаго ея выкупа въ 44-лѣтній срокъ. Но этотъ же законъ не выяснилъ точно права крестьянъ на землю послѣ выкупа оброчной подати,—будутъ ли они считаться полными собственниками земли, или же только будутъ имѣть право на вѣчное пользованіе ею, и не придется ли вторично выкупать землю въ собственность. Если считать законъ 1886 г. дополненіемъ закона 1866 г., который долженъ былъ указать путь для перехода государственныхъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ земель, состоящихъ въ ихъ владѣніи, то нужно признать государственныхъ крестьянъ собственниками земли.

Въ общемъ оброчная подать была увеличена до 79,000,000 р.; капитализируя ее изъ 5%, т.-е. помножая на 20, получимъ капиталъ, соотвѣтствующій выкупнымъ платежамъ. Чтобы погасить этотъ капиталъ, министерство финансовъ ежегодно ассигнуетъ ½%. Этимъ данная операція отличается отъ операціи выкупа помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ ½% отчислялось изъ суммъ, вносимыхъ бывшими помѣщичьими крестьянами.

Глава XXIX.

Оглавленіе.—Крестьянскій банкъ.

Недостатки Положенія 1861 г. сказались въ первое же десятилѣтіе. Крестьяне стали испытывать недостатокъ въ землѣ. Земли оказалось недостаточно, какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей крестьянъ, такъ и для исправнаго взноса податей. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, пользуясь данными, помѣщенными въ трудахъ податной комиссіи, что платежи и другіе сборы составляютъ въ среднемъ 134% доходности крестьянскихъ земель вообще.

Янсонъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ налоги превышаютъ въ 5 и болѣе разъ доходность земли, т.-е. всецѣло ложатся на заработки. Въ 1891 г. по государственному сбору недоимки составляли въ Самарской губ. 306% годового оклада, въ Уфимской—249,4, Оренбургской—245, Казанской—202,3, Нижегородской—95,2, между тѣмъ какъ нечерноземныя губерніи, населеніе которыхъ имѣетъ посторонній заработокъ, оказались значительно исправнѣе. Такъ, въ Вологодской и Тверской губ. недоимки составляли 7,5% годового оклада, Ярославской—0,6%, Калужской—3%, Владимірской, Тульской, Рязанской около 14%, Смоленской—18%.

Земство уже въ 70-хъ годахъ обратило вниманіе на то, что населеніе нуждается въ землѣ, и Тверское земство показало примѣръ, начавъ выдавать ссуды

крестьянамъ для покупки земли. Въ результатѣ земскихъ ходатайствъ явился крестьянскій поземельный банкъ, основанный въ 1882 г. Къ сожалѣнію, уставъ банка не совсѣмъ соотвѣтствовалъ живой дѣйствительности, помочь которой онъ былъ призванъ. Дѣятельность лицъ, управлявшихъ банковыми операціями, была ограничена стѣснительными формальностями, такъ что банкъ неизбѣжно долженъ былъ обратиться въ обыкновенное бюрократическое учрежденіе. Процентъ за ссуды полагался очень значительный ($7^1/_2\%$ на 34 года и $8^1/_2\%$ на 24 года). Выдаваемая ссуда была невелика (отъ 91% всей покупной суммы въ 1883 г. до 75% въ 1889 г.), такъ что крестьянамъ для доплаты приходилось занимать деньги за высокіе проценты у ростовщиковъ. Неудивительно, что операціи банка во всѣхъ его отдѣленіяхъ были незначительны и въ концѣ пятилѣтняго періода въ 1889 г. дали дефицитъ въ 489,386 р. Кромѣ того накопились значительныя недоимки за крестьянами. Въ этомъ отношеніи очень интересны отзывы предсѣдателей банковъ по вопросу о пересмотрѣ положенія о крестьянскомъ банкѣ. Почти единогласно они признаютъ, что причины недоимокъ были слѣдующія. 1) Высокая цѣна, по которой покупались земли, и послѣдовавшее затѣмъ ихъ обезцѣненіе. Имѣнія, купленныя по дорогой цѣнѣ, назначались банкомъ въ продажу и за неимѣніемъ покупщиковъ оставались за нимъ же. 2) Высота взимаемыхъ банкомъ процентовъ по ссудѣ. 3) Доплатныя деньги. Производимыя крестьянами доплаты (Тамбовск.) въ среднемъ разсрочивались не болѣе, какъ на 5 лѣтъ, и поэтому, ложась на нихъ тяжелымъ бре-

менемъ, на первыхъ же порахъ сразу подрывали и безъ того незавидную платежную способность крестьянъ. 4) Паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, неурожаи, градобитія.

Крестьяне, купивъ землю, „прежде всего удовлетворяють свои неотложныя потребности, а за такимъ удовлетвореніемъ уже не хватаетъ средствъ на оплату платожей банку; кромѣ того они доходами съ пріобрѣтенной земли уплачиваютъ старые накопившіеся долги. Между тѣмъ понудительныхъ мѣръ въ отношеніи платежей крестьянскому банку не принимается, и часто деньги, вырученныя за землю, купленную съ содѣйствіемъ банка, такъ же, какъ и деньги, вырученныя съ земель надѣльныхъ и другихъ, *при усиленныхъ* требованіяхъ сборщиковъ податей и полиціи, поступаютъ въ уплату государственныхъ повинностей“ [1]). По свидѣтельству предсѣдателя рязанскаго банка [2]), скотъ обыкновенно продается за безцѣнокъ, а крестьяне изъ боязни распродажи скота въ счетъ недоимки не заводятъ скота вновь. Невзносъ платежей несостоятельными членами обществъ несмотря на исправность другихъ членовъ, влечетъ накопленіе недоимокъ и назначеніе земли въ продажу [3]). Вліятельные крестьяне иногда нарочно дѣлаютъ недоимку, чтобы земля осталась за банкомъ и перешла-бы въ ихъ арендное пользованіе, послѣ того какъ они

---

1) Отзывъ предсѣд. Воронежск. крестьянскаго банка. См. матеріалы къ вопросу о пересмотрѣ положенія о крестьянскомъ банкѣ.

2) ibid. стр. 38.

3) ibid. стр. 84.

освободятся отъ круговой поруки. Крестьяне не могутъ понять, какъ это казна (банкъ), желая помочь имъ, даетъ деньги на покупку земли, а потомъ, назначивъ землю въ продажу, разоряетъ ихъ и приводитъ вь положеніе хуже прежняго; если бы они были твердо увѣрены, что земля отъ нихъ не уйдетъ и что ихъ будутъ заставлять платить за нее, то они сдѣлались бы болѣе исправными. При такомъ способѣ даже тяжелые платежи не будутъ оказывать угнетающаго вліянія на дѣятельность банка [1]). Въ Рязанской губ. вопросъ о помощи бѣднымъ обществамъ крестьянъ имѣетъ первостепенное значеніе; въ южныхъ уѣздахъ число бѣдныхъ увеличивается настолько, что возможность имѣть дешевыя руки не соблазняетъ землевладѣльцевъ, и послѣдніе охотно устранили бы этотъ безпокойный элементъ для переселенія его на другія мѣста. Мѣжду тѣмъ, получить разрѣшеніе на переселеніе нельзя, такъ какъ переселенцы не имѣютъ средствъ. Предсѣдатель рязанскаго банка приводитъ въ примѣръ государственныхъ крестьянъ, у которыхъ переселеніе началось давно. Крестьянамъ, желающимъ переселиться, выдается обществомъ ссуда за аренду надѣльнаго участка за нѣсколько лѣтъ впередъ. На этотъ срокъ общество принимаетъ уплату всѣхъ лежащихъ на землѣ повинностей, послѣ чего земля переходитъ въ полную собственность общества. При такой системѣ, говоритъ онъ, переселенцы пріобрѣтаютъ средства къ переселенію, общество расширяетъ свое владѣніе, арендаторъ имѣетъ выгодную

---

[1]) Отз. предс. Сарат. б. Стр. 128 и слѣд.

аренду. Крестьянскій банкъ можетъ дать крестьянамъ ссуду въ размѣрѣ стоимости земли, воспользовавшись примѣромъ, выхваченнымъ изъ жизни. Одна часть этихъ денегъ должна итти на погашеніе выкупа, а другая переселенцамъ. Непосредственная помощь въ дѣлѣ переселенія *со стороны органовъ правительства вызывается крайнею необходимостью, такъ какъ безъ нея крестьяне* въ большинствѣ *справиться не могутъ* [1]) Въ этомъ отношеніи большую пользу можетъ принести изученіе дѣятельности графа Киселева, который смотрѣлъ на дѣло переселенія, какъ на дѣло первостепенной государственной важности. Вотъ почему онъ считалъ, что государство не должно жалѣть издержекъ на устройство быта новопоселенцевъ и безземельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ. И такъ недалеки наши реакціонеры, которые недавно подняли полемику противъ благодѣтельнаго почина правительства, нѣсколько расширившаго рамки дѣятельности крестьянскаго банка. Дѣло въ томъ, что крестьянскій банкъ получилъ возможность пріобрѣтать земли и продавать ихъ по своей цѣнѣ крестьянскимъ обществамъ. Реакціонеры стали обвинять банкъ въ томъ, что онъ можетъ обезземелить дворянъ, покупая у нихъ земли, прибавимъ мы, на болѣе выгодныхъ условіяхъ для самихъ дворянъ и тѣмъ освобождая ихъ отъ необходимости имѣть дѣло съ кулаками.

Манифестъ 14 ноября 1894 года увеличилъ средства банка. Въ видахъ представленія крестьянскому банку

---

[1]) ibid. стр. 38.

возможности оказывать большему числу лицъ крестьянскаго сословія содѣйствіе къ пріобрѣтенію земли, въ распоряженіе его предоставленъ капиталъ въ 50,000,000 р., который долженъ образоваться черезъ отчисленіе ежегодно (съ 1895 г.) части выкупныхъ платежей, поступающихъ съ крестьянъ. Кромѣ того размѣръ роста по ссудамъ пониженъ на 1%.

Очень важно также, чтобы крестьянскому банку былъ приданъ характеръ по возможности не коммерческаго предпріятія, чтобы онъ оказывалъ содѣйствіе главнымъ образомъ малоземельнымъ обществамъ, чтобы участіе земскихъ учрежденій въ дѣлахъ банка было расширено, чтобы выдавалась ссуда не только при переселеніяхъ, но и при покупкѣ сельскохозяйственнаго инвентаря,— однимъ словомъ, чтобы банкъ всталъ въ близкое и постоянное отношеніе съ крестьянами и тѣмъ отвѣтилъ на назрѣвшую потребность деревни въ дешевомъ и доступномъ кредитѣ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.